

Владислав ВАНЧУРА

МАРКЕТА
ЛАЗАРОВА

Владислав ВАНЧУРА

МАРКЕТА
ЛАЗАРОВА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО
ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И «ОДЕОН»

Прага
«ОДЕОН»

Владислав ВАНЧУРА

МАРКЕТА
ЛАЗАРОВА

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО

Иллюстрации
Владимира БРЕГОВСКОГО

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1979

Предисловие
Р. КУЗНЕЦОВОЙ

Перевод
В. МАРТЕМЬЯНОВОЙ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И МУЖЕСТВЕ

«Маркета Лазарова» (1931) Владислава Ванчуры (1891—1942)—несколько необычный роман, встреченный в свое время одними прогрессивными критиками с восторгом, другими—с неудовольствием и удивлением: казалось странным и неожиданным, что передовой большой художник в годы острой социальной борьбы обратился к семейным преданиям. Ведь в основу сюжета легла бытовавшая в роду писателя старинная легенда о далеких предках, мятежных рыцарях-разбойниках, не покорившихся королю.

В своих ранних романах Ванчура писал о близкой ему современности. Безумие военных лет запечатлено в «Полях пахоты и войны» (1925), болезненно протекавший процесс разорения мелкого собственника, его пролетаризация— в «Пекаре Яне Маргоуле» (1924). Здесь, как и в романах «Последний суд» (1929) и «Уголовный процесс, или Пословицы» (1930), писатель защищал духовные ценности народа, утверждал идею коренной ломки капиталистических общественных отношений. Раскрытие морали буржуазного общества во всей ее неприглядности, обнажение социальных противоречий, данные в сатирической и гротескной форме,—это только одна сторона творчества писателя. Другую сторону определили оптимизм, гражданский революционный пафос книг Ванчуры, глубоко лирическое начало, с особой силой проявившиеся в образе Маргоуля и пьесах 20-х годов, в замечательной юмористической новелле «Причуды лета» (1926).

Ванчура постоянно стремился к многообразию и богатству художественного выражения новой эстетической концепции действительности, которая складывалась в чешской реалистической литературе 20—30-х годов. Эта тенденция отчетливо проявилась в романе «Маркета Лазарова», хотя и написанном в стиле народной баллады, но вместе с тем несущем в себе очевидные черты реалистического романа. Автор рисует образ жизни рыцарей-разбойников, их быт и нравы, жизнь деревни и города; колоритно изображены Ванчурой порядки в монастыре, куда попадает Маркета, «завещанная» отцом богу. Писателем

воссоздана реальная картина чешских земель в те давние времена, раскрыт драматизм событий. Преодоление феодальной раздробленности, сосредоточение власти в руках короля приводили к конфликтным ситуациям, к вооруженным столкновениям с трагическими последствиями. Только плаха могла ждать предводителя разбойников, дерзкого и упрямого Козлика, самого смелого его сына Миколаша и еще четырех сыновей, которые в сражениях с королевским войском тщетно пытались отстоять свою независимость. Трагический исход их сопротивления был неизбежен.

Тематика, особенности сюжета и «угол зрения» позволили Ванчуре избрать высокий стиль, близкую к фольклору поэтику, придать романтическую окраску повествованию и персонажам. Все это достаточно органично сочетается в романе с разветвленным сюжетом в раскрытии внутреннего мира героев — словом, с характерными чертами романа XX века. Сочетание, казалось бы, несовместимых аспектов художественного изображения позволило автору создать реалистические, яркие образы героев. Нежная, покорная и страстная Маркета, с таким трудом сделавшая, наконец, выбор между богом и любимым, преданная и стойкая в своем решении, она предпочла мирной тихой жизни затворницы беспокойную судьбу жены разбойника. Самоотверженная и любящая Александра, натура неукротимая — не желает ждать казни и сама уходит из жизни. Мудрая и добрая Катержина — мать большого осиротевшего семейства, мужественно проводившая мужа и сыновей на эшафот, взяла на себя заботу о внуках. Несговорчивый, упрямый Козлик; более хитрый, уже приспособившийся к новым временам Лазар, отец Маркеты. В отношениях между этими героями проявляется целая гамма самых разнообразных человеческих чувств, отражающих сложные судьбы в годы больших общественных потрясений.

Выразителен облик любимого сына Козлика, молодого, сильного и храброго Миколаша, чей впечатляющий портрет перед последним решительным сражением как бы венчает общее представление об этих смелых и своевольных людях. «Ноги его будто из латуни или из железа, на руках вздуваются узлы мускулов. Его ноги и руки — словно живые львята и тверды, как у изваяния. Он медленно трогает коня и движется вперед, и взгляд его пронзительнее, чем у ястреба, и видит он зорче».

Герои баллады вызывают интерес и чувство симпатии, хотя, казалось бы, насколько может читателя XX века волновать трагический исход конфликта, да и вся легендарная история последних рыцарей-разбойников? Ванчура отнюдь не идеализирует образ жизни героев или их характеры, напротив, он постоянно подчеркивает жестокость и грубость разбойников. Козлик, например, приказал единой цепью сковать на сутки пятерых послушавшихся молодых людей, и сами они — Миколаш, его сестра Александра, Маркета — считали такое наказание заслуженным. Миколаш, любящий Маркету, сурово обходится с ней, может даже ударить. «Неужто вы и впрямь полагаете, — обращается Ванчура к читателю, — будто истинная любовь всегда совершенна?»

В этом риторическом вопросе выражена по существу творческая позиция художника: не допустить сентиментальности; отображая прошлое в его исторической конкретности, раскрыть истинную духовность в людях, способных мужественно отстаивать свободу и горячо и преданно любить.

Ванчуровские образы привлекали современников, ибо в годы экономического кризиса в Европе проблема героического характера выдвигалась самой жизнью. Роман Ванчуры противостоял процессам духовного оскудения обывателя, угрозе фашизма. Книга пробуждала высокое чувство национального самосознания, свободолюбия и социальной справедливости. Обращение к традициям, воскрешающим дух свободолюбия, осветившим истоки лучших сторон национального характера, было весьма актуальным. И не случайно, что в годы оккупации Ванчура вновь писал о прошлом, создавая «Картины истории чешского народа» (1-й и 2-й тома вышли в 1939—1940 гг., 3-й, неоконченный, посмертно — в 1948 г.).

Так, в самом начале 30-х годов в «Маркете Лазаровой» автор искал новые художественные средства для воплощения своего замысла: противопоставить морали буржуазного общества и безликой, углубившейся в сферу подсознания литературе натуры цельные, раскрывающиеся в действии. В балладе образы героев монументальны, проявление чувств впечатляюще ярко, разбойников не занимает анализ собственных мироощущений; их сложный противоречивый внутренний мир, их психология раскрываются преимущественно в поступках, в действиях. Да и форма сказа исключала аналитический аспект повествования.

С присущим Ванчуре чувством историзма и тонким чутьем большого художника он понял необходимость обновления романа — одного из самых популярных жанров. Считая литературу действенным средством духовного воспитания, Ванчура создал произведение, необходимое людям и открывающее новые перспективы для пролетарского искусства. Потому-то его герои, их судьбы, печали и радости не могли не волновать читателя. Во многом этому способствовала избранная писателем манера повествования, когда события и характеры словно проецируются в современность. Определенную роль играет при этом вмешательство автора-рассказчика в повествование, прямое обращение к читателю, все, что приближает нам происходящее в романе. Добиваясь ощущения причастности и сопереживания, Ванчура вызывает тем самым эмоциональное восприятие читателем натур героических и всего сюжета с его сложными коллизиями и трагическим конфликтом. Утвердить влечение к возвышенному — задача нелегкая, но благородная, не теряющая своей актуальности. Балладический роман Ванчуры до сих пор воспринимается с неослабевающим интересом.

Своеобразное «стяжение» временных планов, разделенных целыми столетиями, многомерное отображение жизни удалось художнику в значительной мере благодаря необычайно-му поэтическому простору и богатству речевых форм. Раскованность слога, свободный переход к лексике разных эпох, к различным стилевым уровням сделали тексты Ванчуры чрезвычайно трудными для перевода на другие языки. Особенно нелегко передать стиль «Маркеты Лазаровой», где, причудливо сплетаясь, воедино слились архаизмы, интонации героического эпоса и словесные обороты современной публицистики, романтический пафос и внутренняя авторская ирония в подтексте. Тонкий ценитель художественной литературы, известный чешский критик Ф. Кс. Шальда, современник Ванчуры, восторженно встретил «Маркету Лазарову», назвав ее «непозволительно» прекрасной, считая, что по форме

произведение напоминает баллады великих мастеров поэзии. Время подтвердило правдивость оценки Шальды.

Казненный фашистами замечательный чешский Народный художник—это высокое звание было присвоено Ванчуре посмертно в освобожденной Чехословакии — оставил богатое наследие. Созданные после «Маркеты Лазаровой» романы «Конец старых времен» (1934), «Три реки» (1936), «Семья Горвата» (1938)— первый том задуманной трилогии, неоконченные «Картины истории чешского народа»,— все это значительные вехи развития чешской литературы социалистического реализма. И среди них «Маркете Лазаровой», прекрасной балладе о любви и мужестве, принадлежит свое, особое место.

Р. КУЗНЕЦОВА

ΜΑΡΚΕΤΑ
ΛΑΖΑΡΟΒΑ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мой дорогой пиит, мы уже не первой молодости, и приключалось с нами множество происшествий, большинство из которых не стоят даже упоминания. Да что за беда, ведь случались среди них и прекрасные, и безумные, и шутовские. Слыхивал я, будто ты ночи напролет проводил на берегах рек с удочкой в руке, но не улов заботил тебя, рыбарь имен. И будто стоял ты чуть ли не по пояс в воде, а ежели водяная живность дергала твою лесу и ты замечал тонущий поплавок, то тебя охватывало волнение, словно во время атаки. Тетушки поговаривали о чистом безумии. И с полным правом, ибо все, что надлежало передать в кухню, ты бросал обратно в ручей, смеясь, точно тот, у которого усы и борода вымазаны медом. Я тоже не обнаруживал смысла в этих зоологических увлечениях, но игра была мне понятна. Тем лучше. Своды тех дней почернели от копоти, и подступает осень. Вокруг — кромешная тьма, и по окнам моей горницы барабнят ветви леса. Утешно мне вспоминать о твоих проказах, и я с радостью узнал бы что-нибудь еще о веселых шалостях, оставшихся для меня тайной. Но увы! Отца моего, который многое мог бы порассказать, уже нет среди живых. Его нет среди живых, а вы с ним так немислимо схожи! И оттого для меня поистине драгоценно беседовать именно с тобой, а поскольку дела, до тебя касающиеся, мне известны меньше, чем я того желал бы и считал достаточным, позволь мне начать повествование о братьях-разбойниках, с которыми нас роднит общее имя. Несуразность этой истории мне более чем по душе, и я твердо надеюсь, что тебя она тоже не разочарует.

¹ Книга посвящена автором двоюродному брату, писателю Иржи Магену (1882—1939), который рассказал В. Ванчуре семейное предание о Маркете Лазаровой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Безумства и шутовство рассеиваются как попало. Позвольте истории нашей разыгаться в краю Младоболеславском, в пору волнений и смуты, когда король вел борьбу за безопасность проезжих дорог, наталкиваясь при этом на жесточайшее сопротивление дворян, которые оказывали себя попросту злодеями и, что хуже того, проливали кровь чуть ли не с хохотом. Сами вы от бесконечных разглагольствований о великодушии и пленительном нраве народа нашего сделались непомерно чувствительны и, пируя, разве лишь воду проливаете на столе,— к досаде кухарки,— а те парни, о которых я поведу рассказ, были бедовые, будто черти. Этих удалцов я мог бы уподобить разве что жеребцам. Их очень мало заботило то, что вам нынче представляется таким важным! Какая там гребенка или мыло! Они забывали даже о заповедях господних!

Говорят, будто в те времена подобных богохульников водилось великое множество, но в этой повести речь пойдет лишь об одном семействе, имя

которого, должно быть ошибкою, упоминают в связи с Вацлавом¹. Ухватливые это были дворяне! Самого старшего из них даже в те кровавые времена окрестили каким-то очень нежным именем, да он запомнил его и до самой своей постыдной смерти прозывался Козликом.

Стало так, наверное, оттого, что крещение не внушило ему душеспасительных мыслей, но отчасти в том повинна и его манера одеваться. Удалец наш с головы до пят был увешан овчинами, а поскольку был он к тому же лыс, то и голову свою обматывал козьей шкурой. Ей-ей, не зря разбойник пекся о своей башке, потому что была она рассечена и заросла кое-как.

Нет ни малейших сомнений, что любой нынешний военачальник от такой раны наверняка преставился бы прежде, чем полковые лекари успели поднести ему ложечку чая. А Козлик? Залепил рану илом и добрался домой верхом на коне, раскровенив ему бок варварской шпорой. Помяните его и не судите слишком строго, потому что был он отважен и не визжал от страха. Так вот, у этого меченого Козлика было восемь сынов и девять дочек. Увы, благословенье это не считал он знаком божьей милости и похвалялся перед себе подобными, когда на семьдесят первом году произвел на свет последнего сына. Супруге его, пани Катержине, как раз на крестины стукнуло пятьдесят четыре года.

Уж эта плодовитость! Ежели в те поры кровь не успевала высыхать на ножах душегубов, то и были они наделены неиссякаемыми родниками жизни, так что придется вам представить себе ангелов-благовестителей, стоящих в изголовье супружеских постелей в виде пухлых бутузов в тесных одеждах, щеки их багровы от натуги, а на лбу вздулись жилы.

В геркулесовы времена кровь обновляется быстро. Кое-кого из старших Козликовых сыновей бог также благословил детками. Пятеро дочек были уже отданы замуж, а четыре пока еще ходили в девушках. Старик отец едва ли имел понятие о их существовании, для него они значили меньше, чем прислуга.

Да и то сказать, стоит ли упоминания яловая красота? А вот заверещат у них меж колен детки, нальются молоком груди, произведут девки на свет нечто сообразное своему здоровью — вот тогда и Козлику пристойно будет поговорить с ними, как с родными дочерьми. Едва лишь это свершится,

¹ Имеется в виду князь Вацлав, считавшийся святым покровителем Чехии.

одну за другой обзовет он уродиной и притянет к себе, к своему косматому уху.

Теперь остается мне упомянуть о сыновьях да назвать ихние имена. Как же их много! Первенца нарекли Яном, за ним следовали Миколаш, Иржи, Адам; эту череду нарушали дочери: Маркета, Анна, Саломена, а потом снова шли сыновья: Симон, Буриан и Петр, а затем опять дочери: Катуша, Алена, Элишка, Штепанка, Иза, Драгомира, которую на девятом году жизни обезглавили королевские солдаты. Последний из семнадцати детей был окрещен Вацлавом.

В пору, о которой мы ведем повествование, земля была тучной, а луга — вечнозелеными. Из высоких трав торчали лишь головы косарей. Однако ничто не принудит лиходеев обратить свои помыслы к любезным полям. Две-три коровенки с тощим выменем от постоянных перегонов больше приноровились к бегу, чем к мирной пастьбе. Несметное число раз, не дав животине полакомиться бутонами и сочной травой, необузданные Козликовы живодеры с истошными криками хватали ее и во всю прыть волокли к повозкам. И вот уже снова прикручивают ее за рога к телеге.

Бедняжки, придется вам трусить за шальными колесами, словно лошадкам.

Но к чему все эти переезды да кочевья? Дело в том, что Козлик и все его сыновья — разбойники. Боюсь, что это клеймо лежит даже на женщинах и девушках ихнего рода. Это шайка разбойников. Работа им не по нраву. Обильные поля порастают лесом, а милую их сердцу крепость Рогачек неприятели раз в десятилетие либо выжигают дотла, либо разносят в щепы. Тогда разбойники укрываются в лесах. А ежели роды прихватят роженицу прямо у костра — лиха ли беда? Пустое! Достанет ей куриной похлебки и лапши из воровского котла! А там приволокут и попа, врасплох захваченного у врат храма либо прямо в постели. Посмотрим, выкажет ли он охоту упорствовать? Пусть делает свое дело, ибо разбойнички питают слабость к закону господа нашего Христа. Не ровен час, забудет кто младенца, помрет нехристом. Зимой года нашего повествования ударили в декабре морозы, да такие жестокие, каким был тогдашний христианский люд. Копыта коней подпаливало морозом, будто раскаленной подковой, а

коровьи соски покрывались инеем. В такую стужу славно греться у костра, но, черт побери, насколько же все-таки лучше тем, что спят дома или хотя бы на вязанке хвороста в хлеву! К несчастью, король прогневался на злодеев и разослал по саксонским дорогам солдат, дабы вершили они суд и расправу. Козлик решил обороняться на Рогачеке, но защитный ров внезапно сковало льдом, и лед окреп настолько, что конные могли бы подступить чуть не под самые окна крепости. В открытом поле Козликова свора могла противостоять пяти десяткам солдат, да ведь как отгадаешь, сколько их подвалит!

— Миколаш,— не сбавляя волчьей побегки, сказал старик сыну,— возьми двух коней да турецкие ткани, сколько ни есть, да подарок для бабы подбери по своему разуменью. И гони к Лазару!

И любезный сын, багровые щеки которого и без того на морозе превратились прямо в медные, сломя голову мчится в конюшню.

— Седлай жеребца! — орет он челядину, подносящему ковш.

Вечно подымалась горячка, если кому из этих господ что-либо взбрело в голову. Челядин швырнул ковш наземь. Не успела еще посудина дозвенеть, а он уже возле коней. Окаянный жеребец бьет копытом, подымается на дыбы, и кобылы поворачивают к нему морды, а жеребята с протяжным ржанием сбиваются в кучу.

Меж тем Миколаш запускает в сундуки огромные свои ручищи, свои косматые когтистые лапы, и переворачивает вверх дном содержимое, долго не находя того, что ищет. Наконец извлекает свиток богатой ткани. Ткань малость попорчена, потому как купец-армянин, что вез товар из Персии в Нидерланды, не отдал дорогую вещь добром, а, обхватив руками, судорожно прижимал ее к своей птичьей груди. На ткани — кровь. Ладно, агнца моего это наверняка не смущает. Он отменный хранитель либо расхититель кладов, его ничто не встревожит. Однако! Два резких порыва ветра заставляют молодца оглянуться и захлопнуть крышку сундука. Какая-то драгоценная диадема — чуть не пополам! Но с подарком решено; как всякие решения в те беспокойные времена, оно также припечатано ударом кулака.

Миколаш подпоясывается и надвигает на нос железное переносье шлема. Гребень шлема на изогнутый нос гордеца. Рехнуться можно в такой шляпчонке! Ну и пусть тебе мозги приморозит!

Уже готовы кони, разбойник стискивает коленями бока жеребца, а заботливый наставник и добрый папенька орет сыночку вслед, что надобно передать в соседском логове. С десяток слов — не более. Рассудительному хозяину представляется выгодным держать оборону, объединяясь с проходимцами, которых он сотни раз клял и поносил на чем свет стоит. Да и как иначе, ежели Лазаровы шалят по большакам, сушат исподнее в зарослях ивняка, а в сумерках крадут лошадей, нимало не заботясь о славном рыцарском обычае, повелевающем нам ясно выражать свой умысел и намерения, прежде чем сечь головы.

Выворачивать карманы прохожих, которых мы обезоружили! Срам какой! Но сейчас все-таки благоразумнее смотреть сквозь пальцы на этих вахлаков. Вместе с дворней у Лазара двадцать три души, да у Козлика тридцать девять. Могли бы вдарить в тыл заспанной пехоте, что таскается по дорогам с кляузниками-барабанщиками, губастыми трубачами, в доску пьяными маркитантами и девкой, задравшей юбку выше колен. О, если бы полк состоял из одних искателей приключений! А то ведь во главе войска идет командир, а у него — охрана с тыла, охрана с фронта, охрана с флангов. Ведь подступают дружины конные и дружины пешие, держащие порядок и строй, ощетинившиеся оружием!

Эти негодяи знают толк в своем ремесле, и любой бьется за шестерых.

Вообразите себе, однако, что теперь быстротечный день и ветер разгоняет снеговые тучи. Он уносит их вдаль, треплет, рвет клочьями, рассеивает по небу, и вот уже свет и небесная лазурь ликуют снова. На прудах трескается лед, а на лужицах звенит ломкая ледяная корочка. В кустарнике слышен мерзлый хруст — это сламываются веточки. Снег сыпучий, словно соль, пылью взлетает из-под копыт и оседает на клочковатой шерсти, превращая ее в ледяные шипы. Стужа заплетает в косы конские гривы. Стужа, стужа, стужа! Хоть мороз, хоть зной, разбойничку все едино, лишь бы кровь проливать! Он как барабанщик, у которого инструмент от тряски на бегу вдруг растрескался вовсю, он подобен барабанщику, который не притрагивался к палочкам и все же слышит барабанную дробь.

Разбойнички! Да разве не все их затеи кровавы?

Снова Миколаш едет за добычей, и взмыленные кони — лишь бледная тень его неистовства. На середине пути благородный наездник дал роздых

коням, а остаток дороги, хоть и некуда было добряку спешить, опять гнал галопом.

Крепость Лазаровых именовалась Оборжиште. Бр-р, гнездовье трусов! Едва завидев Миколаша, Лазар и его слуги засуетились, будто у них ключик, выскользнув, упал в пруд. Старый Лазар, борода словно дым, вышел за ворота. Пора гостю начать разговор.

Миколаш предпочел поклониться хозяину, но не раскрыл рта; чувствует разбойник предотъездные сборы. Помолчав немного, Лазар спросил, не повстречал ли Миколаш его посланца?

— Отправил я к Козлику мальчонку спросить, не пособит ли Рогачек — место надежное!

— Пособить мы вам пособим,— не без веселости даже отвечивал разбойничек,— ежели вам желательно очутиться перед Болеславой. Рогачек, мой рыцарь, промерз до дна. А мы станем лагерем у поворота дороги, поблизости от леса. Торопись, Лазар, время не терпит, и королевское войско недалеко. Коли ты, грабитель, попадешься солдатам, не сносить тебе головы.

— Король,— возразил Лазар,— король справедлив, а вот тех, кто преградит путь его войску, он развесит на суках вдоль большой дороги.

Соскочил тут разбойничек со своего коня, и завязался меж ними спор, да такой, что кровь ручьем. Малейшая угроза, малейший намек на виселицу — и кровь бросилась Миколашу в голову, замахнулся он, дабы увесистее были его слова, и произнес:

— Король прячется за своими капитанами, а до них отсюда — три дня пути. Не слышит тебя король, Лазар, зато я слышу. Дурак, лучше бы тебе отказаться от покорности и преданности своему королю, ведь он — за оградой твоего двора, а мы — тут рядом. Держись, негодяй!

Сказав так, достопочтенный посланник выхватил у какого-то мальчика плетку, да и принялся хлестать Лазара по лицу, по бокам да по спине.

Вы, верно, полагаете, что люди в Оборжиште именем господа нашего должны были сделать внушение гостю и разными увещеваниями научить его уважать старших?

А стало так, что набросились Лазаровы на Миколаша со всех сторон. Парни тыкали в него палками, расцарапали лицо, исполосовали спину дубинами. Миколаш рухнул наземь, а они, навалясь грудой, орали ему в

уши ругательства и страшные поношения. Молодцы непременно забили бы посланца до смерти, да одним из ударов проткнули ему вену; Миколаш лежал, истекая кровью, словно бык.

Кровавая лужа под головой Миколаша разливалась, обретая форму тени, отбрасываемой шлемом. Захватывающее зрелище для воришек, которые только на то и годятся, чтоб отобрать крест или дукатик у девчушки, после того как она снимет и то и другое со своей шеи. Зрелище великолепное, и парни стоят с разинутыми ртами. Дыхание у них сперло, они помаленьку пятятся назад. Сердца их колотятся где-то в глотке, жалостливые сердца мелких воришек, а не головорезов.

— Господи боже,— сетует побитый Лазарь,— да разве я разбогатею, коли его погублю? Пусть встает, пусть убирается восвоюси, пусть издохнет по соизволению божию. Право слово, большую вы промашку допустили, что набросились на него так ретиво. Лучше бы он окошел на дороге либо в постели, имея время раскаяться в своих поступках. Ах вы, прохвосты, прохвосты, да неужто неизвестно вам, что у пана Козлика сыновей больше, чем овец? Справедливого короля мы могли бы попросить о милости. А там, глядишь, снова предались бы покойному нашему ремеслу возле большаков, как только бы он удалился. А что теперь? Смазывать пятки! Удирать верхом на конях, которым быстрый бег вытянет ноги так, что лошадки станут приземистыми, будто козы. Спешимся в лесу и припустим во весь дух, колотя себя пятками по заднице.

Клянусь честью, напоминание это сделал Лазарь своевременно.

Меж тем Миколаш с божьей помощью поднял голову. Его роскошный нос распух, губы вздулись, из глаза течет кровь, а усы и борода оборваны. Опершись ладонями оземь, он приподнимается. Увы, он слишком слаб, вот опять распластался, раскинув руки, будто на кресте.

Ах вы, говнюки, ах вы, Лазаровы собаки злолайные! Небось теперь убедились, что на свете ничего не может приключиться помимо воли господней? Небось уверовали, что такие замечательные кости и столько крови даны Миколашу не зря, не из прихоти, не по капризу провидения, у которого сорвалась рука? События исполнены predetermined смысла, и мы, кому позволено заглянуть в конец этой истории, сможем, вероятно, уразуметь хотя бы малую толику великой премудрости господней.

Миколаш не кончается, боже сохрани. Высвободил он из обморочных тисков свою голову, встает, отряхивается, и снег беспамятства и снег бессилия сыплется с его одежд.

Если бы хоть одна порядочная девица или благородный юноша, понимающий, к чему обязывает нас великодушие и христианское милосердие, оказались рядом, они наверняка наложили бы Миколашу повязки и подали воды. Да только дьявол разберет, ладно ли вышло бы? Принял бы Миколаш подобные баловства? Простите, а дозволено их принимать?

Я охотно привел бы здесь все, что сказал Миколаш, но ни единое словцо не представляется мне правдоподобным. Скорее всего, строптивец молчал. Выхватил из-за пояса нож и шатаясь вышел.

У ворот мерзли стреноженные кони. Вот уж тупицы так тупицы эти Лазаровы несмышленьши! Восточные ткани, которым цены нет, до сих пор приторочены к седлу! Увлечшись молодецкой забавой, в Оборжиште замятовали о добрых обычаях.

И — себе во вред, ибо теперь Миколаш даже не вспомнил, что прибыл с дарами. Темен он, как распятье. Слава богу, достало сил взобраться в седло, в седле-то он удержаться сумеет.

Не так уж трудно догадаться, что последовало за этим происшествием. Гнев Козлика, причитания женщин и крики челядинов. Они держали себя — ну чисто дьяволы и дьяволицы!

Миколаш с расплюснутым носом лежал на подушках, мимо сновали люди, но никто с ним даже словом не обмолвился. И угадываю я по этой сдержанности, как они презирают и стыдятся брата.

Вернуться побитым, точно конюший! Да отчего же Миколаш не защищался удачнее? Братишечкам и девяти сестренкам было бы много утешнее, души их ликовали бы, коли в стычке той он прикончил бы хоть одного зложелателя.

А если бы Миколаш пал в бою, они подняли бы вой в знак торжества и траура. Заламывали бы руки. Оборжиште вмиг полегло бы пеплом, и Лазаровым не сносить бы головы. А нынче в замешательстве все отложили до завтра.

Когда развиднелось, поскакал Козлик с двадцатью всадниками к твердыне Оборжиште, оставив раненого Миколаша и всех прочих на Рогачеке.

Скверное начало не способствует поднятию духа. Козликов жеребец упирается. Его добрый нрав улетучился, не желает конь трогаться с места. Да и то сказать, негоже теперь дробить силы, ибо королевское войско уже близко. Какое безрассудство — имея в тылу солдат, пуститься в погоню, а логово свое бросить чуть ли не на произвол судьбы! Плохо обдумали дело разбойнички.

Козликова свора напоминала сбившееся с дороги, потерявшееся стадо. Всадники мчались во весь опор; мороз сводил их с ума, мороз и военный просчет, вернее — сознание этого просчета. Пловец, пустившийся по реке в дырявой лодке, поступил бы ничуть не умнее.

Козлик молчал. Ян тоже хранил молчание, приуныли и челядины. Приехав на место, главарь разослал лазутчиков, и те воротились с новостью, очевидной как божий день: Оборжиште пусто. Упорхнули пташки!

Ян, хоть и предполагал подобный исход, был раздосадован. Оглянувшись, он увидел, что челядины поджигают крепость. Приступали вяло, но огонь подзадоривает. Ничего не поделаешь, в такую невообразимую стужу приятно слышать потрескивание горящего дерева и шипение языков пламени.

Все, что смертно и сотворено человеческими руками, подвержено разрушению; так что лучше обзавестись майоратами и именем где-нибудь на небесах. Кто помнит об этом, тот льет слезы редко. И меньше всего, когда полыхает чужой дом, который вы запалили собственными руками.

Разбойнички ликуют, гикают радостно да скачут вокруг пожарища, и так, вероятно, будут поступать всегда, до самой смерти. Коняги их встают на дыбы, подставляя брюхо струям горячего воздуха. На гривы им падают искры, кожух Козлика затлелся. Предавшись забаве, молодцы промешкали возле Оборжиште до самого полудня, а потом разбрелись, дабы отыскать какую ни то пищу. Наконец изловили кабанчика, да полакомиться им не успели: Козлик уже свистел в свой свисток, созывая стаю и приказывая собираться в обратный путь. Сам разрубил веревку, на которой молодцы волокли верещащего боровка, да шуганул его так, что он поскакал, ровно заяц. Заботили главаря дела поважнее, чем кашеварство да вертел. Не давала ему покоя мысль о солдатах, которым видно зарево на горизонте. Козлик знал королевского капитана и понимал, что это за лиса.

Был капитан сыном какого-то мужика, однако силой, разумением воинским и прочими редкими талантами был наделен, что твой дворянин. Некогда этот честный купец и слуга божий жил в Кутных Горах, а потом ссудил деньги некоему высокородному вельможе и враз попал в армию, а там ему доверили капитанство. Слыл он бесстрашным и послушен был лишь одному королю.

Батюшки-светы, да ежели этакая гончая вцепится в ногу, пиши чулкам пропало! Отберет все, что вы с таким трудом сколотили, да еще мало ему покажется, еще не поверит, что не всякий день по большакам развезжают богачи с золотой мошной!

Оно конечно, для вас в таких случаях речь идет о жизни и смерти, этот удалец всегда готов снять с вас голову либо вздернуть на дыбе; тут все решает одно — с какой ноги он нынче поднялся.

Этот рубака противен был Козлику до глубины души, и он охотно бы нащупал его слабины. Однажды Козлик совсем было подступился к нему, да не нашел зазора в панцире капитана. Не было на то соизволения божьего, сам едва ноги уволок. В тот раз капитан, по прозвищу Пиво, в темноте его не опознал, однако не приходилось сомневаться, что коли он умом пораскинет, то легко обо всем догадается. Кто еще посмел бы ему крикнуть: «Защищайся, купчишка!» Кто иной решился бы на это, кроме сумасбродного старика?

Беда, коли у наших судей мы на особом счету! Тем не менее Козлик полагался на волю господина, который множество раз являл ему свою милость и опять соблаговолит вознести его банду, дабы стала она расторопной и решительной и привела в исполнение все задуманные добрые дела и намерения. Он сознавал, что не прожить нам на этом свете без великих трудностей, без подаяний и монахов, без судей и виселиц, без короля и сборщиков податей, без столкновений, когда нам грозит опасность поражения и смерти.

Размышляя обо всем этом, отказался Козлик от свиного окорока и с дерзкой отвагой выбрался на главную дорогу. Ему нужно было теперь захватить какого-нибудь путника, пробирающегося с юга. Неважно кого, лишь бы он точно указал, где стоит Пиво со своим войском.

Однако большак словно метлой вымело; сколько ни рыскали Козликовы люди, ни нищенствующего монаха, ни монашки настичь им не удалось.

В такой холодище все на печке сидят, кому это взбрет в голову по дорогам шастать?

Шел третий час; на щеках разбойников мороз вытравил розы, а на носах развесил снегирей. Терпение душегубов лопалось, и тут, легок на помине, показался на горизонте всадник. Скачет, припав к конской шее. Насколько можно различить, он безоружен. И конь без уздечки. Молодой человек явно спасается бегством. Завидев разбойничков, не приходит в ужас, а машет им, верно, просит о помощи.

Ян пустил своего коня вскачь и, схватив скакуна за ноздри, остановил его, поворотив морду. Кто этот всадник? Он говорит...

Говорит, говорит, да только это не наша речь! Это речь немецкая...

Лиходеям смех, скалят зубы, и ухмылка шевелит их усы и бороду. Поди тут разберись! Однако конь немчуренка породист; видно, стоит немалого и наездник.

Тут-то и вздумалось богу заронить в души головорезов искру милосердия. Забрали они бедняжку с собой, воротились восвояси, а на большаке оставили лишь Яна с челядином.

В четвертом часу снова завидели Козликовы дозорные поспешающих всадников и схватили того, у кого конь больше других изнемог и отставал. Пленник оказался из челяди, преследовавшей немецкого дворянина. Парень был, по-видимому, откуда-то из пограничья, а может, шибко ученый? Так или иначе, говорил он на двух языках свободно, и трудно было догадаться, который из них его родной. Ян вывернул ему руку в запястье и отобрал оружие.

Увы, чужак ничего не мог сказать о королевском войске. Немецкие наемники гонялись за своей жертвой по полям, а потом выбрались на имперскую дорогу, но проехали по ней всего две мили. Ничего не выведав, завели разбойнички оруженосца в лес и, связав, бросили на землю. Яну пришлось дожидаться лучших известий.

Проезжие дороги наверняка предназначены для надобностей войска, но ходят по ним и крестьяне. Глянь-ка, вон один как раз возвращается к себе домой. Продал в городе шерсть и теперь торопится, озабочен, как бы довести деньги в целости, поскольку им-то и угрожает опасность. Бедняжка, мешочек с деньгами он держит за пазухой.

Эх, братишка, распростишься-ка со своим золотишком! Знатный рыцарь разmozжит тебе голову, и денежки — тю-тю!

Ан нет, не зря, видать, молился мужичонка святому Мартину — заступнику от разбойных нападений. А может, господу богу, который узрел крестьянскую душу, проникнутую нуждою в деньгах, угодно было отпустить его, чтобы шел себе с миром и не был обобран?

Ну, разумеется, мужик ответил на все вопросы, и обстоятельные его ответы в некотором роде соответствовали истине. Когда он досказал, кивнул Ян челядинам, чтобы отпустили вожжи, и слуги, вытянув коня веревкой, прокричали прямо ему в уши: «Пошел! Пошел!»

Поздним вечером воротился Ян на Рогачек. А мужицкий возок, такой счастливый, весь мохнатый от шерсти, затарахтел по дороге к дому.

Сказано когда-то, что агнец приносит счастье, и нам это изречение по вкусу.

У Козлика для укрытия кладов имелся тайник в труднодоступном месте — на болоте посреди дубовой рощи. Служил тайник надежно в те беспокойные времена, когда король либо соседи донимали разбойника. Нынче снова уложил Козлик свои сокровища и все, что не могло уместиться в повозках, в лесной сокровищнице. Кружа возле заветного места, Козлик поджидал, пока опустятся сумерки, и вышло так, что задержался он дольше Яна. Вошел в дом весь перемазанный грязью, отчего страшная его образина выглядела вдвое страшнее.

Молоденький немецкий дворянин, столь превосходно державшийся в седле, теперь был бледен, как плат. Он стоял возле очага, а Козликовы сыновья да их сестренки и прочие дамы одаряли его всяческим вниманием. Иржи освещал его лицо и заставлял вертеться в разные стороны. Затея слишком уж смахивала на пытку, однако господь бог знал, что творится это для того лишь, чтобы совершилось дело ангельское. Господь наш время от времени наделяет людей — как бы ни были они дики — лучезарным, безрассудным и возвышенным чувством, которое, возвеличивая, приближает их к богу. Вселяет он в людские сердца любовь, о которой говорят, что она — венец жизни. Лучина опалила юному немчику брови, но он увидел, на что указал ему господь. Очаровательную Александру.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Козлик был отъявленный гордец, сыны удались в него, а вот как повесть говорит о дочках?

О, нисколько не лучше! Увы! По слухам, характер у них ведьминский, грубы они, и прелестный вид ничуть не мешает предаваться сомнительным увлечениям. Место их — у костра, однако дикарки более помышляют о ратных подвигах, нежели о смиренном труде у кухонного очага. Право, нечему девкам радоваться, однако не умолкают их смех да хихиканье, а ведь на дворе уже ночь. Болтают о пленном немчике и издеваются над ним, и нет в их речах даже намек на какие ни то приличия. Катержина буйствует и на все лады твердит имя чужака: Кристиан, Кристиан, Кристиан. Вторая раздражается хохотом при виде ослепительно чистеньких рук чужестранца. Не оставляют они без издевки и его манеру одеваться, даже бесценный перстень вызывает у них насмешку. Косы, кудри, гривы их черны, как покров ночи, из-под которого выглядывают дивной белизны и совершенства руки и ноги чародеек.

О, пусть вас не слишком возмущают эти кривляющиеся красотки, может, им-то как раз и предстоит узреть лик божий, а мы, чернильные души, пожалуй что, так и сгинем бесславно.

Александра ничем не выделялась среди сестер, разве была более хрупка. Цвет лица ее подобен снегу, подрумяненному вечерним закатом.

Нынче она прехороша собой, ибо любовь уже осенила ее своим крылом. Она смеялась вместе с сестрами, но средь веселья на нее вдруг напала грусть и защемила душу тоска. Она опасалась, что это болезнь, ибо доселе было ей неведомо душевное смятение, когда в одном чувстве перемешиваются любовное томление и досада, нега и стыдливость.

Ни Козлик, ни любезные братцы с сестрами слыхом не слыхивали, ведать не ведали, что такое любовь. Однако ее ангел, пришедши незван, уже вырезает сердце на шершавой коре вяза. И бурчит что-то себе под нос, выписывая вензеля Александры и Кристиана.

Рогачек объят сном. Козлик храпит, как и пристало господам, которые чувствуют себя в полной безопасности. Он укрыт шкурами, раскинул руки, и нос у него задран кверху.

Миколаш спит на лавке, но немногого стоит такой отдых. Жажда мести гонит от него сон и не дает покоя. Проклятье! Вот если бы приоткрылся левый глаз, если бы воротились силы, парень тотчас поспешил бы следом за Лазаром! Но, милостивые государи мои, не видит глаз ничегошеньки, голова раскалывается от боли, а на веках и вокруг глазниц, словно тесто в деже, растет опухоль.

Заглянем, однако, на женскую половину.

Кое-кто из женщин баюкает детей; здесь душно, воняет младенцами и молоком.

Александра все еще не сомкнула глаз. Душа ее кружит и замирает, словно в обмороке. Бедняжке ничем нельзя помочь, и это верный признак любви. О, да сбудутся ее желанья! В сарае, где хранится подстилка для скота, дрожит от холода Кристианов преследователь. А как же иначе? Ведь он слуга и ходил по стопам своих господ. Сам он ничего не имел против графчонка. Да так уж водится, что баронская челядь и капитановы слуги должны разделять и господскую ненависть. Ворочается слуга с боку на бок, не в силах взять в толк, откуда сыплются несчастья на таких, как он, горемык. Лихорадит его, и злость разбирает за то, что не посмел послушаться. Рука болит, потому как Ян — здоровила. Зато Кристиан очень мил.

Ах, Кристиан! Все забыли про него, никто ни о чем не спросил, никто не сказал, где голову приклонить. Его преследователь, что спит в сараюшке, многое мог бы о нем рассказать. Кристиан рыцарь и древно-

стью рода заткнет за пояс здешних господ, от которых так и разит конюшней. Граф, столь неожиданно обретя пособников, пребывает в растерянности.

Пересаживаясь с лавки на лавку, Кристиан дождался рассвета. Он с радостью обратился бы в бегство, однако перед окнами маячит тень кого-то из разбойничков. Кристиан гневался на неблагодарных чехов; любовь к Александре отзывалась досадой.

Кристианом мы завершим перечет всего сущего на Рогачеке.

Поутру началось переселение. Еще темно на дворе, а Козлик выкрикивает свои приказы:

— Подтяни подпругу! Выводи коней! Ящики и бочки сюда! К повозкам!

Молодцы бегают, не чуя под собой ног, и всяк старается изо всех сил. Ни женщины, ни девицы не сидят без дела. Одна подносит корзину, другая — одеяла и утварь кочевников.

Наконец все садятся на коней и в повозки. Девицы сидят в седлах как ландскнехты; женщины с ребятишками на руках размещаются под парусиновым верхом возков; мальцы забираются на телеги, только Александра опаздывает. Позовет ли Козлик Кристиана следовать за ними? Вспомнит ли о чужаке из Неметчины?

Отнюдь, ни о чем Козлик не заботится, кроме утвари да размещения членов шайки. Смекнула барышня, какая скверная участь ждет Кристиана. С ним расправится одноручка — выберется из дровяника и настигнет несчастного уже на опушке леса. Увы, непохоже, чтоб тот постоял за себя. Бог знает, держал ли он когда меч, натягивал ли тетиву, руки у него такие белые, может, он священник.

Тревога девушки от таких раздумий растет, и в конце концов Александра жестом дает понять чужестранцу, чтобы тот следовал за ее конем. Нынче впервые приходится ей скрывать свои желания и украдкой наблюдать за отцом.

Ян выезжает из ворот последним, ему и невдомек подивиться встрече с Кристианом. Для него немчик — пустое место. Однако и чужого слугу оставлять в собственном доме опасно. Ян возвращается, распахивает дверцы сарая и выволакивает оруженосца на снег. Уж не собрался ли он его задушить? Все висит на волоске, однако Александра заметила, что Ян

задержался, и поворачивает обратно к дому. Лошадь несет ее большими скачками, и каждый скачок — знак гнева.

— Хочу, чтоб он шел с нами, хочу, чтоб толмачил речь, которой не разумею. Хочу — и все тут. Пусть идет с нами! — говорит она Яну.

Перевес ее очевиден, а братец и без того в смущенье. Ладно, можно и пощадить. Авось на что сгодится. Есть вещи, недоступные человеческому разумению. Два врага, один из которых — князь, а другой — простофиля-солдат, отныне сделались неразлучны. И стало так, что в страданиях своих находили они друг у друга поддержку и утешение, и все у них было общее, и любили они друг друга так же страстно, как прежде ненавидели.

Ян привязал Кристиана за локоть к левой руке слуги и велел им идти между двумя повозками. Шагали они неподалеку от Миколаша, уже восседавшего на коне. Голова у него обвязана, и ему вовсе не до путников, поспешающих в клубах пара от дыхания животных, поскольку за ними движется конская упряжка. Когда же он соблаговолит оглянуться, то увидел, что оба едва живы. Поврежденная оруженосцева рука вспухла и онемела. Несчастный, впившись в рукавицу, нес ее в зубах, как гончая — добычу. Кристиан брел, спотыкаясь; смертельная бледность его лица сменялась багровым румянцем. Казалось, он вот-вот упадет и не поднимется больше.

И тут приключилось дело неслыханное. Миколаш кивком головы велел им сесть в повозку. .

Значит, не такой уж он изверг, и ежели однажды душа его не угодит в преисподнюю, то, наверное, потому, что зачтется ему сие доброе деяние.

Странное дело, Александра благоволила к чужеземцу едва ли не с первого взгляда, но ей и в голову не пришло, что путь для него мог быть непосилен. Она на своей кобылке скакала где-то впереди — о притворщица, прикидывалась, будто немец ей безразличен!

Стая разбойников двигалась на восток, в чащу, к дремучим и бескрайним лесам. Королевский капитан наверняка замерзнет, ежели ему вздумается преследовать их со своим войском. Он не стронется с места и окоченеет от холодов, ибо солдатское рвение всецело зависит от поварского котла. В бездорожье Шерпинского леса увязнет маркитантская повозка; девки закутаются в платки и ударятся в слезы; где-то падет лошадь; где-то,

словно нарочно, развалится телега; барабанщик, кляя носом, будет стучаться головой о свой барабан; у солдат откроются раны на ногах; волк подкрадется поближе; между копьями рассядутся вороны, они уже чистят клювы, уже кружат над головой.

На следующий день капитан остановился, разглядывая Козликовы следы, уводящие в глубь этих омутов смерти. Мгновенье он колебался; войско его не из новобранцев, отнюдь, — это пехота, обученная штурмовать крепости, пехота, умеющая брать городские укрепления, однако в поле она чрезвычайно неповоротлива. Тем горше ей придется в лесах, в краю снежных сугробов, там, где вместо лагерного костра искрится мороз, где вместо хрюшек бегают рыси, где вы заманите в силки пустельгу, но никак не гуся.

В отряде, что во главе с капитаном Пиво вступил на лесную тропу, служил молоденький рыцарь по имени Совичка. Откуда он взялся? Право, не знаю. Может, старший брат ставил палки в колеса, может, отравили ему жизнь в каком-нибудь монастыре, а может, сам он сотворил что непотребное или — как знать? — решил, будто бедный и незнатный рыцарь в армии и на войне может дослужиться до известных чинов.

Парень этот доверия не внушал, немногого стоили его советы, однако Пиво склонял слух к его речам.

— Да чего тебе медлить, капитан, чего бояться войти в этот валежник? — сказал Совичка пузану. — Медленно пойдем, говоришь? Да ведь кусты не расступятся и перед разбойниками. Не видишь разве, что у них повозки? Разбей своих солдат на сотни, сам стереги большак, а мы их окружим. Не пройдет и трех дней, как выкурим из лесу.

Пиво ему ответил, что безрассудство еще никогда не внушало более скверных решений.

— Вот узнаешь, каков Козлик, узнаешь, несчастный, — посулил он Совичке, вновь взбираясь в седло. — Да пошли я против него хоть сотню всадников — ни один не воротится назад. А всадники королевские, и я за них в ответе. Нет, не пошлю! Чтоб Козлик нападал на них, а когда забудутся сном, перебил часовых, ослабших от голода и стужи, чтоб он, навязывая короткие бои, сам выскользнул из рук?

Пиво поворотил коня в сторону крепости Рогачек, где расположился его полк. Всадники последовали за ним, один только Совичка, полагая, что

у него есть основания не поверить начальству, выехал на опушку леса.

Несчастный! О, лучше бы он этого не делал! Два Козликовых сына, два хулителя королевских законов, два погубителя королевского войска, сидели в засаде и приметили его.

Пиво уходит из этих мест, а они спускаются с холма. Это Иржи и Ян. Вот они уже снова в седле и уже не таятся. Как? Солдат, один, сам по себе, и осмелился пренебречь приказом командира и королевской службой? Полк со славою идет подыхать, а тот, кому дано встретить неприятеля, уваливает? Ну и пусть его катится ко всем чертям! Невелика потеря — лишиться одного дурачка. Но умереть? Никогда больше не ощутить ни запаха лагерных дымков, ни приятности горячительного глотка? Быть пронзенным копьем в то время, как дома прядут? Позволить спровадить себя из нашего прекрасного мира лишь потому, что некогда вам довелось увидеть полк, марширующий под знаменами, только потому, что звенят подковы, потому, что всадник упирает руку в бок, потому только, что девицы глядят из-под ладони, едва заслышав ржание жеребца паршивого корнета?

Ах, пощадите, милостивые государи! Любви божеской ради препоручаю себя вашему милосердию. Пощады! Пощады!

Прощай, Совичка, нескладный мой приятель, подними-ка свой меч и хоть для виду обороняйся! Пиво остановился и окликнул воина. А когда никто не отозвался, схватились наездники за оружие и, озираясь на каждом шагу, пошли назад, пока не наткнулись на тело Совички. Он лежал с раскроенным черепом.

И стало так, что капитан пришел в страшную ярость и вскричал так громко, что разнеслось далеко по всей округе: «Отчего я не послушался тебя, несчастный? Видать, бог указывает нам, что месть не терпит промедления. Не дам роздыху ни солдатам, ни животине, ни оружию, покуда не поставлю мятежников, закованными в кандалы, пред ясные королевские очи. Стану преследовать их с таким упорством, как до сих пор никого не преследовал, и, ежели, обороняясь в кровавых стычках, они будут все перебиты, я пленю их детей».

В ответ на эту клятву из леса не раздалось ни звука. Должно быть, Иржи с Яном уже улизнули либо слушали капитана, показывая пальцем на его брюхо?

Солдаты, что были вместе с Пивом, подняли Совичкино тело и погребли его во дворе Рогачека. В тот же день крепость выгорела дотла.

Пламя пожара — венок от солдат. Над Совичкиной могилой сыплются искрами пальмовые листья и огненные розы. Еще роется в награбленных драгоценностях убогий капитанов солдатик, еще закладывает кто-то за щеки что-то съестное, еще распахивают добро по узелкам, а крыша уже занимается. Спасайтесь, пока не рухнула!

Потом полк двинулся в поход, а Рогачек лег золой и пеплом. Я хочу умолчать о тяготах лесного пути. Стояли бешеные холода. Господи боже, вот это был переход! Пиво, разумеется, не мог обойтись без повозок, но попробуйте-ка, поездите по лесному бездорожью! Тут холм, тут обрыв; едва подтянете колесо и подсунете полено, как снова очутитесь под горой. Делать нечего — надо ладить вместо колес полозья.

Под вечер следующего дня добрались королевские солдаты до вырубки, и капитан приказал разбить лагерь. О дальнейшем продвижении нечего было и думать, никто и не льстил себя надеждой долго выдержать подобные тяготы. Опустилась ночь, время разбойничье. У зоркого Козлика повсюду глаз, он начеку. Солдаты уже недосчитываются девятерых своих товарищей. Они обморозились, у них полно вшей, которые сопровождают полки неотступнее, чем веселость и доброе расположение духа. Под полотнищами повозок, да и под санями — давка. Часовые клюют носом и по пояс проваливаются в снег. Беда! Этой минуты и поджидал коварнейший из разбойников. Его свора стояла наготове. Они тоже заоченели от стужи и тоже кормятся как попало, однако можно ли сравнивать их с пузатым войском, что таскает свои потроха по укрепленным городам и именем короля занимается вымогательством? Неужто кто из жителей покоренного города откажет им в похлебке? Пусть только корчмарь посмеет указать им на дверь, коли не заплатят положенного. Злодеи разбойники отняли у солдат все эти блага и начисто лишили благородных развлечений.

И не только это, не только! Вот разбойники уже валом валят, уже мчатся на своих исполинских конях, — мечи поперек лица, ножи в зубах... Кулаки их огромны, кулаки их жилисты, крепки у них кулаки, налиты силой.

Дикари-носачи, ах, дикари, страшны вы, но страшнее всех Миколаш, у которого кровавой коркой затягивает царапины и шрамы. Вот разбойнички уже взяли разбег, вот обрушились на стан неприятеля.

Трещат полотнища, падают палатки, слышен рев и вой, крики и причитания. О, если бы святой Георгий внушил умирающим слова спасительной молитвы!

Остаток ночи страх не отпускал солдат. Они выстроились в каре, копья — на плечах первых рядов, мечи зажаты неплотно в окоченевших кулаках, мечи — в кулаках, шлемы — на голове. Рукояти мечей обернуты куделью, а головы тряпьем. Солдаты обмирают со страха, хруст сучьев и лесные тени наводят на них ужас. Козлик, однако, не воротился более, предпочтя поскорее пополнить запасы съестного. Под утро его свора устремилась вон из леса — и напрямик в село, прямехонько на курятники да на свиные хлева. Вот уже шестой день не видели разбойники ни козочки, ни петушка; удовольствовались, стало быть, и мелкой добычей. Мужики молча рвали на себе бороды, зато бабы визжали, призывая на вóрогов гнев господень. Что верно, то верно — не житье было бы у нас, а рай, коли силы небесные сражались бы на стороне обираемых. Да не соизволили, благоденствуют себе в облаках, посреди лазури и злата, безучастные к тому, что творится в юдоли слез. Козлик отобрал все, что ему заблагорассудилось, выпытал, какое войско стоит вблизи дорог, что с Рогачеком и как живет в Оборжиште.

— Так что ж, изловили Лазара?

— Ясновельможный пан,—ответствовал селянин,—когда эти прохвосты погнались за вами, пан Лазар воротился. Какой ему толк мерзнуть в лесах, коли королевский капитан рыскает по вашему следу? Вы да Пиво вселяете в него страх, но не в тех случаях, когда вы вместе.

Рассмеялся Козлик, понравилась ему речь мужика, и он вошел в горницу. На приступке печи сидела горlinkа, которая тут же принялась ворковать.

— Ах, птаха, птаха, молчала бы лучше, не удалось нам, видно, провести этого мужлана, недостает нам телочка.

Козлик вытянул ноги, чтобы согрелись у огня, и захотелось ему поболтать:

— Да, ты, видно, знаешь, что в субботу мы спалили Оборжиште, потому Лазар меня и боится, а на другой день шут этот, говорят, стоял на паперти и хныкал.

Мужичонка поддакивал:

— Ах, если бы вы, пан Козлик, видели! Кафтан — сплошная дыра, и откуда только он его выкопал? Таких даже крысоловы не носят. Шлялся от саней к саням. Не знаю, про что он господам сказывал, но бьюсь об заклад, что вы отгадали. Беспременно про вас.

Уж это мужичье! На языке у хозяина вертится вопрос — как живется-можется пану Миколашу, которого поколотил Лазар, да — на всякий случай — помалкивает парень. Козлика сам черт не разберет! А что, ежели озлится? Пережитый позор слишком еще свеж в памяти. Наверняка Миколаш ни о чем ином не помышляет, кроме как о мести.

Козлик собрался было вернуться в лагерь, где оставил женщин и кое-что из имущества, но тут подступил к нему красавчик-сынок Миколаш с просьбой разрешить отправиться за Лазаром.

— Слышал я, — говорит Миколаш, — опять он в Оборжиште. Навалил балок на обгоревшие стены, покрыл их сеном и парусиной, дрыхнет снова в своей норе.

Козлик призадумался, а потом кивнул и выделил Миколашу десяток всадников.

— Не велю, — наказывал он, — затевать рискованные стычки и резню, довольно будет и одного Лазара, коли ты приведешь его живьем.

Час примерно спустя после того, как коням задали корм и напоили, двинулся Миколаш в поход на Оборжиште.

Хватало Лазару и осторожности, и ума, да ведь кто мог ожидать столь неслыханной дерзости? Старый лис чувствовал себя в безопасности, пил-ел, прикидывая, какую мзду придется заплатить королю за свои провинности, ибо и он, Лазар, тоже разбойничал на дорогах. Рыльце у него было в пушку, но что до Козлика, так он твердо рассчитывал, что тот в тупике и что спесь с него посбили. По его понятию, королевский капитан свершил бы благое дело лучшим и быстрее образом, если бы в первую голову погубил в лесах соседа, а потом принял от хозяина Оборжиште великолепного рысака с золотой наборной сбруей. Лазар приготовился выслушать мягкое внушение и обещать исправиться. Вероломный, он

хотел присягнуть, что отрекается от грабежа на проезжих дорогах, а сам вдвойне жаждал добычи. А как же иначе? Кто же оплатит Лазарово покаяние, которое принесет столь ощутимый ущерб его имуществу? Лазар подсчитал убыток и поник головою. Утолил он голод зайчатинкой и теперь клюет носом.

Ах, вот так пробуждение! Громила Миколаш стоит перед его очагом и раскидывает во все стороны обгоревшие поленья. Миколаш швыряет их, и одна головешка настигает Лазара. Как неистовствует злодей! Погружает меч в брюхо то по самую рукоять, то как придется; наткнувшись на хребет, меч крушит кости, разворачивает утробы, сечет головы.

Те, кто остался в живых, уже пленены, Миколашевы люди вяжут пленников парами, спиной друг к дружке.

Миколаш вытирает меч и говорит:

— Господь позволил мне вернуть долг, Лазар, и теперь мы в расчете. Однако за то, что ты такой уживчивый и желаешь стать моим заимодавцем, отдай мне одну из своих дочерей. Отдай мне ту, которая, как я вижу, сейчас надевает шляпу.

Сказав так, Миколаш мечом указывает на прелестную девушку. Это Маркета, четвертая дочь Лазара. Вы видите, она выступает вперед, дрожа от страха. Вот ее уже уводят, не дав даже попрощаться с сестричками. Вот ее волокут к лесу, она увязана в сеть меж двумя жеребцами. У Лазара подкашиваются ноги, а страшные пары топчутся на своих местах. Лазар в отчаянье катается по земле, его людям тоже очень худо. Почти до сумерек длилось это мученье. Уже всходила вечерняя звезда, уже разносился топот возвращающегося домой стада, когда наконец спали путы с рук двух батраков. Вскоре они вызволили всех. Да не поздно ли? Не скончается ли Лазар от своих ран, утихнет ли плач женщин?

В горестном своем положении страдальцы только и могли, что плакать. Да послали гонца за повозками и, причитая, отправились в Болеславу.

Миколаш добрался до Козликова стана около полуночи. В стычке с Лазаровыми лишился он одного из своих головорезов и в непомерном своем сумасбродстве сожалеет об этой утрате, однако отнюдь не из-за бессмертной души, которая скатилась прямо в пекло, но из-за понесенного воинского урона и насмешек разбойников. С той минуты, как они вступили

в лес, почва под ногами сделалась так неровна, что две лошади не могли идти рядом, и тогда разбойники заставили Маркету пересечь на жеребца. Она была им послушна, исполняя без ропота все, что они велели. Покорная христианка не перестает уповать на бога. Знает она, что спасения ждать неоткуда, и призывает смерть. Может, посчастливится ей обнаружить брошенный нож и пронзить им сердце. Может, к ужасному этому преступлению снисходительно отнесутся на небесах.

Меж тем разбойники обосновались в лесу по-домашнему. Бивак окружили засеками. Посредине поляны поставили два шалаша, устлали их лапником; кровлю и стены тоже обложили хвоей. Снег, которым разбойники забросали стреху, таял и каплями стекал на страшные лица спящих; все были сыты и улагодворены.

Опершись на локоть, Козлик слушал рассказ Миколаша.

— Как воротимся на Рогачек, позову священника освятить могилу,— заметил он и пожалел о погибшем челядине.

Катержина и Бурианова жена перебросились несколькими словами с Маркетой. Она отвечала им, теряя последнюю надежду. О горе! Что ждет ее теперь? Подружки отошли с хихиканьем; Маркета стоит в темноте, и холод пробирает ее до костей. Одна она одинешенька в стане лиходеев, в сумрачном и печальном лесу, среди волчьей стаи. Собирает она остаток сил, осеняет себя крестным знаменем, раздвигает полотноще, которым завешен дверной проем, и, став пред мужиками, произносит такие слова:

— Здесь я в вашей власти, и нет у меня никакой защиты, разве что страх божий. Можете сделать из меня девку для своих челядинов либо убить— воля ваша. Поступайте с телом моим как знаете, а душа моя все одно снова будет обливаться кровью перед господом богом. Грешная душа моя будет лизать прах на его подворье, как все те, что загублены несправедливостью и надругательствами; на шею грешной души моей будет поясок, словно у горлинки, грешная душа моя станет кружить у вас над головой и содеет так, что всевидящий воззрится на вас, дабы вы, трепеща в беспредельном страхе, перевернулись в разверстых могилах и умирали непрестанно.

О, если бы ночь была менее утешна, если бы Маркета была безобразна, как и пристало вещуньям, если бы не была только что одержана победа,

если бы девушка не появилась перед разбойниками столь неожиданно, они, может, перекрестились бы, по крайней мере. Но теперь они едва замечают ее, а Козлик отвечает, даже не поднявшись с места:

— Господь осмотрительно направляет мою руку. Он вручил дворянам меч, дабы они вели битвы. Он требует геройства от своих баронов, им надлежит соблюдать его установленья, они не терпят хулы. По его воле и ты станешь, кем мы пожелаем.

Ни один человек не вступился за девушку, никто ее не пожалел: они не замечают ее, им попросту безразлично, что она скажет в ответ. И Маркета умолкает и дает себе клятву, что не вымолвит больше ни словечка — будь что будет.

Не пройдет и часу, как разбойничий стан погрузится в сон; по лагерю расхаживают одни лишь дозорные; из конского стойла доносится пофыркивание. Но вот появляется Миколаш; он рубит веревки и обнимает девушку. Руки у него жаркие, от его лобзаний кровь брызжет струей; дьяволово дыхание обжигает и обволакивает, будто паром.

О чернота ночи, сокрой это ложе; и ты, беспамятство, развей эту пору по ветру! Вы помните, господа, что некогда Маркета хотела стать невестой христовой, так смилуйтесь же над ней те, у кого найдется хоть капля сострадания.

Она поднимается, чтоб сызнава быть поверженной наземь, она пытается устоять, в голове у нее — круженье, и от этого кружатся вершины сосен и небосвод. Дано ей увидеть звезды, раскачивающиеся, словно маятники. Девушка плачет. Она заслужила погибель и плачет.

На рассвете пробежал Янов байстриук — он провел ночь поблизости от королевского войска — с известием, что капитан Пиво подымается в путь. Услышав новость, Козлик кликнул тех своих сыновей, на чей разум можно положиться, и устроили они в своем шалаше совет. Не хотелось им покидать обжитое место. Козлик все допытывался, что же все-таки затеял торгош. Ответить на этот вопрос, конечно, непросто, и плуты вынуждены признать, что положение у них пиковое. Может, Пиво предпримет набег, а может, попытается обойти их с севера? Кому же это ведомо, кто тут разберется?

Совет затягивался, у Козлика набухли на висках прожилки — давал себя знать гнев, вот-вот готовый излиться.

Меж тем челядины и ребятишки разжигали костер, чтоб натопить снега и напоить коней. Маркета, вся в слезах, стояла поодаль. Ах, как ей тяжело! Она осыпала себя тысячами упреков. За что? Да могла ли она противиться? Благодаренье господу, жива осталась!

О нет, не так она лукава, чтоб обманывать себя! В пропастях, куда ей дано спуститься, различила она ответ наслаждения, блуждающий огонек, что совращает ее с пути истинного, вздох восторга, в котором она раскаивается.

В ту рассветную пору все позабыли о пленниках, и случилось так, что те смогли встретиться поодаль от костра. Сердце Кристианово переполнилось состраданием; он поклонился девушке и сказал, что решится на все, дабы могла она выйти из горестного своего состояния. Маркета, однако, ни словечка не вымолвила в ответ. Немец зовет слугу, который, с тех пор как обоих постигло несчастье, всячески ободряет графа; ради всего святого молит Кристиан в точности передать свою просьбу.

Вы помните, что Маркета дала обет молчания, но — грешница! — разомкнула она уста и говорит:

— Благодарствую. Я готова вынести любые невзгоды побега, да как его устроить? Бог не внушает мне ни единой мысли. Скажи, коли будешь удачливее. И посматривай, не найдется ли поблизости ножа, тогда дай знак, где его можно взять.

Во время той речи на щеках Кристиана проступил яркий румянец — так горячо желал граф удачи бедняжке, до такой степени был потрясен случившимся, ибо, как и караульные, как и все, ночью выходившие из шалаша, знал о брачном ложе на снегу. Будь Маркета в меньшем смятении, она не утаила бы усмешки над новоявленным заступником. Ведь Кристиан так же хрупок, как она сама. И он намерен сопротивляться Миколашу, сердце которого не знает пощады?

Бедная Маркета, не передалось ли ей отчасти буйство разбойника, его горячность?

Александра, бдительно наблюдавшая за своим узником, отвернулась от кучи детишек и увидела, что пленные разговаривают втроем; она приблизилась к ним, но в это мгновение входные полотнища разлетелись, и Козликовы сыновья выскочили вон. Лица их искажены гневом, однако Козлик взбешен более других. Его ярость подавляет всех. Свой бег Козлик

замедляет, только завидев группу пленников, и вопит, будто запамятовал, о чем вчера с покорностью докладывал ему Миколаш.

— Откуда взялась эта девка?! Напьяльте ей на ноги шворни с гвоздями, пусть в них догоняет свое войско! Я хотел, чтоб ты привел Лазара, отчего же ты не сделал этого?

Миколаш отвечает, что старый Лазар чуть не помер. Миколаш отвечает, но не смеет послушаться отца. Челядины срывают с барышни башмаки и уже готовят три дощечки, прибывая их гвоздями. Маркета стоит на снегу босая; вот уж ищут для нее веревку, но тут вдруг, заикаясь, несмело подает голос немецкий слуга. Козлик смеется, однако не перебивает.

— Благородный господин Кристиан просит тебя отпустить девушку, он готов дать за нее выкуп, какой ты только пожелаешь.

Разбойник молчит, а два челядина готовятся приладить лубок с шипами к голени барышни. Еще мгновенье — и... Кристиан заламывает руки и с содроганием отворачивается; он хочет скрыться, бежать куда глаза глядят, хотя совсем не представляет, что делать в лесах... Как был, с непокрытой головой, устремляется он в сторону чащи. Как он хрупок, как он безрассуден! Козлик кивнул, и один из челядинов ударом кулака валит графа с ног.

— Исполняйте что велю! За дело! За дело! — покрикивает главварь на своих прохвостов.

Но около Маркеты уже стоит Миколаш, он поднимает орудия пытки и швыряет их далеко в ельник. Он полон решимости отстоять свою возлюбленную.

Неслыханно! Пойти против повелителя, владыки, который не признает ни епископа, ни короля! Воспротивиться воле отца! Прочие сынки подбегают к ослушнику, бряцая оружием.

Он заслужил смерть, заслужил, чтобы его голова была воздета на острие пики!

Но тут к ним приближается Александра, и среди грозных выкриков раздается голос, твердящий на все лады:

— Любовь! Любовь! Любовь!

Достопочтенные господа, Козлик не настаивал на убиении своего чада, он простил его, ибо времена были слишком беспокойны. Он довольствовал-

ся кратким наставлением. Покарал Миколаша и Александру, принудив выслушать издевки прочих братьев и сестриц и насмешки своих вахлаков. Связал одной веревкой обоих немцев, Маркету, Миколаша и Александру. Связал и не позволил отлучаться из лагеря. А сам сел на коня и умчался во главе своих негодяев.

Янов байстрюк, по имени Симон, конюх да один слуга, некогда чуть ли не снятый с виселицы, пеклись о женщинах и стерегли опустелый лагерь.

Братья-разбойнички задумали напасть на полк во время марша, намереваясь пощекотать его так, чтоб бежал без передышки, чтоб даже близко не подступал к их становищу. Кто знает, когда воротится Козлик: кто знает, не будут ли все они перебиты в засеках, потому что Пиво пареня не промах и никогда не теряет головы. Ведь коли две сотни солдат не одолеют Козликовой банды—тут дело нечисто! Да только мы еще поглядим, кто будет смеяться последним!

И все же король—это король! Когда с именем короля идут по весям пятеро бирючей, то всяк их поднимает на смех. Одни из них тощи, как пук соломы, а иные—жирны, будто сборщики податей. Такие дармоеды возбуждают смех, однако стоит им произнести свое заклинание, как вы подождете хвост и давай бог ноги.

Именем короля! Господи, этот возглас звучит колоколом, которой при вечернем «Ave» срывает с вашей головы шляпу.

Что правда, то правда, Пивовы солдаты больше смахивают на ряженных, чем на героев, но цвета их штандартов устрашают даже разбойников. Козлик поерепенится маленько, чтобы представить положение не таким уж скверным, но вести войну?! Не успеет оглянуться, как в уши грянет королевское имя. Ясно как божий день, что он образумится и разбойничий нож выпадет у него из рук.

Известны случаи, когда солдатня, оторванная от своих кормушек, вдруг проявляет героизм, распляемое нуждой: солдаты рубят головы, словно палачи, и нет на них удержу.

Еще совсем недавно пояса сползали с толстого брюха капитановых солдат, а меч у храбрых молодцов болтался между ляжками. Одни ремни под брюхом, другие—над желудком. Мундир не застегивался у них до конца, и в просвете между полами проглядывало брюшко—серенькое,

как у воробушка. Вот какие были времена! А нынче им худо, худо! Проявят ли такие геройство? Их негодование и охота пожрать служат замыслам короля лучше, чем капитаново понуканье. Козлик поблизости — так что славная разыграется битва, потому как разбойники тоже полны решимости биться до последнего — одним словом, выступают они на равных.

Однако покинем их, пусть отворачиваются от ветра, пусть норд загибает им ушные раковины и будоражит кровь. Пусть швыряют друг друга на копья, пусть себе вспарывают животы, откуда вываливаются разворошенные потроха. Внимание прекрасных дам, наверное, приковано к увлекательным похождениям наших любовников. К Александре и Кристиану, к несчастной Маркете, и — как знать — может, найдется у них капелька снисхождения и к чертову этому Миколашу.

Не могу утаить, что его тоже коснулась любовь.

Ах он бедняга! Не перечил бы отцу, сидел бы теперь в седле, а завтра увел бы девицу покраще, чем Лазарова дочка. Никто не чинил бы ему препятствий, исполнились бы все его желания. А теперь стоит он, широко расставив ноги, чуть ли не на грудь свесив голову, и смежает очи пред такой бедой. Темен он, как угроза, позади него сверкает снежная равнина, а на дворе вокруг — славный день; близится время сечи, а Миколаш связан по рукам и ногам, так что даже двигается с трудом. О господи! Ясно ему, что при неуступчивости Козлика да при собственном непокорстве пропадет он на этой любовной цепи. Стыдился он неслаженного строя, где оба немца звякают головами, злила его толстая морда оруженосца — так прямо и пришиб бы с великим удовольствием! Миколаш связан веревкою с сестрой своей Александрой; возле нее — Маркета, а за нею немцы — в таком порядке, что оруженосец оказался к нему ближним справа.

Двум парам этой пятерки было предопределено свыше полюбить друг друга, но посмотрите, как теперь они недоверчивы, какие злобные взгляды мечут друг на друга. Ах, то знаки любовной страсти; но у кого достанет прозорливости отличить краску гнева от румянца любви! Я вижу только, как кровь прихлынула к их лицам, прихлынула кровь, но, ей-богу, это не так уж ничтожно!

Из всех страдальцев самым благородным, конечно, был Кристиан. Ему представлялось, будто над Маркетой учинили насилие, о своих невзгодах

он судил иначе... «Мы разделим с ней все ниспосланное судьбой, как велит мне рыцарский долг,—решил он про себя,—мы разделим с ней беды, посланные судьбой, и когда-нибудь господь вознаградит нас. Эти нищие дворяне не так уж бесстыдны, как казалось бы на первый взгляд; вот эти двое, дочь и сын, предпочли сносить обиды и голод, только бы поддержать свою подружку».

Этими своими мыслями Кристиану захотелось поделиться с остальными спутниками. И в конце концов он упросил слугу перевести их на чешский язык. Но кто должен ему ответить — Миколаш? Этому никогда и в голову не приходило употреблять слова иначе, чем для приказов. Он молчал, пусть себе Кристиан один болтает попусту. Некогда существовало поверье, будто гнев подобен птице сарычу, которая клювом терзает собственную грудь. Округлый глаз ее вылезает из орбиты, янтарный зрачок пронизан кровавыми прожилками, перья на шее поднимаются дыбом, однако чудовище снова и снова погружает в рану окровавленный клюв. Сарыч одержим страстью и добьется своего, даже если препятствием будет его собственное сердце.

Миколаш был, пожалуй, так же неистов, но не умел он сказать Маркете ни единого слова. В молчании шагали они по равнине, меряя ее с севера на юг, а когда добрались до разбойничьей берлоги, обратилась к детям пани Катержина:

— Хорошенькое дело удумали, паршивцы! Чего вы Козлика рассердили, чего перечили ему, неслухи! Не нынче-завтра побьем капитана и вернемся на Рогачек. Опасаюсь, однако, что поедем без вас. Вот помрете с голоду, и поделом, своевольники! Однако покамест нету приказа оставлять вас без еды. Найдется у нас немного молока да мяса, берите, но только — прочь! Прочь отсюда! А не то попрекнут, что нарушаю Козликову волю. Ах вы, спесивцы, богу и нам угодно, чтобы вы заплатились за свои проступки. Пошли к костру, убирайтесь подальше с глаз долой.

Следуя этому приглашению, процессия поворачивает к середине просеки; байстрюк подбрасывает несколько поленьев в огонь и протягивает Миколашу посудину с молоком. Он держит ее возле Миколашевых губ, однако разбойник отворачивается. Никто не пьет и не ест, только Кристиан да оруженосец Рейнер. То-то стыд и поношенье! Миколаш дергает свою

часть веревки, чтобы вышибить посудину из прожорливого рта. И ведь исхитрился! Высвободил левую руку и уже душит горемыку, уже волочит всех в самый дальний угол лагеря. Вот уже Рейнер улегся на снегу, а Кристиан стоит возле него на коленях. Покуда оба в таком положении, девушкам ничего не остается, как тоже наклониться над ними: одна наклоняется меньше, вторая — больше. Миколаш, уставясь в сторону леса, говорит:

— Тот, кто связал нас, вправе карать всех, как ему вздумается, и мы теперь делим с вами тяготы и позор ареста; но кто тот дурак, что надеется получить у Козлика прощение заодно с его сыном и дочерью? Кто вы, сволочь, столь проворная до жратвы?

— Сударь,— ответил Рейнер,— Кристиан, которого вы не по совести и себе во вред захватили в плен,— имперский граф. Я сообщил об этом вашему батюшке, однако он ничему не внимлет и ничто не принимает во внимание. Действует без оглядки, а ведь сам император спросит об этом пленнике. Ваш король прогневается и повелит снести головы всем, кто чинит Кристиану препятствия.

— Чему быть, того не миновать, а Козлику все нипочем,— сказал Миколаш.— Петля на шее? Бог наделил отца такую твердостью, что он смеется над приговорами. Трудновато будет привести Козлика на плаху. А вот кто заступится за тебя? Не ты ли преследовал Кристиана прежде, чем Ян привел его к нам на Рогачек?

— Я всего лишь папский слуга, а сейчас делаю все, чтоб охранить графа,— ответил Рейнер и повел рассказ о Кристиановых злоключениях.

Послушайте трепливого рассказчика, зыбкое внимание которого мечется меж повествованием и болью.

— В немецком городе Иене живет епископ, которому вздумалось заложить монастырь в местности под названием Островные Холмы. Принялся он за первоначальные работы и просил дворян, чтобы они вкупе с ним помогли исполнить этот замысел. Граф Кристиан, отец вашего высокородного пленника, был более ревностен, чем все прочие, и посулил монастырю денег. Он взялся построить храмовый алтарь, а кроме того, обещал забрать коваными решетками окна и лестницы и, нет сомнения, сдержал бы слово, но настоятели и настоятельницы старых монастырей пришли к епископу с жалобами, что их монахи живут впроголодь

и что епископ пустит их по миру, коли по-прежнему будет настаивать на своем намерении. Они не скрыли от владыки ропота и раздоров среди монахов там, где рвение основателей оказалось пуще усердия благодетелей.

Монастыри должны располагать имуществом, в противном случае дело наше не достигнет цели, и странно, что до сих пор это еще не вызвало худших возмущений.

Мой епископ, поразмыслив, признал правоту аббатов. Решил он осуществить свои планы в более отдаленных местах и отложил постройку. Милях в двенадцати к югу от епископской резиденции есть живописное местечко, где протекает речка. На целые гоны вокруг нет там ни единого монастыря. В долинах и на пологих склонах раскинулись богатые имения и городки, славящиеся своими ремеслами. Мой повелитель исполнен был решимости поставить монастырь в тех краях, да все медлил. Заложил он сад и надворные постройки. Пришел черед графа Кристиана выполнять обещанное. А граф об этом и думать забыл.

«Я обещал одарить монастырь, но никак не епископа,—велел он передать моему господину,—какое мне дело до свинарников, которые он себе воздвигает? Не дам ничего — и все тут!»

Он повторял это столь часто, что епископ разгневался и начал ему досаждать. Обозвал клятвоотступником и всеми правдами и неправдами вынуждал графа отдать обещанные деньги. Челядь епископская сводила счета с челядью графской, и не один слуга схлопотал отменный синяк.

Наконец моему господину стало известно, что молодой граф возвращается из Швабии. Епископ выведал, когда он прибудет в Прагу и двинется дальше. Подходящая это была оказия — взять заложника и получить за него выкуп. Он приказал, чтобы мы сторожили дорогу и схватили Кристиана, прежде чем он пересечет имперскую границу.

Если бы это случилось, я уверен, ни один волос не упал бы с головы графа. Увы! Послушался я своего господина — пустился в путь, защищая правое дело монастыря, и вот — я в плену и ранен. Испытание это тяжелее, нежели я заслуживаю.

Драгоценные государи мои, речь эта заняла куда более часа. В паузах епископский слуга зализывал искалеченную руку, вздыхая и стеная.

Еще немного — и перешел бы к угрозам. Миколаша несколько не занимала судьба этого убогого, этой козявки, которая, что бы ни делала, плохие, добрые ли дела, а нет в том ни ее вины, ни заслуги. Он мог бы заставить немца замолчать, но сестра Александра пожелала слушать дальше.

Уже смеркалось; узников мучила нужда, вызываемая потребностями нашего естества. Как быть? Миколаш не колебался, зато Лазарова дочь и Кристиан приняли сущую муку, и нам трудно поверить, что причина их страданий была столь незначительна.

Спустились сумерки. И вот уже ночь, и снова утро.

Перед полуднем возвратился из похода Козлик. Он спешил, ибо люди и животные нуждались в отдыхе. Однако прежде чем слезть с коня, расспросил он Симона, как прошла ночь и безопасно ли окрест лагеря. Потом вспомнил про узников.

Смотри-ка, левая рука у Миколаша свободна, ему легче легкого разорвать путы и очутиться на воле.

Козлик смягчился — да и кому не польстит подобное послушанье? Он обрубает веревку, и путы падают.

— Иди, займись делом, — говорит он сыночку, — это тебе урок, чтобы впредь меня трепетал. Ты иди, а вот что делать с Маркетой Лазаровой и немцами?

— Что немцы? Пореши их либо помилуй, а за Маркету я прошу со всем сердцем. Отдай ее мне!

Козлик ничего не имеет против, Козлик согласен. Ему безразлично, что станется с барышней, однако ни Кристиана, ни Рейнера он отпускать не намерен. Они могут выдать место, где укрыта эта берлога.

Александра отходит в сторону, и одно удовольствие смотреть, как она конфузится, как искоса поглядывает на Кристиана и кивком приглашает следовать за ней. Наказание отбыто, у кого хватит дерзости гневаться на пленников дольше, чем сам Козлик? Александра — прелестнейшая из сестер и пользуется общей любовью. Она скрылась в палатке и выносит дымящуюся миску.

Подавая ее Кристиану, девица дотронулась до его руки. Немецкий граф принимает кушанье с благодарностью, и Александра — наверху блаженства. Он хотел бы что-нибудь сказать ей, он отстраняет еду, миска

падает и разбивается на две половинки. Молодые люди, наклоняясь, касаются друг друга лбами. Какой жгучий ток в нечаянных прикосновениях влюбленных! Дукаст за одно только слово! Увы! Кристиан способен твердить одно лишь имя — Александра, но произносит он его со слезами на глазах. Влюбленные целуются.

Кристиан снова в одиночестве, он изумлен, он не может забыть, как прекрасна его подруга. Прекрасна и неустрашима. Во время их плена она ни разу не пожаловалась, стояла, поддерживая Маркету, лишь искоса поглядывала в сторону рыцаря, но взгляд ее подобен силкам. Граф погиб, его влечет к этой дикарке. Ах, отчего не предпочел он Маркету Лазарову! Она мягка, она плачет, она похожа на благородных девиц, допущенных ко дворам.

Стало так, что бог предназначил ему эту темноволосую девушку.

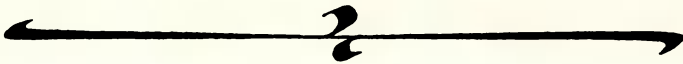
— Рейнер, мой Рейнер! — восклицает ошарашенный узник. — Какие события обрушились на нас! Как я желал бы, чтоб возвратилась ночь, когда мы были скованы одной цепью, как я желал бы, чтоб это заточение длилось вечно!

— Господин мой, — отвечал оруженосец. — Видит бог, я понимаю вас лучше, чем вы сами. Забудьте вы эту чародейку, ничто здесь не сулит вам счастья! Бросьте! Блаженство в доме скотников и грабителей! И если у здешних ведьм волос чуть длиннее, чем в Германии, так это для того лишь, чтоб получше спрятать насекомых. От нее воняет дымом, как от кузнеца, и здоровá она так же, как кузнец. Учитесь на моем горьком опыте! Смотрите, я лишился руки, а вы по собственной воле теряете голову. Любая вспышка внезапной страсти — блажь, а эта — вдвойне! Вы подумали, что сказал бы о вашем выборе граф? А госпожа графиня?

Но Кристиан по-прежнему превозносит свою подругу и вместо ответа твердит лишь, как она прекрасна. Чего же вы хотите, ведь было ему девятнадцать лет.

А теперь мне хотелось бы оправдать перед вами Миколаша. И тут я не усматриваю никаких других оправданий, кроме его дикарства. Было бы безумием ожидать, что разбойник враз превратится в ягненочка. Отнюдь, любовная страсть побуждает его к новым насилиям. Это чувство — лишний повод для греха. Миколаш должен был бы принять любовь со смирением, возблагодарить бога за то, что тот дозволяет ему столь живо ощутить свою

душу. Любовь — это лекарство против насилия и ключик к тайне мира, которым господь одаряет лишь тех, кого возлюбил. Видно, когда-то посмотрел он с улыбкою на Миколаша, приметив в нем воинский пыл и рвение. Вероятно, однажды спал парень в поле, положив руки на луку седла. И приснился ему дивный сон; право, не исключено, что за цельность характера ниспослано ему теперь великое счастье. Ах, одарять грешника! Он купается в блаженстве, и оно смывает с него усталость ночи. Он не успокоится, не найдет забвенья, пока не увидит Маркету Лазарову. Несчастливая барышня снова плачет. Он обнимает ее, и третья ночь проходит так же, как ночь первая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Епископских слуг куда только не носило! Они расспрашивали мужиков, расспрашивали торговцев, однако никому не встречался всадник, который напоминал бы Кристиана. Ездоки усомнились в успехе дела и замедлили бег. Вышло, что граф свернул с дороги и настичь его не удастся.

— Так что предпримем?— спросил предводитель отряда.— Добыча наша улизнула, и Рейнер куда-то запропал. Может, заблудился, но может, предал нас? Как бы там ни было, чую я, что пора подумать о собственной шкуре. В деревнях поговаривают о королевских войсках, а у них — большой зуб против разбойников! Не хотелось бы мне попасться на глаза солдатам, ибо кто же мы, в конце концов, как не похитители? Черт побери! Видел я в чешских городах множество виселиц, и не хотелось бы мне иметь дело с их правосудием! Уж пусть лучше выпорот епископ, чем вздернет на виселицу король! Я промолчал бы, если бы со своей службой мы управились в три дня, но неделю мыкаться по чужой стране? Расспрашивать и возбуждать подозрения? Не значит ли это напрашиваться в петлю? Воротимся, Христа ради, к епископу и скажем, что королевские солдаты гнались за нами по пятам и мы едва унесли ноги.

Какая уж тут верность у эдаких никчемных людишек!

Поплелись молодцы восвояси, зато перед Иеной дали коням шенкелей и погнали так, что от взмыленных животных во все стороны летела пена.

Воротились они, и выслушал их епископ, и пришлось им худо. Рассерженный пастырь, задумавшись на короткий миг, потер чело и приказал оседлать себе коня. Он отправился к старому графу Кристиану и застал его дома, когда граф сидел близко у огня, беседуя со своим егерем. Епископ заметил, что мех на графском кафтане лезет и висит клочьями. Штаны у егеря тоже рваные. Тут епископу пришло в голову, что, стало быть, у Кристиана есть более веский довод соблюдать экономию, чем обычное своенравие. Наблюдение это придало епископу уверенности, и начал он чуть ли не свысока:

— Мои люди возвратились из Чехии, господин граф, и доставили мне известие о вашем сыне. Вы знаете, сколь высоко я ценю дружеские чувства, сколь удручен, что ваше ласковое ко мне расположение переменялось теперь, и вдвойне опасаясь, что визит мой не ко времени. Судите, однако, о важности известия по тому страху, который я испытал и который не покидает меня. Ваш сын задержан в Чехии!

Тут лицемерный епископ принялся описывать происшествие приблизительно так, как оно было на самом деле. Проницательность его замечательна. Он опасается, как бы юный граф не попал в лапы к злодеям.

Ах, епископ, епископ! Строить козни и притворяться, будто хлопочешь только о справедливости! Смотри, придет час держать ответ на Страшном суде, насидишься в чистилище за то, что наслаждался видом отца, помертвелого от страха. Едва окончилась их беседа, не успел граф и поблагодарить епископа, как недобрая весть уже разнеслась по округе.

Замок Кристиана назывался Фрайхайт. И во Фрайхайте том, или, по-чешски сказать, в Вольности, все разом были подняты на ноги, начались сборы. Слуги выводят коней из конюшен, снимают с костьюлей седла; служаночки причитают в голос; братья Кристиана изготовились действовать и торопятся переменить у шляпы перо. Повсюду суета, повсюду спешка. Конюший орет на конюхов: «Поворачивайся давай, шевелись, лодырь!» Через минуту все было перевернуто вверх дном, все закутились, вплоть до последнего поваренка.

В тот же день граф Кристиан снаряжился в дорогу. Путь он держал в Прагу; граф гнал что есть мочи, покуда доставало сил у лошадей, и приехал в город на четвертые сутки. Тут же начались дознания, и слух об этом дошел до короля.

Король! Глас короля — словно глас трубы, он повелевает сердцами. Храни нас, боже, от королевского гнева!

Король повелел — и вот уже изготовлен указ. Один из писарей вручает его великолепному оруженосцу. Старый граф Кристиан меж тем ждет, стоя перед рядами рыцарей. Гляди, как сверкают золото на щитах и златотканые чепраки! На длинных-предлинных копьях, что подошли бы для охоты на орла, блистают, трепеща, штандарты. На доспехах и мечах играет солнце. Мороз и солнце. Кристиану вручают свиток, и он со склоненной головой покидает залу. Ах, берегись, Козлик, король желает, чтобы тот, кто своевольно задержал молодого графа, понес наказание. Полки, стоящие у Болеславы, должны споспешествовать графу Кристиану.

И стало так, что на другой день граф добрался до знакомых нам мест. Пиво тем временем вывел свою рать из Шерпинской чащи. Он поджидал конный отряд, чтобы догнать противника и в случае чего уйти хотя бы без позора. Разыскать его графу не составило труда. Однако слушал капитан небрежно, ему не до разговоров. Лицо у него распухло от мороза, он сильно не в духе; уставясь на гриву своего коня, капитан пожал плечами.

— Не знаю, не слыхал ничего о немецком графе. С товаром ехал? Нет? Тогда отчего вы подозреваете разбойников? Бандиты никогда не вздорили с немцами. Им, окромя денег, ничего не нужно. Они ведь дворяне, но занялись грабежом.

Граф не знал, как тут и поступить. Что предпринять? Куда податься? Спешившись, он принялся расхаживать по военному лагерю из конца в конец, очевидно поджидая, не осенит ли его счастливая мысль. Доверился он господней воле, и доверие это куда как разумно. Хмурый граф бродил по лагерю, приглядываясь ко всем, и вдруг заметил на плечах одного Пивова оборванца плащ, который чем-то привлекает его внимание. Плащ очень знакомого цвета, плащ, прошитый серебряной нитью, которая то пропадает, то появляется снова. Плащ своего сына!

Начали дознание, и обнаружилось, что солдатик поднял плащ на дворе Рогачека.

Граф Кристиан рад, он хочет остаться в полку капитана Пиво. Он твердо надеется вместе с ним настичь шайку разбойников, а там увидеть и своего любимца. Пиво в ответ не произносит ни слова, ни звука. Ни звука.

Сей непревзойденный военачальник страстно мечтал получить дворянство, и никто не раздражал его больше, чем граф, который путался под ногами солдат, теребил их за пояса, ликуя, что напал на верный след. Честное слово, дворян стоит назначать! Право, истинным дворянином может считаться лишь тот, кого возвышают собственные заслуги и доблести. Взгляните на капитана, сколько в нем достоинства, как пристала бы ему медвежья шкура! А это как раз тот знак отличия, о котором в свое время он попросит короля. Наконец подоспели и долгожданные конники. Двадцать коней и двадцать молокососов, от которых нечего ждать проку. Пиво был раздосадован.

Глядите на них кому охота, а капитан отправился на боковую. Утром следующего дня войско вошло в лес. Пиво продвигался не спеша. Поставили три поста, верховые скакали взад и вперед, туда и обратно, обеспечивая путь пехоте и перевоза тяжести. Не могли же войска продвигаться в глубь леса с пустыми руками, не могли же они снова обречь себя на гибель от жутких холодов и голода?

Увы, предосторожность эта, судя по всему, придется впрок и разбойничкам. Смотрите, они крадутся за войском, словно тени. А кто-то подобрался совсем близко и следит, не спуская глаз. Это все тот же Миколаш. Миколаш с просветленным лицом, Миколаш, которого ждет возлюбленная. Как, неужто возлюбленная? О, это непростая история! Маркета и по сей день грустна, до сих пор горько плачет. Да пусть ее поплачет! Я распознаю блаженство в ее всхлипах. Бедняжка, о чем она тужит? Какие ее чаяния не сбылись? Хотела ведь она в монастырь уйти.

Порой милость божья испепеляет нас. Ниспослала она Маркете любовь — о, благодарю за пылающие крыла, за поток дыхания, в котором трепещет ее душа! Благодарю и печалуюсь! У ее любви — оскал владыки преисподней, а в милых губках мелькает звериный клык! Я вижу

разверзающуюся бездну, страшные когти терзают ее края. Я слышу посвист, от которого закладывает уши. Бедная, у тебя за спиной визжит дьявол. Злосчастная невеста ни жива ни мертва, она еле дышит, но страх разжигает ее сладострастие. Блаженство и безнадежность дрожат в ее душе, как дети в темном подземелье.

Драгоценные государи мои, вы догадываетесь уже, каковы Маркетини ночи? Она омерзительна самой себе, она гнушается своего тела, своей грешной плоти, своих рук и ног, и чресел, обнимающих дьявольского любовника. Она винит свою душу за слабость, винит за то, что окунается она в наслаждение, как солнце в море.

Послушайте теперь краткий рассказ о ее нраве и рассудите дело по-своему.

Жила Маркета в Оборжиште у отца своего Лазара, отличавшегося нравом неустойчивым и вертким. Дурные примеры слишком заразительны. И случилось так, что, когда Маркета должна была появиться на свет, отец ее впервые стоял в засаде на повороте большака. Черт знает, кого он тогда обобрал, добыл-то всего лишь несколько грошиков,— овцу на них не купишь. Но решка одной денежки была отшлифована и вместо королевского изображения на серебре были выбиты два слова: «*Страх божий*».

Люди склонны соотносить случайности, диковинные и странные, с домашними происшествиями. Лазар опасался, что дан ему знак творить добро для малых сих. Был он обременен многими грехами, а потому, когда родилась у него дочь, обещал ее богу.

Росла Маркета белокурой красавицей, и берег ее Лазар пуще глаза. Братья были приветливы с ней и не сказывали того, что могло бы ее огорчить. А дитя мечтало о монастыре. Холмы вокруг Оборжиште окаймлены перелесками— вот, погляди, пышная дуброва, которая подымается, вьется по-над дорогой, уводящей путников вдаль. Маркета была освобождена от всяких работ. Училась читать. Ведала ли она тогда, что такое слезы, мы не знаем. Она была очень счастлива. Лицо, опаленное солнцем, осунулось от частых постов. Она ходила, будто порхая, и если бы вы видели ее походку, то заметили бы, сколь она грациозна. Подле алчного старца, скорее трусливого плута, чем захватчика, близехонько от воровских его проделок ее очарованность оставалась ничем не омраченной. В

своем развитии она далеко опередила всех, взрослея без особых смячений, и если все же доводилось ей исполнять то или иное поручение, то для каждого делалось очевидно, насколько непохожа она на отца и на своих братьев. Была она набожна и кротка сердцем. Волею божией однажды дано было ей прозреть. Увидела она подлое отцовское ремесло.

И охватила ее тоска. Заплакала Маркета, и никто не мог ее утешить. День тот и это ее прозрение оставили свою мету. Ах, горе сокрушило ее. Не могла она отречься от своего отца, не могла расторгнуть узы, что сильнее злобы, вероломства и злодейства. Она была Лазарова. Она утишала свою кровь, но разве ее уймешь, она то накатывала на сердце, то прилиwała к щекам. Порой Маркета молилась, и бог внушал ей то благочестие, которое не чванится, расхаживая по освещенной солнцем стороне, а ищет тени.

— Будь во веки веков благословен, великий боже, за то, что вселяешь надежду, когда беда еще не ушла. Как гончар, разбиваешь ты души и снова вылепливаешь их! Неведомы мне твои умыслы, но любовь твоя идет

наперекор твоему правосудию. Ты потрясешь Оборжиште. Ты содеешь так, чтоб отец мой и братья обратились на путь истинный. Ты удостоишь недостойную служанку твою милости, дабы прожила она жизнь и приняла смерть, как будет тебе угодно. Дай только силы, чтобы я, без вины виноватая, приняла на себя часть греха. Выя греха прочнее выи звериной, надели же меня твердостью, дабы я чуралась порока, ниспошли мне достойную смерть, чтобы была она не тяжеле слезы грешника, единственной слезы раскаяния.

Несчастливая Маркета! Не кощунство ли такая молитва? Вы слышите, как заносчива просительница? Бедное дитя, она сама себе уготовляет падение.

Вот какова была Маркета — благочестивой и грешницей, и это чувствуется даже по ее молитве. Такая уж уродилась, не хуже, не лучше, ибо, как поется в старых рождественских колядах, «людские слабости могучи».

В тот памятный день, когда граф Кристиан с войском и капитан Пиво приближались к лагерю разбойников, в сокрушающий мороз воротился Миколаш из засады, и, хотя новости у него были важные, все-таки наведаясь он сперва к Маркете — сказать, что между деревьями видел Лазара и двух его сыновей.

Маркета задрожала. Боже милостивый, подступает то, чего она больше всего боялась, подступает смерть, которую она сама призывала.

Бедняжка! Я не вижу в ее душе готовности к нежданному пришествию смертного часа. Какое потрясение ожидает ее!

Все последнее время, живя в лагере, Маркета неотступно думала о Лазаре и своих братьях. Она верила, что после грозного Миколашева набега никто из них не умер, ибо так, умаляя вину ее дружка, подсказывало ей сердце. Она слишком хорошо знала повадки отца и легко представляла себе, как его люди спешат покинуть Оборжиште, как они таскаются по соседям, твердя, что наказание не только от короля и властей предержащих, но и от бога. Знала она, как окажет себя их трусость, и рассудила, что они притащатся, как только исход битвы будет наполовину определен.

И теперь, услышав весть об их появлении, она переменялась в лице. То был срок, положенный ею самой себе, и долее не смела она медлить с

высвобождением бессмертной души из грешного тела, из столпа плоти, содрогающейся в истоме любовного сладострастья.

Не успел Миколаш повернуться и уйти, удрученная невеста схватила кинжал и вонзила его себе в грудь. Ах, чудится ей, что она умирает, что приходит конец ее надеждам, ибо страстное желание даже в смертный час не оставляет это заблудшее дитя.

Увы, желания слишком земные! Но ведь бог судит о человеческих поступках иначе, чем это доступно нашему уму и сердцу! А господь наш постановил жить Маркете дальше; более того, он ясно изъявил свою волю и склонность оказывать таким бедняжкам большую милость, чем тем ревнительницам веры, у которых от стояния в костелах скрежещут колени и отсыревает нос.

И стало так, что Маркета пронзила себе грудь, чуть не задев легкие. Еще немножко — и умерла бы, не сойдя с места. Да к чему говорить об опасностях, коли барышня дышит? Какие бы ужасы ей ни мерещились, она поправится.

Миколаш, видя свою подружку окровавленной, взмахнув мечом, бросает коней — пусть себе скачут! И опускается на колени перед раненой, и вырывается у него такой вопль, что весь лагерь на ногах. Разбойники столпились вокруг, а барышня — в обмороке. Тут у Миколаша развязывается язык, и любовь вкладывает в его уста нежные слова.

Разбойнички посмеиваются, ибо рана — пустячная, да и Маркета уже открыла глаза. И оглядывается на Козлика, уже розовеет от Миколашевых ласк. Он целует ее в губы. Только Козлику все это некстати — зряшная трата времени!

— За дело, за дело! За работу! Королевское войско все ближе!

Козлик надумал возвести кое-какие укрепления. Выбрал труднодоступное место в чаще, где нет дорог. По воротам Рогачека неприятель мог ударить тараном, но в Шерпинский лес таран не доставишь.

Маркета ранена? Пха! Это ли забота для пана Козлика? И он зовет Миколаша.

— Миколаш, бери свежего коня и десяток всадников, отправляйтесь и перебейте капитанову стражу!

Возлюбленный бросает Маркету на снегу и даже не оборачивается взглянуть на нее. Тем временем разбойники укрепляют лагерь, ва-

лят деревья, устраивают засеки, роют рвы, перекидывают снег и точат стрелы, втыкая их на уровне конского брюха. Маркета поднимается. Смотри-ка, вот как она отдает должное разбойничьим нравам! По снегу за ней тянутся кровавые следы. Из раны сочится кровь — вы только взгляните на девицу, запятнавшую себя позором! Да плачет ли она? Плачет!

К черту! Развеем раз и навсегда сомнения в ее невинности. Она — девка Миколаша, она исступленно кусает его плечо, до крови ранит разбойничью глотку, извивается на снегу в неистовстве сладострастья. Ничего не попишешь, была когда-то скромница, но с некоторых пор все переменилось. Вышла из нее возлюбленная роскошнее, чем твердит молва, ибо на ее пурпурном плаще, в который страсть облекает любовниц, подкладка из отринутой лазури. И в этом есть свой смысл, своя щемящая душу красота.

В нынешние времена любовь и страсти убоги и мелки. Из нашей гортани вырываются лишь стоны, мы скулим и воем, терзаемые похотью, вгрызаемся в нее зубами, а что от этой вспышки останется назавтра? Признаемся друг другу, что в самую полночь прикрыли веки и лежали с постной мордой. А в конце концов все станет обыденным, и привыкнем мы дрыхнуть, как колоды. А Маркета? Страх ее — это самая сердцевина ядра. Это душа любви!

Бедняжка обошла весь лагерь, разыскивая Александру. И повстречалась с ней возле рва, который Козликовы разбойники углубляли, делая западню для королевского войска. Александра и ее дружок Кристиан носят хворост. Они наверху блаженства и улыбаются.

Благородные господа, вы можете мне поверить, что перемену эту произвела любовь. Она — изначальная причина всех родов счастья. Они разговаривали на языке любви, а поэтому ни в каком другом не нуждались. Таскали хвою, словно поденщики — ведь что для влюбленных день каторжного труда? Они были счастливы, занимаясь этой работой. Шагали рядом и удалялись от ям в лес, как удаляются в рай. Тут вновь пришедшая окликнула Александру, и та вздрогнула от испуга.

— Александра, — спросила Маркета, — что это вы тут делаете?

Произнеся еще несколько слов, которые мы произносим вполне безразлично, так только, на ветер, — она не пожаловалась на свою судьбу.

Да и что скажешь счастливым, предающимся любви с такой разумностью? Маркете мнилось, что бог дал ей эту пару в союзники, и она льнула к ним, видя сходство их положения, она попыталась поговорить с ними, но — увы! Александра и Кристиан, как панцирем, отгородились от нее, захваченные своим чувством. О, созданья, столь нестерпимо счастливые! Тоска Маркеты не знает предела. Хоть бы словечко о милom, хотя бы одно словечко! У нее цепенеет язык и кружится голова. Она устремляется в объятия смерти и теряет сознание.

Драгоценные господа мои, рана Маркеты не такой уж пустяк.

Кинжал чуть не задел легкие, и вы вот сочувствуете ей, а разбойникам наплевать, они насмеются, и любо братьям и сестрицам подтрунивать друг над другом. Лагерь торопится, поспешает. И славно ему жить, ссориться, исполнять звериные прихоти и льстить себя надеждой на победу; глядите-ка — вон розетки самодовольных улыбок на бородатых мордах.

В тот день внезапно началась ростепель, снег размяк, превратясь в отвратительную кашу, и прилипал к копытам. Пошел дождь; право, погода словно нарочно подгадала для перехода по лесному бездорожью. Повозки проваливаются в снег и скользят, лошади падают одна за другой, солдаты ропщут. А как вы думаете, можно ли с восторгом преследовать врага, ежели люди заоченели и промокли до костей? Что же движет королевскими полками?

Жажда славы.

Ну, ладно, вдохнем в них немного доблести, пока бурлят котлы, трубят тревогу горны, когда потаскушки, прикрыв ладонью рот, поглядывают из окон, когда взблескивают пред их повелителем синеватые мечи, когда звякают пряжки на роскошных доспехах, когда они движутся по пространству безжизненного города и ветер, поднятый их спешным шагом и скоком несчетных конских копыт, развеивает ленты и колышет их плюмажи. Королевские солдаты не ударят лицом в грязь! Приличествует им показаться в замках и с окровавленной головою; они любят добычу и высокие чины, которых им наверняка не видать; это храбрые вояки, однако — ради всего святого — в подходящий момент. Пусть пропадет у вас охота болтать о ратной славе, когда полк стяжает лавры, утопая в грязи, и одиннадцать с лишком дней, обморозив морды, рыщет в поисках разбой-

ников, не убив покамест ни одного! А пожива? Пха, вы полагаете, что этот прохвост Козлик таскает за собой свои кладь? Пошли вы куда подальше! Обидно пускать добродушных солдат на этих отчаянных повес — вот увидите, сколько прекрасных жизней погубят они в бою, ведь для разбойников, как ни верти, речь идет о жизни и смерти, и, даже раненые, они будут биться, словно дикие вепри. А те, кого вы возьмете в плен? Фи, об этом и говорить нечего!

Старый граф Кристиан ехал рядом с капитаном Пиво и взбадривал его. Это было отвратительно и невыносимо. Пиво, дорогой мой толстячок, едва понимает пятое через десятое; солдатики движутся по лесу, будто козочки по мосткам, а вы еще хотите, чтоб он отвечал учтиво. Еще чего! Неужто он станет кланяться этому заморышу на тощей кляче? Похоже, что это бедный родственник, который в просветах меж двумя вспьшками чахотки выпросил у дядюшки рекомендательное письмо и с тех пор не кажет к нему глаз. Тысяча чертей! Да если нам удастся заполучить его поскребыша, будет он кланяться нам и благодарить тоненьким голоском, да так умильно, что конь присядет на задницу. Станет настойчиво звать в Саксонию и одарит нас подковой, которая якобы приносит счастье. Этот никогда не сойдется ни с одним из тех, от кого капитану могла быть какая ни то корысть. А его признательность? Петушиное кукареканье! Черт его поberi! Пиво гримасничает, как озорник мальчишка у вас за спиной, и, словно озорник, лопочет: «Не-не-не, ня-ня-ня». Он издевается над графом — прямо срам, да и только.

Они выехали на край оврага, и капитан остановил войско: не хочет он спускаться в ущелье, ибо разбойники уже близко.

Два ветра — ветер студень и ветер теплый — гонят друг против друга две стаи туч: небосвод расколот надвое, и от этих столкновений на землю валит снег и льет дождь. Глянь-ка, вон тень от дождя, исполосованная косым полусветом, а вон чрево снежного сутроба, что разворотила вьюга. И в это мгновение с небывалой силой вздымается ветер, копыя накренились, войско клонится, войско придерживает плащи и утирает глаза — слезы застыт им свет. В разрывах туч возникает оливковый клин грозы. Вокруг почти полная тьма. Страх охватывает людей, людей объемлет ужас, и поднимается смятение.

Ах, неисповедимы дела твои, господи! В этот миг Миколаш ощутил на плече своем чье-то прикосновение — это дьявол подтолкнул его острием времени: пора, мол, выступить против короля.

Драгоценные государи мои, примите во внимание, о чем идет речь, и не упускайте из виду ни обстоятельств, ни места действия. Капитан опасался, как бы на него не напали в теснине, и приказал войску разделиться на два отряда.

— Спускайтесь по склонам,— сказал он своим людям,— спускайтесь с оглядкой, один из дозоров приметил на дне пропасти всадников, это разбойники. Ну же, други, бог отдает их нам. Настало время сокрушить их, перебив до единого. Смелее, на душегубов!

Пиво повторяет эти слова, ни на секунду не прекращая подбадривать солдат. По-видимому, он был прозорливым начальником, поскольку все приметы указывали, что терпенье божье на исходе и небеса уже не благоприятствуют разбойникам. И вдруг солнце затмилось, а снизу, со dna ущелья, куда не достигает глаз, донесся чей-то голос и крик. Дерзкие! Миколаш и Янов байстрюк придушили одного из дозорных королевской стражи. Это утвердило капитана в догадке, что Козликова свора внизу и он сможет застигнуть ее врасплох. Пиво тронулся в путь с той частью войска, которая уже перебралась на противоположный склон котловины. Граф Кристиан остался с другим отрядом. Глухие леса в те поры не были невидалью. Немец шел и не изумлялся, шел, как ходит борец за правое дело, пользующийся милостями короля, препоручив себя воле всевидящего, который недреманно бдит над своими чадами.

Ах, как часто мы смешиваем свои собственные желания с умыслом божьим! А случилось так, что разбойники напали на них на самом верху, там, где склон ущелья обрывался почти отвесно, там, где узок простор, в том месте, что прозывается В Крупах. Стало так, что вышли они один на один.

Пиво стоял на противном берегу расселины. Его трясло от ярости. Ветер, испуленный укрыватель причитаний и вздохов, несся по долине. Слышны были стоны и улюлюканье, словно это раненые вопили у капитана над ухом. Безумный день! За мельканием мечей нельзя было различить лица. Видно было лишь шкуру на плечах Миколаша, поскольку

стоял он на возвышенном месте. Видно было, как граф Кристиан упал с коня. Сначала он, а потом Лазар.

Солдатушки бегут кто куда: одни скатились вниз по склону ущелья, другие укрываются в лесу, а кое-кто, спасаясь бегством, мчит вдоль ложбины. Жаль этого войска, этих добрых парней, которые так любят праздник убоя свиньи!

Говорят, будто разбойник не смеет поддаваться ни страху, ни взрыву безудержного геройства. Правило это хорошее, и Миколашевы люди помнили о нем. Они вовремя начали отходить.

Прибыв на место стычки, капитан насчитал девять убитых. Один из раненых — между жизнью и смертью, а трое уже отбóевались. Убитых похоронили в снегу, а что делать с ранеными? Капитан вне себя от бешенства, он велит освободить одну из повозок и отвезти этих страшных путников в Болеславу. Кто же поведет коней? Выбор пал на мужика, которого солдаты вчера принудили бросить свои работы и вместе с войском идти походом на разбойников. Мужичонка прозывался Кулишек. Всю дорогу не перестанет он поминать бога. Осеняя себя крестным знаменем во имя отца, и сына, и святого духа, забрался он на козлы и щелкнул хлыстом. Повозка тронулась, и раненые не смогли сдержать стонов.

Незадачливый Кулишек! Страх и сострадание затеяли спор за его душу: сострадание подталкивало отозваться на муки несчастных, а страх удерживал. Раз сто подмывало его оглянуться, спросить у этих бедняг, где и что болит, да нечистый не велит вертеть головой. Затылком чувствует мужичонка его чумное дыхание. Кулишека пугает тишина в повозке, от стонов мороз продирает по коже. Крестьянин стянул шапку и вытер со лба ледяной пот. Едет простоволосый, дождь и снег слепят ему глаза, вода потоком струится по лицу, и голова покойника внутри повозки раскачивается из стороны на сторону — так извилисто и тряско чудовищное бездорожье.

Ах, Кулишек, король поставил тебя стражем спящих и возницей кладбища, не торопись, не гони лошадь, не то вытрясешь душу из последнего вояки.

Говорят, что пока они так ехали, мужичонка поседел, — да кто знает, сколько в том правды?

Меж тем Пиво произвел смотр войска и подсчитал потери. Он остерегался вслух давать оценку приключившейся беде. Но черт побери! Под силу ли королевскому капитану скрыть досаду? Он сыплет проклятиями.

У погибших солдат за поясами и в седлах нашлось кое-какое золотишко. И что же? Уж не полагаете ли вы, что капитана утешат сиротские денежки? Часть он раздаст наемникам, а на оставшиеся отслужит мессу. А теперь в седло — и в погоню за разбойничьей шайкой!

— Да ведь Козлик этот — жалкий бродяга, у него задница торчит из рваных штанов и жрать нечего.

— Тем хуже для нас, корнет! — отвечает Пиво. — Значит, все будут показывать пальцами на полк, который преследовал мурашек и даже не затоптал их. Тьфу! Да ведь этот поганец украл у меня графа Кристиана!

Войсковые старшины сгрудились вокруг капитана. Как быть, что сказать королю? Кто-то из солдат видел, что немца-дворянина разбойники взяли в плен вместе с Лазаром.

— Это Миколаш сволок его с коня, — вмешивается в разговор Лазаров сын и на чем свет клянет разбойников.

Довольно! Капитан даже чертыхаться больше не в силах. Он велит соблюдать строй и с осторожностью продвигаться дальше. Лес становится все глуше и глуше, а среди ельничка то там, то сям замелькали тени. И что вы на это скажете? Войска вдруг воспряли духом. Солдаты, скулившие до сих пор, разъярились. Снег, впитавший малость человеческой крови, наконец обретает истинную окраску. Черт побери! Место это смахивает на то, где плясун во время веселых крестин разбил бутылку вина. Смотреть в оба! И пусть конь не заржет, пусть не стукнет подкова и пряжка не звякнет о рукоять меча! Идите неслышно, королевские цыплятки, идите и утолите его гнев!

Разумеется, Козлик тоже не сидел без дела. Все было готово к обороне. Вожак шайки велел забить лошадей, чтоб люди наелись, как положено перед сражением. Парни его лоснятся от жира и облизывают себе пальцы. Хорошо пожрать до отвала! Хорошо на сытое брюхо поджидать врага. Хорошо ждать, засунув левую руку под мышку, а правую положив на

рукоять меча. Снег тает, собирается в низинах вода, начинается ростепель: земля, словно горностай или северный заяц, теряет свои зимние одежды; бугры, проклюнувшие снег, напоминают коричневые соски грудей. Не иначе как идет весна. Так рано? Господи боже, да разве не слышали вы, что на рождество расцвело дерево? Мы не перестанем этому удивляться, хоть проживи мы сто лет.

После такой суровой зимы вдруг настала дружная весна. Южный склон Козликовой крепости уже очистился от снега. Козлик тут же отметил все неудобство этой перемены и приказал разбросать по скату сугроб. Скат так скользок, что разбойники вынуждены поднимать коней на крепком канате. Наконец все на месте, снег расчищен, колья заострены, засовы задвинуты, и теперь разбойнички приканчивают великолепный обед.

Пора допросить пленников. Вводят Лазара, борода его бела как дым. Козлик оперся на меч и слушает.

— Я в окруженье твоей челяди, и ты допрашиваешь меня, будто капитан; ты властелин надо всеми нами, близкими твоими соседями, и я понимаю, что ты лишишь меня жизни. Твое самоуправство — жестокое самоуправство, закон не нашел в тебе заступника. Ты спалил Оборжиште, перебил моих людей, завлек в свою свору Маркету, не смилостивился над нею. Не боишься ты ничего, и не мне устрашать тебя, однако войско, которое вы видели над ложбиной, — это лишь часть войска. Не сносить тебе головы. Убьют тебя в бою или повесят. Ничего не стряется, кроме одного из этих несчастий. Подумай о боге, Козлик, не даст ли он тебе возможность стать напоследок добрее.

Помолчав, отвечает разбойничек Лазару:

— Ах ты, сударь мой, Лазар, что же это ты ведешь со мной разговор, будто сидишь у меня в гостях, на Рогачеке! Да кто ты таков? Дорожное пугало, что стучит палкой о щит, дабы устроить купчика с мешочком пряжи. Велики мои грехи. Плохо соблюдал я заповеди господни, и подлое мое человечье естество привело меня на стезю греха. Часто заносило меня в гнев, но позже раскаивался я в своих проступках. Господи, как легко хватался я за меч, но ни единожды не напал на безоружного, не подстерегал жертву на большой дороге, а только сводил счета с панями, да с их челядью, да с купцами, которых криком оповещал из-за поворотов,

чтоб защищались. Мои грехи—грехи дворянина, цвет деяний моих—смертельная бледность, на иных лежат тени ада, а из прочих брызжет кровь. Деяния мои ужаснут меня на Страшном суде. Проществуют они угрюмой чередой, и я содрогнусь, узрев их лик. Содрогнусь, но не станет мне стыдно. Нет, не станет. Мы вели войны и одерживали победы. Мы воевали против короля. Почитай лет десять он карает нас, насылая капитанов и недругов; они приходили к нам с мечом, и я отвечал им, как отвечают врагам. Я не преклонял слуха к их речи и не слушаю теперь. Мой меч ничуть не короче капитанова меча. Может, когда-нибудь я и обратился бы к крючкотворам или в королевский суд, но теперь идет война, и я в ней побеждаю.

Лазар расхохотался. Бог знает откуда взялась в нем отвага смеяться в столь неподходящее время!

— Ты вздумал воевать с королем?—проговорил он сипло, глотая слова.— Еще и теперь, несчастный?

Совет разбойничий стих, ожидая взрыва Козликова гнева; видно, как ярость искажает его лицо, как он поднимается, и Лазар смолкает. Ах, милостивые государи мои, теперь уж ему несдобровать! В гневе Козлик не знает пощады. Господи боже, как мне осветить перед вами душу, где тень сменяется тенью? Как сделать понятным беспощадного разбойника, в сердце которого есть и гордость и милосердие? Не приложу ума. Козлик свиреп, но порой по лицу его скользит улыбка при виде какой-либо малости, исполненной нежности и ласки. Иногда жалость в нем возбуждает горемыка, которого он некогда одарил либо обошел милостью. Придите к нему на помощь, ангелы-хранители, я различаю на его суровом лице крохотный знак любви, еле приметный знак—веснушку, солнечную отметину, веерок морщин, что прочерчены улыбкой, которая трогала его губы, когда он глядел на птичье гнездо или на щенка, копошащегося подле суки.

Козлик уже занес было кулак: вот блеснул клинок, и не жить бы Лазару, но Маркета падает на руку разбойника, как мы падаем на узду коня. Она не плачет, не рыдает. Она решилась умереть на глазах у отца. Она ни о чем не просит, но она прекрасна.

Глядите, как утоляется и истаивает гордость разбойничьего сердца, Козлик медлит. Козлик колеблется, он в нерешительности, как деревен-

ские гости, что топчутся на месте, прежде чем подсесть к свадебному пирогу.

А теперь обратите свой взор на Маркету. Под волнами пышных волос корчится, изнемогает от муки ее мозг, словно острым клювом, раздираемый страхом. Страхом и отчаянием. Маркета хочет умереть.

Дамы и господа, читающие наше повествование, бог внушает людям столь неодолимую жажду жизни, что мы вверяем ему себя даже в свой смертный час. Покоряемся мы телу своему, творенью божьему, и исполняем то, что нашептывает нам великолепное сердце. Маркета рвет на себе одежду, обнажая свою рану,— ну полюбуйте же, какие у нее груди! Какое чудо! Ее плечи—словно изгибы рек. Вы посмотрите, как по-королевски она держит голову, на которой, словно орлица, царит красота!

Маркета, распутница, от вашего намерения стать христовой невестой остался лишь обрывок покрывала. Плачьте. Козлик сражен, и все мужчины сражены тоже. Плачьте, Маркета, вы вели себя как последняя шлюха, и отец ваш видел это.

Шлюха! Проклятое клеймо, которого не избыть вовеки. Но есть ли на свете лепка прекраснее, чем лепка человеческого тела? И разве удивление— не самое совершенное зеркало? Маркета, вы вели себя так, как вела бы себя любая девушка. Жаль, отец ваш опечалился, не помнит он про ваши семнадцать лет и все думает говорить с вами, как с ребенком.

Минута прошла в молчании, и тут Миколаш приблизился к своему отцу и сказал ему: «Отец, ты отдал мне Маркету Лазарову, отдай мне и Лазара. Я привел его не затем, чтобы предать смерти, я не хочу с ним дольше жить в раздоре».

Козлик отвернулся, тая усмешку, да все ж не удержался, чтобы не хлопнуть старикана по плечу.

— Иди куда пожелаешь,— сказал Миколаш.— Маркета — жена мне, и, как окончится поход, приведу попа, чтобы назвал он ее так перед богом и людьми. А стащил я тебя с кобылы и привел сюда, чтоб Маркета не тосковала. Да чего ты молчишь, на что зло держишь?

Лазар молчал, не подымая взгляда на свою дочь.

— Возвращайся назад к капитанову войску, отправляйся на все четыре стороны, бери коня и уходи.

Миколаш умолк, а старик разразился плачем.

— Лучше б мне тебя мертвой увидеть, доченька!

Плачет он, и плач его как туча, слезы туманят его взор, мгла застит свет и мешает ему приметить, как мучительно подыскивает Миколаш ласковое слово, как он взрывает шпорой землю и перекладывает меч из руки в руку, словно тот жжется.

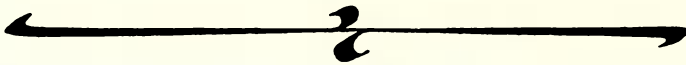
А что Маркета? Да что ж иного — стыдно ей. О, как нынче алкала бы она принять бальзам пыток, как желала, чтобы боль явилась доказательством ее дочерней любви! Что же она сделает? Маркета бросается следом за отцом. В этот миг небо разверзлось и хлынул ливень; туча, подхлестываемая ветром, промчалась с бешеной скоростью. Колебания и сладостное смущение Миколаша словно рукой сняло, и Козликово умиление тоже поминай как звали. Снова орет он во всю глотку. Глупо глазеть на пленника, который к тому же и кобенится еще, ей-ей, жалкий мы учинили допрос, и сам я, и Миколаш! Козлик глядит вслед удаляющемуся Лазару. Фу, лучше бы суку на него натравить либо стрелу вогнать между лопаток. Лазар спешит, а рядом с ним бежит Маркета.

— Стойте! Сто-о-ой! — вопит Миколаш, и вот он уже преградил им дорогу. Что-то говорит; что же он так путано, словно в лихорадке, говорит им? Сердится, да ведь Маркета и не думала уходить с Лазаром, не сбежала она — ах, не обращайтесь с ней столь сурово! Неужто эта красавица так быстро разонравилась вам? Разбойник в иступлении таскает ее за волосы. Рассудка можно лишиться от этого зрелища! Давайте-ка станем наконец посерьезнее! И дальше — ни слова об этом! Какое нам дело до чувства, которое дает волю рукам; что нам до комедиантских талантов самодуров, которые сперва истязают своих возлюбленных, а потом осыпают их ласками, словно в умопомраченье?

Как, вы недовольны историей, приключившейся в старину? Неужто вам нисколько не нравится слушать о лютых морозах, крутых нравом мужиках и обворожительных дамах? Неужто повесть наша в сравнении с роскошной сложностью современной литературы не подобна сокрушительному молоту? И разве не забирает она вас за живое — хотя бы немножко, хотя бы отчасти, пусть с запозданием, поскольку вашей проницательности, чтоб разобраться, надобно время? Неужто вы и впрямь полагаете, будто истинная любовь всегда совершенна?

Не трудно мне представить мудреца-повесу, тоскующего ангела и любовника, который палкой учит свою даму уму-разуму, хотя любит ее при этом ничуть не меньше. Все это входит в нас либо как явь, либо как вымысел, и мы свыкаемся с ними, и они нынче разрастаются в нас.

Все на свете подвластно переменам, и многие цвета слагаются из весьма несхожих красок. Однако будем снисходительнее; зашвырните книгу и слушайте дальше наш рассказ, который в нетерпении рвется вперед.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дайте только срок, скоро-скоро я расскажу вам и о том, что стало с Александрой и Кристианом. Изложу обстоятельно, что натворил сынок и что заметил на это его отец, очутившись среди разбойников. Однако сначала мне надобно рассказать о королевских солдатах и об их капитане Пиво.

После нападения Миколаша полк сделал лишь короткую передышку. Когда же Пиво совладал со своим гневом и трезво взвесил обстановку, то обнаружил, что недавняя беда просто ничтожна. Да, погибло несколько солдат — всего-то навсего? Ну, сельский люд обрастает порослью, как верба, и всякий раз снова заполняет своими телами пропасти войн, а потом сызнава и с бодростью распахивает поля былых сражений. Да черт с ними, с убитыми, черт их побери, а вместе с ними и графа Кристиана!

«Разве не я просил его не отдаляться от моей особы? — сказал себе капитан. — Это ведь не стычка с епископом, а битва с дворянами. В этом деле Козлик мастак, это вам не замухрышка какой-нибудь, вот так-то, саксонские графчики! Хотел бы я прожить столько лет, сколько он выплет вам ударов! Даже если пять ударов считать за один год... исходя из расчета пять к одному... Э-э, — сказал себе капитан напоследок, — чего мне печься о всяких там щенках да их папеньках из саксонских земель, немножко раньше встретятся у Козлика, посидят денек вместе, а там я всех выведу на большак!»

Тут, ища себе ободрения и поддержки, обратился капитан к своим солдатам, пусть они тоже подтвердят, что все будет так, как он велит. Войсковые старшины, словно по мановению руки, подступили к нему и стали думать-гадать, совет держать, но одни полагали, что надо делать так, а другие — эдак. Советники затеяли было меж собою спор, и, ей-ей, тут не обошлось без крепких выражений. Тогда взял слово сам Пиво и сказал:

— Слышать не хочу я ваших пререканий, замолчите! Двинемся по следам Козликова волчонка. Всадники, которые вцепились нам в шкуру, — это всего-навсего Козликов разъезд, сам главарь восседает где-нибудь на горушке да окружает себя засеками. К вечеру мы наверняка доберемся до их расположения. И бояться нам нечего. Как только окинет Козлик взглядом наше войско, тотчас сложит свой меч и не станет помышлять о битве!

О, если бы все казалось так просто и на самом деле! Те, кто отправился на Козлика первым, охотно со всем соглашались, однако все же не растеряли бдительности. Они двигались осмотрительно, а полк был еще осмотрительнее. След Миколаша петлял по бездорожью, возвращаясь то к ручьям, то к лесным чащам, то к крутым склонам, а то и к пропасти.

Около четырех часов подошли к лагерю Козлика. И вот уже воздух оглашается кликами, кликами разбойников и солдат. Козлик и Пиво выжидают, на что решится неприятель. Положение разбойников предпочтительнее, но ведь их так мало!.. Королевский полк впятеро превосходит их числом. Миколашев разбой, совершенный на высоком холме, разбой, что вызвал у солдат такой гнев и побудил их к сражению, до сих пор жив в памяти. Наемники горят желанием проучить наглецов и покончить с подобными шутками. Пиво, однако, медлит. Ночевать ли ему в глухом мелколесье под проливным дождем, разбивать ли палатки в такой слякоти либо дать знак к наступлению? Через два часа опустятся сумерки.

Капитан прекрасно сознавал, чем он обязан солдатам, и решил поступить, как они сами пожелают. В полку у него служили два-три удальца, которые хорошо понимали, что к чему на этом свете. Молодцы как раз разговаривали между собой, когда капитан подошел к ним — послушать.

— Сдается мне, — сказал первый из них, — наш капитан не станет тянуть. Бери это осиное гнездо приступом, капитан. Пора положить конец насмешкам. Ночь не даст нам покоя, а утро будет горше вечера.

— Ты что же,— отвечал ему другой, отвязывая шлем от луки седла,— хочешь сказать, что завтра это мужичье заставит нас трудиться дольше, чем сегодня? Они уже дышат на ладан, и, право, не важно, когда нам за благорассудится отзвонить им отходную.

Пиво подошел к лучникам, а оттуда — к обозным; дух войска был лучше, чем заслуживала эта компания. Разумеется, возницы мечтали воротиться к семье и засыпали на ходу. А как иначе — мужики, они мужики и есть.

Пиво почувствовал, что решимость солдат подстегивают скорее стыд и желание завтра остановиться на ночлег в королевском городе, нежели геройство. Он заметил, как сдали его молодцы, и чуть не жалел их. У одних отморожены уши, у других белые пятна на коже, а у третьих побелели кончики пальцев и снежные розочки расцвели на носу. Животы у всех подвело; прежде роскошные были пузаны! Добывая довольствие для армии, они приводили в трепет шинкарей, мужиков и побирушек, преклонявших колени в костелах, — красота, когда этакий удалец стоял, засунув большой палец за пояс! До чего хороши были прежде утробы, умещавшие порядочного поросенка, а пока что в них гуляют лишь голодные ветры. Пиво принял решение и приказал трубачу трубить.

Заиграла труба, и капитан Пиво именем короля приказывает разбойникам сложить оружие. Но Козлик безмолвствует.

На что полагается, на что надеется этот безумец? Повторное обращение капитана также осталось без ответа.

Все это — лишь продление смерти, нагромождение ужасов, ибо бьет уже их последний час. Отвратите свой меч, несчастные, ведь за Пивовым брюхом стоит закон и подручные закона. Положитесь на справедливый приговор и бросьте свои мечи! Ибо то, что вскоре наступит, — это не битва, а бойня. Солдаты жаждут крови; я вижу, как под доспехами, под панцирем и латами порывисто стучит их сердце. Кое у кого оно подпрыгивает, и злоба сотрясает их, как ветер — пламя свечи.

Они воины, воины по ремеслу! Ах, верность, которая в конце недели приходит получить свое жалованье! Вы, поденщики меча, вы, пожиратели свиней, вы, крысы кладовых, вы, чьи прегрешения почитаются за честь и славу и реют над вашим шлемом, словно изогнутое огненное перо! Вы, торговцы смертью, вы, мародеры-головорезы, чей произвол возведен в

оскалили бы клыки. Все склонились над своим оружием, прижались к своему оружию, захлебываются ненавистью, и душа их отрыгивает, неспособная дольше плакать; душа их рвется вверх, к мозгу, бьется о стенки убогого тела, будто ягуар, клетка которого занялась огнем.

Гляди-ка, узда войны сдернута напрочь. Войско припадает к земле и поднимается, падает и поднимается. Уже вбито двадцать стволов, уже тащат двадцать приставных лестниц. Вы слышите этот рев и гвалт? О певучая глотка, о хрипящая песня, песня! Эвона, глянь-ка — поле безумцев, поле королевских мерзавцев, поле самого что ни на есть благородного воинства. Солдаты пылают огнем ярости, и ярость эта охватывает их всегда в подходящее время, в любое время, когда то взбредет в голову капитану, когда трубачи приложат к губам свои горны.

Милостивые государи, прежде чем вóроны и вороны набьют зобы растерзанной плотью этого войска, выслушайте коротенькое рассуждение чудака.

Паренек этот родится много позднее, и во времена, о которых мы ведем повествование, искал грибы где-то далеко меж лазурных скал и лесов, то бишь на свете его еще не было. Не желая никому служить, был он худ, наг и не в чести. Слыл безумцем, а на самом деле был мудр и написал книгу, которая дошла до наших дней.

Так что же говорит нам этот ясный дух?

Говорит он, что первопричиной всех войн является беспредельный и зверский идиотизм. «По великой нужде,— утверждает далее наш нищий философ,— мы защищаемся, как защищаются медведицы, и — опять же по великой нужде — нападаем на своих ближних, но тут уж уподобляемся рыси. И вы и я восхваляем бога за эти превосходные наши способности, а он предаёт их проклятию. Да и как ему не призывать проклятий на голову тех, что присваивают себе право обрывать нас, словно рысей, и оттачивать наши когти, чтобы они все больше напоминали рысьи? Как ему не проклинать людей, ежели они окропили это одеяние краской славы и, омочив хоругви в ушате крови, внушили убогим войскам сознание славы?

Ну, а что слава? Вот жизнь, или, лучше, дело жизни,— достойно прославления, а смерть — гнусна. Дурной хозяин корчует лес на взгорьях, дурной властитель ведет войны, а дурной поэт сочиняет стихи о гибели. Мир! Мир! Мир! Умерьте ваши аппетиты, измененные души, вы, потешные

олухи с мечом на бедре, умерьте свои аппетиты! Вы возглашаете: барабан, а я отвечаю: свадьба! Честное слово, я даже признаю в вас некий поэтический дар, ибо, рубя головы, поджигая, разрушая орудия мирного труда, вы испытываете нечто подобное головокружительному восторгу созидания, о дьяволы от поэзии! Когда ваши самки насытятся воском с ваших усов, они с тем большим удовольствием примутся вылизывать ваши раны и кровь на шрамах — ведь вкус крови бесподобен! Это *pars pro toto*¹, дурной пример, украденный вами у разбойников. Но разбойники вынуждены пускаться в драки, а вы деретесь за вознаграждение; они будут болтаться на виселице, а вы разбогатеете, получите повышения и похвалы за свое душегубство. Они — дичь, а вы — подручные палача. Лучше быть разбойником с душой рыси и честью рыси, чем капитаном, у кого облик человеческий, а пасть — волчья. Игра разбойников — грубая игра, но мы называем ее настоящим именем, так признайте же свою масть и вы.

Терпение, только терпение, я вижу, как вы раздуваетесь от важности и гнусавите, представляясь исполнителями королевского закона и правосудия. Ведь речь идет о безопасности проезжих дорог!

Ба-ба-ба, все вы, воришки, на один лад! Да вооружите вы деревенских парней, ведь парням в первую голову пристало носить оружие, — и увидите, как у вас, да и у разбойников сразу поубавится спеси. Так что не притворяйтесь этакой добродетелью, все вы мазаны одним миром!»

Босаяцкий философ, что все это изрек, наговорил куда больше, да пусть-ка сам черт ногу сломит, разбираясь в его сочинениях! А мы возвратимся к своему повествованию.

Пиво шел в атаку, а Козликовы люди защищались изо всех сил. И разбойники и солдаты умирали достойно — один испустил дух, сражаясь на стороне короля, другой — в стане разбойников. Битва воодушевила их, и, умирая, они еще издавали воинственные крики. Снег на склоне уступил место черной персти и алому цвету крови. Кровь пенилась, выступая на губах, и тоненькой струйкой стекала по изуродованным конечностям.

Солдаты уж стоят на середине склона, и первая лестница достигает засек. Разбойники, держась за веревки и жгуты, сбегают вниз. Вот солдаты и разбойники сцепились друг с другом. Уже лежат в страшном объятии.

¹ Часть вместо целого (*лат.*).

Мы видим сполохи мечей, округлое око, снова сполохи мечей, изгиб локтя, оскаленное в улыбке лицо мертвеца и пару рук, где правая ломает пальцы левой.

Двое из Козликовых сыновей уже мертвы. Барышня Штепанка была убита в тот миг, когда сама пронзала мечом какого-то рыжего вояку. Симон свалился, настигнутый камнем из пращи. Упал в гущу солдат с разможенной головой. Ах, было ему пятнадцать лет.

Творились дела страшные и дела горестные, однако горше всего смерть самой младшенькой дочери Козлика. Бедняжка! Ян приказал девчужке отвалить с обрыва несколько камней. Камни уж были подрыты, и, хотя силенки у девочки невелики, она все-таки сдвинула камни с места. Да жаль, оперлась о них, как опираются о стенку...

Ай-яй-яй, вы видите амазонку, видите несчастную девчужку, она падает стремглав, падает там, где отвесная скала.

Вскрикнула девочка, как вскрикивают дети, но я уже вижу,—она подымается, вот поднялась, взбирается вверх по косогору. Один из солдат ударил ее по плечу, и она слишком слаба, чтобы защититься, и заливается слезами. Солдаты волокут девочку, набрав полные пригоршни ее волос, волокут к всадникам, что стоят поодаль.

Как с ней обойдутся? Привяжут к лошади.

Маленькая разбойница в жизни своей слышала лишь о разбойных делах, и она желает участвовать в кровавой битве и подбирает нож. Подбирает нож, который один из солдат уронил в пылу боя или в смертной тоске последнего часа. Никто ее не видит, никому и дела нет до маленькой разбойницы, а ей наверняка страшно.

Неужто? Да разве это не маленькая чертовка? Неужто она не в отца и не в своих тетушек? Гляньте-ка, нож уже у нее в руке, она уже высмотрела, как лучше повернуться, уже бросается на солдата. Несчастный принимает смерть из лап гусенка так, как наш старый судия примет и вытерпит хулу от самого младшего ангелочка, рухнув от легчайшего удара крыльшком.

Понятно, парень, вскрикнув, упал и катается по земле. Убивица опускается на колени и читает молитву, кажется мне, что силы, необходимые для сопротивления, покидают ее. Кажется мне, что она ничего не видит вокруг. Пространство возле нее колышется, словно платок. Солдаты орут. Я вижу меч, приставленный к шее ребенка. Ах, отвернитесь,

драгоценные господа! Около пяти десятков человек полегло тогда, пять десятков солдат и разбойников, но нет кончины печальнее, чем смерть этого дитятка. Ей отсекли голову.

Теперь разыгрывается третий, четвертый и пятый акты битвы. Пиво ранен и выплевывает раздробленные зубы: вот упал Ян, Кристиан рухнул и лежит недвижим. О час сражения, о исполненный стонаний час! Кому понадобились эти ужасы и кровь?! Вы сволочи! Сброд! Небеса разбушевались, негодуют от отвращения, и святой Георгий топает в гневе ногой. Тьфу на вас, негодяи!

Около шести часов; опускается сумрак, и битва разбойниками проиграна. Пиво стоит на верху холма. Чуму на него, чуму на старого драчуна! Разбойники побросали все свои ценности и спасаются бегством. Бегут на конях. Кое у кого на руках — младенцы, кое-кто из детей, уцепившись за пояс взрослого, скачет, сидя на крупе лошади. Женщинам отданы самые ходкие кони. Козлик и все прочие из последних сил сдерживают напор солдат. Наконец и они бросаются вниз с холма.

Последняя рана, последний удар. Козликов жеребец встает на дыбы, всаднику не удержать его, и вот они уже катятся вниз, уже хрустят кости разбойника и лошадиные мослы. Ах, этот злополучный прыжок! Козлик хотел уйти последним, как и подобает настоящему предводителю, и вот что приключилось — он угодил в плен! Теперь он будет схвачен и повешен!

Сыновья его давно под горой, бегут, не ведая о лихой беде. Миколаш далеко опередил всех, но вот он останавливается поднять ребенка, свалившегося с коня. Истекает минута. Мимо девушки и разбойника пронеслась бегущая стая, я говорю — мимо девушки и разбойника, ибо Маркета Лазарова неразлучна со своим возлюбленным.

В какой-то книге писано, что любовь — учитель улыбок, и это не так глупо, скажу я вам! Миколаш освоил некое подобие улыбки и, стирая кровь с лица ребенка, поступает согласно новой привычке.

Маркета обвязала голову мальчонки платком, и вот теперь они садятся на коня. Ах, все еще недостаточно пролито крови! Только они сели на коня, как настигли их двое солдат. Миколаш проткнул мечом одного из коней, не заботясь о седоке, а седок рухнул на землю вместе с животным. Второго королевского холуя Миколаш ударил по бедру и раздробил его. Этот человек уже никогда больше прямо не ходил и даже не стоял прямо.

Ей-богу, пора бы уж нашим любовникам поторопиться, ибо вижу я, что к месту стычки поспешают иные пары. Миколаш заметил это вовремя; схватив за узду неприятельского коня, он приказал Маркете гнать что есть мочи.

— Живей! — крикнул разбойник невесте и сам свалился на спину жеребца, так что тот вздрогнул, бедный.

Едва успев взобраться в седло, поднял Миколаш меч, чтоб отразить напор новых всадников. Разбойник двинулся им навстречу; жеребец его скачет галопом, а солдатские кони бегут на рысях. Ах, опасаясь я, всемилостивый боже, что будет Миколаш подавлен их превосходящей силой; боюсь, что убьют его прежде, чем обретет он спасенье, и прежде, чем откроется ему истина. Он разбойничал и жил, как живут рысь и волк. Ниспошли ему победу, помоги вышибить дух из этих парней!

Черт побери, и кто бы мог подумать, что королевские солдаты так страстно жаждут уцелеть? О, лукавые можначи! Да вы живьем проглотите кающегося грешника вместе со шпорами! Но где там! Мы еще держим в руках меч, и щеки наши багровеют от натуги.

Миколаш отпрянул с их дороги, и тут — потому что мчались всадники слишком быстро — случилось так, что не смогли они задержать свой бег. Бог допустил, чтоб они рассеялись по лесу, и Миколаш в ярости перебил их всех, одного за другим. В тот день Козлик был взят в плен, а многие его сыновья пали в бою; сверх этих несчастий не произошло ничего, достойного упоминания, ни у тех, кто спасался бегством, ни у преследователей, ни у тех, кто задержался, собирая добычу. Миколаш, переловив солдатских коней, поскакал вслед за своими братьями.

Повествование не последует за ним.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Внимание, которое вы уделяете этим событиям, снова пусть обратится к тому моменту битвы, когда Миколаш и его люди напали на часть капитанова войска. Вы помните, что граф Кристиан и Лазар были пленены одновременно? И что же с ними случилось? Многоуважаемые господа, оба старца трусили рысцой подле коней, с петлей, болтавшейся на шее. Разбойникам и дела не было до того, что веревка натягивается, они спешили к своей цели! Смилуйся, господи, над несчастными старичками! Никто их не щадит! И все-таки! Миколаш обернулся и, увидев стариков, с головы до ног покрытых грязью и снегом (ибо шлепались они, словно дети, не научившиеся ходить), приказал перерубить путы.

— Скажи-ка мне свое имя,— молвил он, обращаясь к Кристиану.

Граф ответил, вкладывая всю надежду в звук своего голоса. И стало так, что припомнилась разбойнику ночь, которую он провел в путах. Представилась ему цепочка узников, молоденький Кристиан и Маркета Лазарова. И сделался он счастлив, словно рыбак, вытянувший сети с богатым уловом. Он был счастлив оттого, что обстоятельства переменились, но промеж жеребцов своих он влечет тех, кого так долго ждали. Он возвращался, как муж, идущий с дарами. Он был счастлив, и в счастье своем повернул к себе голову Лазара, повторяя имя Маркеты. Лазар, однако, чуть не плачет.

— Дайте им коней,— молвил до крайности удивленный разбойник,— дайте им коней, пусть они развеселятся, дайте им еды, дайте им всего, что только душе их угодно!

Ах, дурачок, какая еда в вашем мешке?! Обглоданная кость! А вы чувствуете себя богачом, раздавая блага, и сознание правоты разглаживает ваше чело. Вы путаник, ваше толкование вещей сокрушает читателя, а ему-то понятны человеческие мысли.

Слыхивал я, будто водятся в океане такие твари, что окрашивают вокруг себя воду, и она попеременно становится то голубой, то розовой, то шоколадного цвета. Окрашивать море! Окрашивать время! Да как же это так? Но разве дух не окрашивает человеческие поступки? И разве есть где истина в чистом виде?

Уверенность, с которой я принялся за повествование, истаивает, и я, право, не знаю, смею ли я одобрить ликование разбойников, ибо Лазарь плачет. Пусть смерть в боевых сражениях не наводит на вас тоску, слезы любовниц, оплакивающих утраченную девственность, не трогают вас, но рыдания старцев? Может, такое случилось с вами? Может, и ваши надежды были похищены так же, как у этого Лазаря?

Пиит, которого я снова призываю в свидетели, заметил однажды, что многие из нас подобны перевяслу, которое сохраняет видимость и подобие круга, словно и до сих пор перехватывает пояс вывалившегося снопа.

Право, не знаю, придется ли это по душе скептикам, угрожу ли я мудрецам, греющимся у печки, но я сторонник Миколаша, одобряю этого свирепого малого, мне нравится ощущать в нем великолепное кипение жизни. Стократно скорблю я обо всех неудачниках, но в этом повествовании полюбился мне Миколаш, хотя он и лиходея.

Вблизи от лагеря разбойники спешили и начали подъем на крутую гору. Их уже заметил Козликов дозор. Уж доносятся до них голоса разбойников. Граф прислушался и, различив в этих звуках веселость, снова обрел надежду. Прибавив шагу, он обогнал Лазаря, который — в отличие от этого отца — заколебался. Беднягу удручал шум в разбойничьем стане, опасался он, что Маркете там худо. Многоуважаемые государи мои, я не знаю, отчего убийцу порой приводит в ужас убийство, а вора — кража. Лазарь, конечно, был жулик, бог весть сколько награбил он дукатов, сколько девок перепортил в молодые годы, но теперь от всего

сердца взывает к милосердию господа и королевских законов. Какой он ни на есть, вы слышали его речи. Теперь черед графа Кристиана. Пусть поднимется и скажет своему сыну и разбойникам все, что готов им сказать.

— Сын мой,— заговорил граф, превозмогая скорбь— вижу я тебя в дурном месте, и сам ты — будто исчадь ада, но я вижу тебя невредимым и без оков. Не обманывают ли меня мои глаза? Ясно ли мое зрение? Ты ли это? Какая-то шлюха касается твоего плеча и целует ежеминутно.

Молодой граф отвечает ему, и по его ответу нам не трудно распознать, как целомудренна юношеская любовь и первая близость.

— Батюшка, ты ошибаешься! — сказал Кристиан.— Ведь это Александра! Жена моя!

Как легко мы заключаем браки, когда нам девятнадцать лет!

Хотите ли вы услышать, что на это ответил старый граф? Разумеется, он бранился на чем свет стоит и отрекся ничтоже сумняшеся от сыночка. Я вижу, как сотрясаются старческие плечи, как дрожит он от бессильного гнева и от пошатнувшейся уверенности в себе.

Что поделаешь — свет гроша ломаного не даст ни за его благоразумие, ни за брань. Стало так, что Александра забрюхателя. Не смешивайте житейские вещи с бурлением греха, не стращайте влюбленных! Смотрите-ка, Кристиан в растерянности, не знает, что и ответить, он смущается, и Александра притихла, притихла и ждет, что будет. Смиряет она свою гордыню и слышит поспешную поступь гнева, а он все ближе и ближе. Если еще мгновение любовник поколеблется, если старец хоть на вершок приподымет руку — Александрина дубинка опустится на их головы. Поверьте мне, головы проломаются от этого удара, ибо Александра — разбойничья дочь и хорошо владеет оружием разбойников.

Наслаждение видеть, как она постигает смысл чужой речи, наслаждение видеть ее плечи и руку, запястье. Она приготовилась.

В эту минуту Козлик и Лазар договорили, и теперь Козлик намерен допросить графа Кристиана; зовет он к себе и епископского слугу.

— Передай графу на своем языке, что я желаю знать, отчего он ходит с капитановым войском.

Александра понадеялась, что услышит стоящие извинения, и промедлила с мезью. Все обратились в слух, а три немца, чередуясь, разговаривают между собой... Теперь речь держит слуга:

— Господин, граф Кристиан прибыл с королевским указом. Король повелевает войску, городам и весям и всем подданным своим оказывать графу помощь. Он разыскивает сына. Долго искал он его и обнаружил у тебя. Не станет он тебе отвечать, куда ты его не освободишь.

— Король,— возразил Козлик,— господин надо всеми нами, но война— господин и над королями. Война и рассудит нашу тяжбу, кого-то видели бирючи, что рыскали бы за мной с судейской жалобой, или ты видел солдат? Так не будь же более заносчив, чем подобает пленнику. Я разобью полк и буду разговаривать с королевскими парламентариями под Болеславой. Может, я буду побежден и убит, мы не знаем, что нас ждет впереди. Все станет так, как захочет победитель, ты же разорви свою бумагу и пусти ее по ветру, пусть ветер разнесет ее клочья. Я сказал, что теперь война, и у меня нет писаря.

Тут из рук Александры выскользнула дубинка — пусть ее валяется, где упала. Она была уверена в своем отце, а он не выпустит Кристиана и отворотит от доченьки беду и поношенье.

Граф через своего слугу снова спросил, как главарь разбойников замышляет поступить с подданными императора, и Козлик отвечал ему посредством того же толмача:

— Король владеет нашим краем до самых его границ. И в этом лесу, где хозяйничаю я, ты услышишь его горны, но что я знаю об императоре? Ничего! Не повинуюсь!

Граф Кристиан, человек несдержанный, отъявленный гордец, воспылил гневом, и гнев его обрушился на Козлика, как голод, что заставляет нас наброситься на амбары. Граф несет какую-то несусветицу, и, ей-ей, негоже нам слушать, чего он там городит.

Теперь подошел черед возлюбленного Александры. Уязвленный шпорой отцовского гнева, он хотел было что-то сказать, да слуга воспротивился повторить его слова. Как же он держит себя? Целует свою любезную в уста, берет в руки меч и становится рядом с Козликом, бок о бок. Граф — заодно с разбойниками!

Старому Кристиану связали руки. Он стоит неподалеку от своего сына, который перекладывает оружие из правой руки в левую и подыскивает тихое словечко примирения. Теперь нам видны Лазар и Маркета Лазарова. О, печальное зрелище — грешница-дочь и отец, проклинающий ее.

Дух наш так легко поддается обману! Я распознаю в себе возрастающую симпатию к двум старцам, но, может быть, это заблуждение и не свершается над ними несправедливость? Заслуживают ли отцы лучшей участи? Ах, откуда нам знать,— но несомненно, что один из них лицемер, а другой крохобор.

Вскоре после этих бесед и после того, как Лазар покинул лагерь, увидели Козликовы сторожевые приближающееся войско. Разбойники мигом забыли про пленников и шумно и поспешно принялись готовиться к битве. Сердца их пылали усердием. Уже видны верховые, королевская пехота уже выстраивается под холмом, и звенит рог герольда.

Разбойники плотнее прижимают к себе оружие: лук к груди, меч к лицу. От дыхания разъяренных фурий помутнели забрала; на доспехах рыцарей я мог бы рисовать пальцем. Вы слышите, лучник коснулся тетивы, и она звенит, словно мушка в ваших сновидениях, словно обнадеживающий звон игральной кости, вращающейся на игорном столе вокруг своей собственной оси. Выступайте же друг против друга!

Повествование наше возвращается назад, к тому, что уже было сказано.

И теперь случится то, что случилось.

Благородный Пиво приближается к холму и обнажает меч, королевский меч. Сердце старого графа Кристиана полнится восторгом. Любуйтесь вместе с ним этой превосходной ратью. Животы у них вздымаются при вздохе вместе с грудью, как брюхо мельника или какого другого представителя прочих честных цехов и ремесел. Карманы у них засалены, а вокруг ворота — полоска пота. Они пригожи, будто корчмарь в трактире «У святого Аполлинария». Это народ военный, и он пришелся графу по душе. Этот народец несет в своем зобу надежду, как птицы носят зерно.

Ах вы, пузаны, вы — меха рева и храпа, до чего же вы милы! О, вы достойные гаранты прав!

Старый граф Кристиан не удержался от улыбки, видя подножие холма, покрытое усердными трудами этих молодцов, и снова пожелал, чтобы господь бог даровал им победу, вселив такую мощь, с которой не сравнится ничто. Вот ловкая шутка! Разбойники взяли меня в плен, а меньше чем через час сами окажутся в плену королевских солдат. Господь

бог надежно держит свой монарший скипетр и недурно повелевает своими графьями! Я вижу, как Пиво разворачивает наступление. Вижу, что мозгляк, связавший мне руки, убит. (Да станет вам известно, господа, что это был Симон.) Я вижу, как дымится его разворошенное чрево. Вижу паденье трех разбойников и свист солдатских мечей, опускающихся им на голову. Вижу маленькую девочку, что стремглав падает вниз, в средоточие королевского войска. Вот она вскакивает, эта ничтожная букашка, и размахивает ножом. Раздавите ее копытом! Да сгинет род чародейниц и хохлатых безумцев!

В этот миг скатилась с плеч голова девятилетней Драгомиры.

Кристиан затих на мгновенье, а обернувшись, увидел своего сына, который натягивает тетиву, но не выпускает стрелы. Вынужден я повествовать о делах неправдоподобных. Но надо отдать должное истине. Лучник плачет. По щекам его градом катятся слезы, и Александра отворачивается от него не с презрением—отнюдь, но со страхом. Ей померещилось, будто какое-то прискорбное безумие передается от одного другому. Сейчас только видела она Маркету Лазарову, которая со сладостной улыбкой разглядывала окрававленный снег. Перекрестившись, схватила Александра обеими руками меч и ворвалась в гущу солдат. Не один воин пал в этой битве от ее руки.

— О боже,—сказал старый граф сыну,—и ты хочешь, чтоб эта ведьма стала твоей женой? Да если бы у меня не были связаны руки, я бы сам всадил копьё ей в горло.

Кристиан ничего не говорит в ответ, разжимает кулак и роняет горсть стрел. Одна-единственная воткнулась в снег, остальные раскатились по земле. Кристиан растоптал их, и теперь они, ей-ей, уже ни к чему не пригодны.

Теперь отец обращается к сыну, как мужчина к мужчине. Расхваливает саксонскую землю и саксонские замки. Слово за слово—и он раскрывает перед ним всю силу отцовской любви, рассказывает о девушках, что живут затворницами.

— Несчастный,—говорит он,—вступай в права наследства и не дай мне умереть от ужаса.

Ладно, сын твой слышит тебя, и исполнит он твою волю. Бой разбушевался с новой силой, а значит, у графьев есть время.

Узы графа перерезаны, но старец просит, чтобы веревка, перехватывающая запястья, осталась нетронутой. Что, если это возбудит подозрительность разбойников? Дело сделано, а его зачинщик мчится без оглядки, без мысли о возвращении. Схватил он лук и стрелу, что выделила смерть, подкараулившая одного из королевских солдат. Вот он пускает стрелу. Вы видите струйку крови, видите выпученное от испуга око и паденье. Уже завтра Кристиан в нескончаемом мучительном расследовании своих поступков припомнит именно эту минуту и завоет от смертной тоски. Пожелайте ему обрести утешенье, ибо для своих юных лет он очень несчастен.

Бой клонится к концу. Пани Катержина поняла, что настала пора выбрать из кладов самое необходимое, и быстро исполнила свое намерение. Женщины закутали своих малышей в покрывала и сети, уселись верхом на коней, и Козлик показал им дорогу. Самый крутой склон горы не стал полем брани. Вот спасительная тропа, которую охраняют два ряда парней. Два ряда! А парней всего шесть. Послушна Александра, послушна Маркета, а вот Кристиан колеблется. Его отец завладел мечом и не таит, что свободен от оков. Не пускает от себя сыночка, вопит и размахивает разбойничьим оружием. Александра, однако, торопит возлюбленного, и тут старый недужный человек подымает на нее руку. Но девушка ловчее, она швыряет дубинку прямо в грудь графу,— чтобы убить. Старый граф падает, а любовники мчатся прочь.

Боже, какая мука считать мертвых! Александрин конь пугается их и скачет, встревоженный, дальше. Три брата лежат на земле, обратив лицо к небу. Ах, троекратно повторенное лицо, три подбородка, разделенные ямочкой, три великолепных носа, которые вы легко опознаете. Кто не пожалеет их? Кристиан! Жестокий граф, который теперь приходит в сознание.

Миколаш, чей конь, сев на зад, оставляет за собой головокружительный след, спустился одним из последних. Это дьявольский спуск, и у самого подножия он особенно страшен. Под склоном чернеет еще одна лужа крови, а возле нее, раскинув ручки и ножки, валяется мертвый ребенок. Миколаш проехал, помогай ему бог!

Вышло так, что молодой Кристиан прыгнул вниз прежде, чем конь Александры достиг края скалы.

Увы, Александра не в силах остановиться, уже слышит она свист ветра в ушах и чувствует мороз, пробирающий ее до костей. Она ощущает бездонность падения, и удар, и скользь, после чего приходит в себя, будто после обморока.

Какая живость и какой огонь в этой скачке! Какая непреклонность! Несколько прыжков—и конь снова на ровной земле, и Александра понимает, что Кристиан воротился назад.

Вы полагаете, что необычайное волнение сокрушит девичье сердце? Вы опасаетесь, что у нее перехватит дыхание? Ничуть не бывало, она скачет все дальше и дальше. Ее переполняет горечь, но Александра — дочь своего отца, и не испытывает она ничего, кроме гнева, и ее воображение, и без того растревоженное, будоражат картины мести. Ах, искаженный образ Кристиана будет вырван из ее сердца!

Амазонка нахлестывает спотыкающегося коня, она хлещет коня, понуждая бежать быстрее прежнего. О, сколь она счастливее своего возлюбленного! Кто утешит его, кто скажет ему ободряющее слово? Я чувствую—в опущенной низко голове графа снова роятся раздумья, однако я не колеблясь рассеял бы их сонмы и не колеблясь заодно с разбойниками всыпал бы ему хорошенько по задумчивой заднице! Предать возлюбленную! Вы, господин граф, вполне заслужили свой удел!

Но оставьте его, пусть посидит на камнях да погрызет себе пальцы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вот дворянин куда более истинный, чем Кристиан, вот он — Козлик! Лежит неподалеку от молодого графа, и душа в нем чуть теплится. Он потерял много крови, он бледен, уста его сомкнуты.

Неизвестно мне, отмечены ли где примеры большей несговорчивости? У Козлика перебита плечевая кость. Кожа и мышцы разорваны конским копытом, бок рыцаря мокнет в крови, бедняга не может шевельнуться, не причиняя себе страшных мучений, но ничто не сломило его дух. Могучее умение владеть собой подавляет вскрики, могучая воля вновь пробуждает его к жизни, толкает к действию, которого он должен был бы поостеречься.

Ценою страшных усилий Козлик отыскал нож. Он видит, что подходят королевские солдаты. Эх, он будет мертв, прежде чем они приблизятся к нему. Он упирается ножом в то место на груди, где слышно сердце. Однако сил не хватает. Этот миг, столь важный для дальнейшего нашего повествования, наверное, тоже был предусмотрен провидением, и властитель судеб извилистыми путями подвел к ней Кристиана — скорее всего затем, чтобы, по крайней мере, раз в жизни ягненок заслужил славу волка. Граф затеял с обреченным борьбу и вырвал у него смертоносное лезвие. Тут подоспели королевские наемники и, набросившись на Козлика, связали его. Их не волнуют ни муки, ни кровь, хлещущая потоком из ран, и разбойник платит им той же мерой. Поносит короля и его войско, а себе

желает лишь одного — чтобы кто-нибудь из разъяренных солдат прикончил его штыком. Но пока он так буйствует, так отбивается, в мыслях его возникает ничтожная, еле различимая точка, зернышко, которое курноса сеятельница кидает в человеческий мозг, дабы оно проросло, выбросило стебель, листву и дало тень. Тень смерти. Все это длится одно лишь мгновение. Столбики крови падают до предела, и розовый мозг белеет, как побелели сады месопотамские.

Козлик, наверное, помер. Четверо солдат изготовили носилки из копий и плащей. Влили вина в Козликовы спекшиеся губы и несут вниз. Ступают так осторожно, будто служанки с хворым младенцем, а те двое, что стоят повыше первой пары, приседают чуть ли не до земли, чуть ли не сползают на задницах, дабы не покачнуть смертного одра. Они укладывают разбойника на повозку.

Жив он или помер? Жив! Капитан приложил меч к его губам и обрадовался, видя, как он тускнеет, покрываясь дымкой. Обрадовался капитан и сказал об этом солдатам. Все видели, что так оно и есть, и удвоили заботу о раненом. Усердствуя, они затевали всевозможные хлопоты и много рассказывали о делах душегубов, ибо битва окончилась, и, как всегда после сражений, войско в растерянности, и началась бестолковая суетня.

Уж эти мне добрые молодцы! Теперь никто из них и не заикнулся бы о геройстве, даже если бы им посулили за это ночлег в королевских чертогах. Сдается мне, что сейчас они охотнее всего схватили бы метлу да с радостью вымели место побоища.

Долой кровь, прочь военное ремесло! Позвольте им снова спать подле каких ни на есть женушек, пусть себе толкуют, почем в тех краях пшеница, пусть оказывают себя умудренными опытом людьми. Предоставьте им время, пусть они вспомнят о славных боевых знаменах и звуках трубы, позвольте им вновь отрастить бороды, позвольте им крепко стать на ноги, чтобы вселился в них хвастливый дух.

Солдаты похоронили убитых, а среди прочих погребли и маленькую барышню Драгомиру, которой накануне отсекли голову.

Уже спустились сумерки, и пала первая тьма. Капитан приказал солдатам разбить лагерь, а поварам — готовить ужин. Для этой цели забили одну из коровенок, принадлежавших разбойникам.

В этот миг Козлик очнулся и в щель меж парусинами разглядел темную кромку леса и поднимающийся серп месяца. Он расслышал шаги коровы и нежданно-негаданно увидел ее рогатую морду с голубыми глазами гомеровских женщин. Памятью, что погружается в прошлое, словно колодезная бадья, памятью, исколотой иглой бреда, памятью полусознания, памятью сердца увидел он сутолоку под выменем этой коровы. Вон хохочут дети, ишь, проказники, как дерутся из-за розовых сосков, как рвут их друг у друга. Каждый старается им завладеть, но нет никого ловчее маленькой Яны.

Вы видите, буренка теперь стоит как вкопанная и тянется мордой к девчужке. Вымя под маленькой ручкой то удлиняется, то сокращается, вот уже брызнула тоненькая струйка молока и звенит о край посуды, вот молоко уже течет по детским мордашкам. Козлик услышал стон животного, и сознание его прояснилось. Припомнилось ему, что дети звали коровенку Ласочка, и он сам повторил это имя, как маленький.

Его бородатый рот произнес это имя трижды, и вот перед ним уже стадо; коровы трутся друг о друга, то сближаются, то рассеиваются опять, стуча бубенцами и рогами.

Боже мой, да ведь мы на Рогачеке; я вижу аиста, щелкающего клювом, и пруды, полные водой, вижу мохнатый стог, неряшливый передник сада, вижу фронтон дома, на солнечных часах которого девятый час утра. Разбойник дома. Ей-богу, нет здесь ни малейших примет грядущих ужасов, а на подворье валяются инструменты мирного труда. Я вижу тощую кошку, что посматривает на птиц; разбойник швыряет в нее комком земли и хлопает в ладоши. Потом усаживается у запруды — удить рыбу. Солнышко — и мужичонка жмурится, и морщит свой крючковатый нос, и дышит, как дышит погружающийся в сон хлев. Я вижу поплавок, привязанный как попало, и завитушки мелких волн. Я вижу, что разбойники бывают тихими и кроткими. Но я вижу еще, что бывают они жалостливыми, ибо знаете, как они поступают с уклеей, трепещущей на конце лески? Пускают ее обратно в воду!

Драгоценные государи мои, даже если Козликова душа была багрового цвета, то наверняка обвивал ее лазурный пояс, а на плече у нее запечатлелось прикосновение божьего мельника, который привлекает нас к своим устам.

Ах, черт, унеси рассказ о безумствах и шутловстве! Кому охота следовать за разбойником, у которого душа устроена таким манером? Разумеется, теперь, когда возмездие уже обнажило свой пособник-меч, он станет ссылаться на своих рыбок! Вон, видите, палач в мешке с дырками для глаз стоит рядом с законниками-правоведами. Стоит он там, меч поперек бедер, а лапа—на эфесе. Да пусть у нас пропадет охота любоваться волоокой красотой!

Под вечер к Козлику снова вернулось полное сознание. Он прислушался, различая лагерные звуки. Мимо повозки прошло несколько солдат; один из них остановился и поднял парусину. Козлик закрыл глаза, парень постоял, как стоят охотники над медведем, так же, как они, кивая головой. Он был доволен.

Немного погодя Козлик увидел еще одну голову, которая погружается в его тьму. Ей-богу, кроме трех-четырех неисправимых бирюков, весь полк поглазел на разбойника. Один говорит, что Козлик замечательно владеет мечом, другой— что совершал он страшные набеги, и нет ему равных, а третий припоминает, что умел он потеряться, как булавка на травяном лугу.

Козлик хотел встать, но сил убыло настолько, что он еле пошевелинулся. Не мог он больше верить в удачный побег, и стало для него утешением представлять себе, как скачут вдаль его сыновья, как спасаются бегством женщины.

Он видел здоровенный, распластавшийся зад, край плаща, развевающиеся волосы и кончик свивальника, видел, как уносятся его слуги, словно ангелы влекут их за ручки. Мысли эти воскрешали одушевление, некогда владевшее разбойником; он улыбался и, несмотря на боль поверженного тела, повеселел.

Провидение всегда держит в руках своих нити основы. Еще неизвестно, для кого это хорошо, а для кого худо, может, ужасный конец оно готовит не беглецам, может, именно преследователи погибнут страшной смертью? Если забыть о скверной ране и правосудии, которое смертью через повешение наказует Козликовы проступки, то, ей-богу, не на что сетовать, ибо все прошлые победы разбойника не исключали возможности такого поражения. Почетного поражения.

Уже не повторить набегов, за которые сажают в темницу, их уже не повторить, но и в мирные дни пригодится мужество. Согнуть себя Козлик позволит разве что смерти.

Ночь меж тем шла своим чередом, было уже десять. Лагерь спал. Ну и пусть себе спит. Пусть разливается полая вода ночи.

Вечер и ночь после битвы граф Кристиан и молодой граф Кристиан провели у костра. Старый пытался распрямить свою спину и потирал нос. Проклятье! Какой-то бестолковый разбойник сперва съездил ему по носу, а потом — по губам. Бог знает, отчего граф тогда этого даже не заметил. Ах, рана пустяковая, но это не делает боль менее жгучей. Граф стонал, и, когда его вздохи становились слишком слышны, сын, пожав плечами, поднимался. Было заметно, как пылают его уши. Он с трудом превозмогал досаду. Черт побери, чего это старик разохался?

Молодой граф Кристиан с большим удовольствием окунул бы старшего графа Кристиана в кадку с водой. Милый мальчик, сделайте так, дабы гнев не простер вашу десницу на недостижимые дали! Вижу я, рука у вас длинная, как у византийской святой. Что, чешутся руки? Признайтесь, вам стыдно скорее за себя, чем за своего папашу! Вы ветрогон, вы лицемер, вас ищет возлюбленная! Глаза ее расширены тьмою. Она бродит по ночному лесу и зовет:

— Кристиан! Кристиан!..

Когда время подошло к полуночи, молодой граф взял меч и, ни с кем не простившись, покинул лагерь. Он решил разыскать разбойников.

Для меня не так уж неясно, что бог помутил разум Кристиана и извратил его мысли, как хозяин превращает цыплят в каплунов. Кристиан отродясь не знал, что ему следует делать. Он то желал одного, то другого. То хотел быть примерным сыном, а то любовником. То рыцарем в роскошных доспехах, а то, напротив, разбойником, у которого нет ничего, кроме дубины да разбойничьей спеси. Мечтал он стать светским художником, монахом, отшельником, воином гроба господня, испанским невольником, что пьет из черепка, бродягой, а то и королем Саксонии. Кто разберется в этом безумном сплетении мыслей?

Кристиан бредет по лесу и плачет, кричит и плачет. Выкрикивает имя Александры и прислушивается, не раздастся ли радостный возглас: «Тут я, возлюбленный мой!»

Граф бродил по лесу до наступления белого дня, и все это время у него во рту не было ни крохи. Скверные места. Он бродил по дорогам с полуночи до рассвета и с рассвета снова до полуночи. Он терял сознание, ему хотелось пить, жажда мучила его все нестерпимее. Слышал он, как лесное зверье скользит по стволам деревьев, слышал крик сычей и столетнего одноногого ворона. Страх веревца раскачивал ветви, скакал сверху вниз, скакал дальше и дальше.

Как Кристиан боялся! Тут ему слышался удар, там что-то грохнуло, словно под тяжестью удавленника веревка оборвалась. Страх сбивал графа с толку больше, чем вы предполагаете. Он лишил его разума. Да полно, так ли? Может, несчастный просто болен? Неужто в уме повредился от своих страданий? Неужто и вправду он такой трус? Не знаю. В ту пору в лесу кое-где еще лежал снег. След Кристиана явствен, и похоже, что это след безумца; вел он от тени к тени, словно след ведьм или лесных вил. Опасаюсь я, что Кристиан помешался или поддался хворобе, которая сделала его вроде как невменяемым. Я уже упоминал, что дух его был слаб и неустойчив. Наверняка не происходило с ним ничего чересчур страшного и не было причин помирать со страху. Но Кристиану не достало духу идти по дороге, насвистывая песенку. Как бы то ни было, спятил он или занемог, но ясно одно, что три дня и три ночи бродил он по Шерпинской чаще и сейчас являл собой жалкое зрелище.

Меж тем стало так, что пани Катержина, Козликовы сыновья и Козликовы дочери сошлись в условленном месте. Разбежались они в разные стороны, но все знали эту чащобу как свои пять пальцев. Отлично помнили всякую тропку и, когда показалось им, что опасность отступила, поворотили своих коней к дубраве под названием Хмель. Они приближались к ней с разных концов и шли осторожно, как охотники.

Уханье филина и голубиный зов раздаются в лесу, ибо разбойники перекликаются на языке зверей и птиц. Не таитесь вы, место вполне надежное, вокруг непроходимые болота. Ян стоит у косы брода и подает знак платком, чтобы все въезжали в речушку и гнали коней против течения. Земля в ту пору была очень влажной, и копыта глубоко увязали в ней. Ежели бы десять лошадей проехало одним путем, след их сохранился бы до будущих ливней.

Увы, разбойники — суровый народ, но в каждого из нас бог вложил частицу своего сердца. Все эти сыновья и дочери любят свою мать. Они не многоречивы, и, вместо того чтобы вымолвить ласковое слово, каждый хмурится, но, прошу вас, не придавайте этому значения. Собрались они под предлогом мести, но, возможно, ими движет любовь? Может, каждому хочется повидать пани Катержину, а она сидит, покачивая головой, и на душе ее — печаль.

Сменивши Рогачек на глухомань, разбойники выглядят теперь страшнее, чем раньше изображало их наше повествование. Кое-кто помечен новой царапиной, у кого-то гноится рана, тот ухмыляется, обнажая беззубые десны, а этот и вовсе без глаза. Восседают они на отощавших конях, и я слышу, как покашливает их красавица кобылка.

Драгоценные господа мои, до чего же разбойнички дошли, до чего довели животных! Раны их горят, как придорожные знаки, и они ужасающи. Ян, самый старший из братьев, как только стало тихо и все обратились в слух, сказал, заняв место Козлика:

— Отец наш схвачен, и ждет его ужасная смерть. Думаю, капитан потащил Козлика к судьям, чтобы они осудили его на позор и на муку. Королевские полки множатся, а нас остается лишь горстка. Нас остается ничтожная горстка и ничтожная малость отделяет от смерти. Простимся же теперь, ибо пришла пора проститься и скрываться три недели.

Один челядин и сыновья Буриана видели, как отец скатился в пропасть. Раны его наверняка тяжелы, и едва ли он поправится раньше, чем недели через три. Ежели бы отец мог сесть на коня, я не колеблясь тут же напал бы на узилище. Но не верится мне, что дело обстоит так, отец не владеет рукой и не в силах взобраться в седло, иначе его не схватили бы и не остался бы он в живых. Помните мой наказ. В третье воскресенье выбирайтесь из своих укрытий, хорошо вооружившись. Входите через разные ворота и держитесь порознь, пока не пробьет час атаки.

Услышав эту речь, пани Катержина заломила руки и сказала, обращаясь к Яну:

— В каком же ослеплении ты говоришь это, Ян! Как превратно понимаешь сыновнюю любовь! Да как же так? Ты собираешься напасть на

темницу, а ведь она из крепкого камня! Ты со своими братьями собираешься напасть на нее и не думаешь, что будет с малыми детьми? Отчего вы принудили нас бежать? Ах, как бы мне хотелось быть не с вами! Хотелось бы остаться вместе с Козликом, да только счастье отвернулось от нас. Счастье жить и умереть вместе с отцом. Я знаю, какой наказ Козлик отдал бы тебе и твоим братьям, он сказал бы, чтобы вы подались в соседние земли и не возвращались, пока не уляжется королевский гнев, но никак не далее! Никто далее не смел бы оставаться вне стен Рогачека, он в запустенье и разорен. Сделайте так, чтобы крепость снова восстала из пепла, чтобы Рогачек был восстановлен. Идите и возвращайтесь в назначенный срок!

Но сыночкам, ей-ей, не хотелось оставлять Козлика на растерзание судьям. Не могли они изгнать из своего сердца жажду боя и брани, а любовь вызвала в них новый прилив ярости.

Они полагали, что достаточно ударить мечами по тюремным воротам, они полагали, что достаточно, если бешеные кони гнева взметнут копытами над головой стражника! Ворота? Башня? Все это не представляется им таким уж несокрушимым. Ян хочет поставить на своем, все братья поддакивают ему, и не слышно вокруг ничего, кроме возгласов одобрения, бряцания мечей и звона оружия. Сердце Катержины сокрушено, видит она, что не удержать ей сынов и что все они будут перебиты. Видит она, что приключилось великое несчастье, и скорбь ее отлетает, словно голубка. Право, как может она плакать, если остаются считанные минуты, когда ей, может быть, удастся пошатнуть эти дубы?!

И вот последнее слово, обращенное матерью к сынам ее:

— Ах, послушайте меня! Козлику уж не жить, а если он и жив еще, то умрет на плахе. Нет такой силы, которая вырвала бы его у смерти, никакой силе не попруть смерть, разве лишь силе божьей. Верую во Христа и неустанно взыскую его. О, если бы он был гостем на свадьбе моей! О, если бы и на небесах пребывать мне в моем прежнем супружестве! Если бы умереть мне вместе с ним, вместе предстать перед господом и свидетельствовать, какая ласковая у него душа! Он старик, я тоже старуха, ничего не поделаешь, поджидает нас смерть, а вот вы, сыночки мои, сохраните себя живыми и пекитесь о своих чадах. Козлик грешил порой, как грешат солдаты, так пусть смерть будет ему расплатой за все прегрешения и

провинности. Душа его отлетит в небеса и вместе с душами праведных опустится на одеяния ласкового судии, как усаживаются пчелы на одежды пасечника.

Что это она? Вещать разбойникам о царствии небесном? Право, я как-то не возьму в толк—ведь это колодец, из которого не положено черпать воду нашим молодцам. Они, опустив головы, ковыряют землю каблуком башмака и мечом, и ни один не поднимает глаз. Это свирепая банда, смотрите, какие беспокойные у них жеребцы, смотрите, как жажда кровопролития сотрясает всю свору. Видя поспешность, с которой призывают они свою гибель, видя поспешность и жажду кровопролития, видя гнусное рвение сечь головы, Маркета Лазарова подошла к пани Катержине и спросила звучным голосом:

— Отчего ты не укоряешь их, отчего не говоришь еще, почему ты отступилась так скоро? Любовь твоя успокоилась слишком быстро. Ты была бы счастлива, если бы они остались, и ты счастлива отпустить их. Любовь к Козлику ты смешиваешь с любовью к детям и, с тех пор как мужа твоего схватили, ходишь как неживая. Хвали небеса, а о суетном мире отзывайся с презрением. Мне не дано было закончить свои молитвы, отвратилась я от тишины небес, и душа моя запуталась в кустах этой чащи, словно Самсон. Страшусь я гласа, что повелевает нами из величественной выси, страшусь его зова. Вижу, вокруг трона бегают птенчик, который станет орлицей, и я слышу вопрос, разрастающийся в гром, и в глубине сердца моего раздается шипение. Зачем я это сделала!

С этими словами бросилась Маркета в объятия Миколаша. Плачет она, и среди всхлипов можно различить лишь невнятные слова и стоны.

Разбойники не скрывают удивления, им неловко, и они отходят. Миколаш побагровел, он сердится. Сердится, и все-таки не хватает у него духу оттолкнуть рыдающую девушку. Она так прелестна, так несчастна, и Миколаш любит ее. Он слушает, что же она хочет сказать еще?

Она хочет сказать, что не отступится от греховного своего счастья, хочет сказать, что больше не расстанется с Миколоашем. Она слишком много потеряла и готова теперь на все. Она пойдет за возлюбленным, как собачонка. Погибель или спасение, честь или бесчестье, грех или не грех, муки, покинутая семья, голод, холод, конец, который уже не за горами,—не все ли равно! Все, все поглотит пучина любви. Она обни-

мает своего Миколаша, и любовь держит ее, как якорные канаты держат корабль.

Ах, несчастные души, что ужаснулись, взглянувши на самих себя! Злосчастная мудрость, которая приводит в бешенство! Могла ли любовь возбудить подобное отчаяние? Маркета словно объята пламенем. Миколаш отводит от себя руки возлюбленной и велит ей молчать. Он намерен переговорить с братьями, ибо время не терпит. Совет держат одни мужчины. Когда они договорились, выступил Ян и громко назвал место, где укрыты Козликовы клады. Пусть заберет их тот, кто останется в живых, а не то пусть пропадет все пропадом!

И вот наступает миг прощанья. Прощаются без лишних слов. Один вытирает меч, а другой делает вид, что подтягивает стремя. Расходятся — каждый своим путем: на восток, на север, на юг и на запад. Нам видно, как они исхудали, глаза от голода сделались огромными, и кони их чуть ли не громяют костями.

Пани Катержина едет за Яном, а Александра с Маркетой следуют за Миколашем. Время клонилось к вечеру, когда они достигли перепутья. Разбойник остановился и говорит Маркете:

— Маркета, воротись домой, поезжай вот по этой дороге. Я увез тебя из Оборжиште против твоей воли, но богу угодно было, чтобы я тебя полюбил. Иди и не бойся. Умилостиви Лазара и жди меня, я приду. Я снова вижу все, что случилось с нами. Вижу, что люб я тебе, и берет тебя тоска. Ты — жена мне! Однако мы, уцелевшие, должны вступить в бой и вырвать Козлика из темницы.

— Имена ваши,— отвечала на это Маркета,— уже пересчитаны в аду. Да будьте вы прокляты, вы и ваш меч, будьте прокляты тысячекратно! Будьте прокляты!— твердила она и, стеная и жалуясь, поносила тот день и час, когда встретилась с Миколашем, кляла самое себя и свою любовь.

Тут они спешили. Волосы Маркеты растрепались и застили ей свет. Она выкрикивала зловещие, полные скорби слова и каркала, словно ворона, кружащая во тьме.

Миколаш прикрыл ладонью ее уста и велел молчать говоря:

— Зачем ты богохульствуешь? Замолчи! Замолчи, несчастная, ведь бог слышит тебя!

На висках его вздулись жилы, и это, ей-ей, плохой знак. Видно, закипал в нем гнев. Отшвырнув меч, он вытянул руку, чтобы стиснуть любовнице глотку. Тогда Маркета не произнесла бы уже ни слова.

Ах, ни в одном серале, ни в одном гареме, ни в одном женском царстве не было девицы прекрасней дочери Лазара. Миколаш любит ее. Он привлекает ее к себе все ближе и ближе. Вдыхает запах ее волос, касается ее рук, окровавленных рук, мягких, бессильных рук, ручонки, ручек, исхлестанных ветвями лесной чащи. Ни благочестие, ни богохульство, ни обычаи, ни нравы не разлучат их. Разбойник наклоняется к возлюбленной, чтоб шепнуть ей на ухо одно словечко. Какое? Глупое, пустое, ничтожное. Словечко, лишнее смысла для всех, кто не любит.

Они провели последнюю свою бессонную ночь, и Александра была поблизости. Утром они простились, Маркете пора было отправляться в путь и выйти из леса. И опять противится она этому, снова умоляет позволить ей остаться или хотя бы проводить Миколаша до скалы под названием Дивина. Возлюбленный согласился. Кони их, пощипывая траву, идут неторопливо, а вот конь Александры мчится вскачь. Нетерпеливая наездница гонит его вперед, даже не оглядываясь на приятельницу. Александра спешит, хотя ей некуда торопиться. Душа ее мрачнее тучи.

Там, где нужно искать ядрышко существа, ядро подсознательного, ядро чувствования, видения и слышания, ядрышко речи, различной у всех, ядрышко окрашенности, неповторимости и сходства, в том месте, в таинственном уголке тела, она слышала шелест и напрасные слова, повторяемые в минуты бессилия и слабости. Как часто мы хотим выразить невыразимое, как часто стремимся вместить в единое мгновение то, что пребывает вне времени. Вы, стародавние повести о путешествиях в глубь собственного сердца, вы, были и небылицы, помогите ей открыть плотины речи! Пусть хоть одно робкое словечко сорвется у нее с языка!

Ах, Александра разговаривает сама с собой, и речь ее полна воспоминаний о превратностях, случившихся очень давно и далеко. О, вошедшая в легенды скорбь влюбленных!

Приблизительно через час езды услышала Александра какой-то звук. Прислушалась; пожалуй, это не кабанье похрюкивание и не волчий вой.

Похоже, что всхлипывает человек. Сжав дубинку, подъезжает Александра к зарослям.

Боже мой, какая неожиданная встреча!

Вы полагаете, что она увидела серну, обгладывающую почки ивы? Либо пасечника-медведя? Или рысь, трудящуюся над остатками вороньих потрохов?

Это Кристиан! Обезумевший Кристиан, гложущий свои пальцы.

Александра, остановившись, ждала, что будет дальше. Смятенье, страх, прилив любви, волны гнева, гнев и любовь преобразают несчастную, подобно тому как тучи и солнечный свет преобразуют скалу. Похоже, будто она хочет обнять своего жениха и прильнуть к нему, теперь уже навсегда.

Считается, будто поступки людей—это зеркало их души. Какая отвратительная ложь! То, что есть в наших мыслях неведомого, жестокого, дикого, кровавого, чудовищного, устрашающего, и заставляет живую статую машинально взмахнуть мечом; вот теперь это исступление мысли и тела направляет руку Александры.

Стало так, что Кристиан лишился рассудка. Он лежит в кустах. Лихорадка покрыла болячками его губы. Он хрипит, он кричит, но звуки эти не напоминают человеческой речи, и я не слышу в их потоке имени Александры. Несчастный Кристиан! Лик его—это лик обреченного. Он бледен, взгляд у него застывший. Это взгляд убийц, еретиков и безбожников, это взгляд сыча. У него по-собачьи обвисшие уголки губ и прожорливое слюнявое хайло борова, у него заострившийся, подвижный нос безумца, лишённого ясного рассудка. Он заламывает руки и кричит криком.

Вы, конечно, уже не сомневаетесь, что святая троица оставила его своею милостию. Но Александре туманит мозг гнев и непереносимое презрение. Она свирепее вас на силу своего гнева. Подняв дубинку, она продвигалась вперед, ни о чем не спрашивала и не рассуждала, а в потрясении или приступе злобы навела удар на главу безумного. Кристиан как рухнул, так и остался лежать, прижав сомкнутые руки к губам. И вскоре умер.

Ах, как тесно переплелись судьбы влюбленных! Мечтали они жить вместе, однако недостаточная крепость и слабодушие супруга стали

причиной того, что Кристиана теперь поглотит геенна огненная. А он уже заплатил за все своей земной жизнью.

Однако едва Кристиан испустил дух, страшные чары распались. Александра прозрела и вновь увидела возлюбленного таким, каким он был. Увидела она, что он прелестен и очень мил, увидела, что приняла грех на душу, и грозная мука и нежнейшая любовь повергают ее к ногам убиенного. Обнимает она бездыханное тело и обливается слезами; мертвец кивает безвольно головою, и две слезинки выкатываются из-под его век.

Какое поражение, о гении речи! Эти любовники не сказали двух слов меж собой, ибо ни один не знал родного языка другого; они безмолвствовали и, держась за руки, вели разговор лишь вздохами, да поцелуями, да

касаниями тела. Как невыразительны слова, как непередаваема поэзия любви!

Но услышьте органы скорби. Смерть вырвала их языки, как овечек из колючего кустарника. Вдова и убивица разговаривает на языке, понятном всем, и мертвый пальцем чертит прощение на своем саване.

Немного погодя Миколаш и Маркета Лазарова добрались до места, где разыгралась трагедия. Подняли Александру и привели ее в чувство настолько, что она смогла заговорить. Но не в силах она отвечать на вопросы и плачет. Миколаш связал ей руки и похоронил Кристиана против ее воли. Не мог он иначе. Прочитал молитву, которой Александра не вторила, припомнил случаи, дающие утешение, но ни то, ни другое не помогло. И тут ему померещилось, будто лесные тени укрывают таинственное пространство, полное страшилищ. Душа его исполнилась ужаса и затрепетала от страха. Он перебрался с Маркетой несколькими словами, и та согласилась с ним. Ее пугало это общение живой и мертвого, ей было жутко, как бывает жутко спящему, на узкое ложе которого прилег вурдалак. Она громко читала молитву.

Лес не прекращал своего зодчества; прикладывая тень к тени, он возводил купол темноты и снова разрушал его. Время близилось к десяти, и тут, подобная радости, поднялась волна света. Миколаш, Маркета и Александра твердили имя божие и имя Кристиана. И вдруг в столбе света возникла серна с пучком зимней травы в губах. Взглянула она на грешника, постояла немножко и, воплощая в себе свежесть лесного животного, неслышно исчезла.

Мертвый был погребен. Маркета оторвала подружку от свежей могилы и сказала:

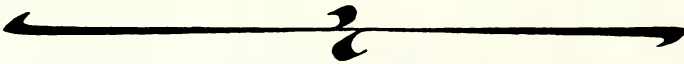
— Пойдем со мной в Оборжиште, Александра, печаль да беда — вот наш удел. Совершила ты страшное дело, да не страшнее ли грех мой? Ты плачешь, но рыдания твои все тише и тише, ты плачешь с кротостью, а мое сердце не знает очищения. Пойдем со мною, пойдем, будто слепцы, они всегда ходят вдвоем. Грех твой содеян, а я в нем пребываю. Ты сильнее меня, ты обретешь дорогу, обретешь унижение и наказание, а я буду судима снова и снова.

Миколаш вскочил на коня и, сжав ногами бока животного и втянув ноздрями воздух, снова превратился в разбойника.

— Мы еще не покорились, мы еще повоюем,— произнес он в ответ.— Не говори о наказании, а готовься к свадьбе. Передай Лазару, что я смогу защитить тебя, а Александриным судьям скажи, что война сеет смерть, ибо учинена хозяином смерти. Кто держит меч, от меча и погибает. Ежели бы Кристиан держался нашей стороны, его мог предать смерти собственный отец.

Маркета осенила себя крестным знамением, чувствуя, что недостает у нее сил удержать Миколашеву душу.

Пора было девушкам двигаться в путь. Молча удаляются они, и только Маркета оглядывается назад. Миколаш связал трех коней и повернул в глубь леса...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ниточка к ниточке — и свивается веревка. Вижу я, много волокон в ней красных, а много черных, но ах! — коса в руках мастера серебрится! Нет ничего ласковее сердца этого вершителя судеб.

Так о чем рассказывать? Дорога как дорога! Утешные глазу равнины, испещренные тропками, да колючий кустарник, деревья прямые и с неровным стволом, искривленные ветром.

Девушки приближаются к Оборжиште. Бог им в помощь! Они печальны, только ни вы, ни я гроша ломаного не дадим за их слезы, а будем подгонять к счастливому концу. Ах вы, девушки, девушки, сколь же вы глупы, неужто вы всерьез полагаете, будто есть на свете поступки, которые могли бы сокрушить их творца? Вы горячки, вы ягнята греха, от губельных ураганов отделился лишь слабенький ветерок и шевельнул волоском возле вашего виска. Нам-то видно, что вина ваша ничтожна. Все равно как если бы вы по нечаянности уронили яйцо куропатки, в котором развивается зародыш. Не более того. А чего вы стоите? Чего стоят ваши друзья? Чего стоят люди вообще?

Я не хочу отвечать на этот вопрос. Я видел умирающего ребенка, работника, завершившего свой путь, безумца, повесившегося на решетке, слепого, хватающегося за стены, судороги внутренностей, в которые

люди погружали руки, я видел отчаявшегося и, не желая утвердиться в торжестве смерти, оглядывался в поисках ангела жизни. Где он пребывает?

Нигде! Видел я женщин и мужчин, совершающих наскучившую и тягостную работу у постели умирающих. Они с трудом оторвались друг от друга и подошли к изголовью больного. Любовь их переменялась до неузнаваемости, и печаль их — не узнать. Печаль? Любовь? Да! Да! Да! Бог воткнул за шутовские колпаки по одному из ангельских перышек. Значит, жизнь человеческая измеряется безмерной ценою любви. Какое счастье, что Маркета и Александра любили, какое счастье, что суждено им было страдание, ибо жизнь души без страдания невозможна. Сторона, где бредут путницы, уже трижды изменялась. Лес и всхолмленные луга остались позади. Вот вынырнул дымок сельских очагов, трубы, крыши и под конец — а все-таки неожиданно — деревенские постройки. Дорога побежала вниз. Еще несколько шагов, и Александра остановилась, умоляя обогнуть деревню, которая наверняка враждебна к ним.

— Да что же? — возразила Маркета. — Значит, опять прятаться? Неужто мы скрывались недостаточно долго? Войдем, и будь что будет.

Странно, разбойница, девица вовсе не робкого десятка, колеблется, а Маркета бесстрашно идет вперед. Откуда у нее такая решимость? От покорности. Выйдя из леса, переступив пограничные пески, очутившись в краю, где царствует солнце и голос звонниц, несчастная не могла не ощутить свою вину с удвоенной силой. Она призывала кару на свою голову. Она жаждала кары, ибо кара для этой христианки была отрадна и сладостна, как ложе и омовение для истомленного путника.

Возмездие — краеугольный камень прощения, а вы, о легковерницы, склоняетесь на сторону непреложных истин и милосердия! Я не усматриваю в том крепости духа. Прежде вы молились, богохульствуя, а ныне, богохульствуя, раскаиваетесь! Мнится вам, будто в сраме и позоре падаете вы ниц пред вашим отцом, бьетесь головою о землю, а на дне сосуда, полного слез, — отвратный скорпион! Вижу я в вашем сердце блаженство и наслаждение тех, кто находит удовольствие в уничтожении, я вижу блаженство любовниц, терпящих муку из-за любовника, жгучее и постыдное счастье, которое вы таите про себя. Как вы безрассудны! Бог, однако, посмеивается над вашей слабостью.

Маркета вошла в деревню первой, а Александра следовала несколько поодаль, разбойничья осторожность велела ей красться в тени. Да встретилась им крестьянка с ребенком. Вскрикнула она и, подхватив сыночка на руки, бросилась к дверям. Двери были заперты. Тут начала она барабанить по ним кулаками и выкрикивала Козликово имя, словно сам разбойник явился в деревню.

Длилось это не больше, чем требуется для того, чтоб мужичонка поогляделся, нет ли поблизости здорового всадника. И — тысяча чертей — увидев, что творится, что деревню словно метлой вымело, схватил ореховую палку да бегом — на главную улицу!

— Хотел бы я поглядеть! Говорю, хороши же дела творятся! Барышни из леса воруют детей!

Само собой засучил он рукава, да как принялся колотить и лупил девиц без передышки. А пока он их лупил, перед домами поприбавилось и людей, и палок, и сулиц. Славное вышло побоище, Маркета Лазарова получила то, о чем мечтала. Ах, господи Иисусе и пресвятая дева Мария, если бы все наши желания исполнялись с такой стремительностью! Один вцепился ей в волосы, другой дергает за ухо, третий — лупит по спине, а на задницу сыплется удар за ударом. Увы, натуру свою мы осознаем лишь наполовину!

Раскаяние — не раскаяние, тьфу на все это! Барышни охотно отказались бы от вожделенной расплаты за свои грехи.

Александра завладела то ли палкою, то ли колом и молотит им по чем придется. И вдруг подхватила косу, выпавшую из рук мужика. Любезные государи мои, дурацкие выходки влекут за собой страшные последствия. Попалась Александре коса, и разбойница рассекла ею плечо подростка, стоявшего к ней ближе всех. Снова Александра проливает кровь!

В то же самое мгновенье подруга ее лишилась чувств и рухнула к ногам пастушка, а он вскрикнул от жалости. Кровь и этот выкрик произвели то действие, что один мужик принялся обдирать кору со своей дубинки, другой — оперся на палку, которой размахивал недавно, а третий подтягивает ремень, кто-то чихает, а кто-то сморкается. Воцарились спокойствие и тишина. Того, кто получил кровавую рану, звали Чепела. Лицо его покрывает бледность, а душа приникает к устам.

Что мы предпримем, чем поможем невольному солдату?

Взяли паутину да пленки от свежих яиц, что прилипают к скорлупке, и приложили к ране. Отовсюду слышен был раздраженный ропот. А тут, рассекая толпу зевак и заядлых ротозеев, чья жалостливость уму непостижима, расталкивая стадо живодеров, всем сердцем сочувствующих вам, пробирается деревенский зубоскал, вечный сват, крючоктвор, балагур и народный вития.

— Запомните, что я вам скажу,— говорит он и прикрывает глаза,— запомните, что должны мы покупать не то, что потребно, а без чего жить нельзя. Кто перекупит, тот переглупит.

Ну ладно, ладно, вы небось ждете разумного слова? Драгоценные государи мои, деревенский мудрец не говорил ничего подобного. Умному известно, что повсюду полно холуев да продажных сусликов. Судья— господин, король— господин, дворяне— господа. Да кому охота лезть на рожон? Само собой, никто не будет перечить, ежели где в затишье мужичишка погладит хозяев против шерсти, но самим напрашиваться на господский суд и расправу? О нет, нет, нет!

Это бесподобная шутка, вам, наверное, она кажется несуразной, однако вмешательство остролова произвело то действие, что люди снова принялись разговаривать да хохотать и смирили свои преисполненные гневом сердца.

Чепела дышал, и душа его снова воротилась на свое место. Ах, нынче еще никому не ведомо, что отпущено ему жизни только тридцать дней и что помрет он все-таки от этой раны.

Чепела дышал, Маркета Лазарова поднялась на ноги, и мужички сказали себе, что поговорили всласть— и будет. Отобрали они у Александры косу и погнали обеих барышень впереди себя вон из деревни. Мужиком было весело: они то хлопали в ладони, то запевали издевательские припевки. И повсюду слышались возгласы, что-де строптивцы на господ чихать хотели, даже если те и клянутся и каются. Ей-богу, опасаясь я, что на этом пути крестьяне отвесили барышням еще несколько затрещин, и сожалею об этом.

Едва барышень выставили за околицу, как граф Кристиан подъехал к деревне, которая с той поры сделалась знаменитой и до сих пор называется не Запрудная, не своим всамделишным именем, а Вороний Тын. Граф разыскивал своего сына. Если бы он подоспел часом раньше! Если бы

настиг убивицу! Но он ни о чем и не подозревал. Подремывал себе в седле, а когда выпадала светлая минутка, беседовал с Рейнером. Был он хмур, но никак не злобен. Казалось ему, что щеголь-сын по-своему распорядился отцовскими золотыми. Сунув руку в кошелек, пересчитал, сколько их остается.

Королевские солдаты ночевали в городе, и Пиво не захотел послать их с графом на поиски сына. Кристиан-младший удалился по собственной воле, а войско есть войско! Графу ничего не оставалось, как нанять троих мужланов и разъезжать с ними самому. Рейнер был пятым. Похоже было, что любовники не укрываются в лесу, а торопятся разыскать храм и священника. Граф легко сообразил, что они спешат со свадьбой, оттого и сторожил храмы, надеясь настичь беглецов, не дав им добраться до церковных ворот. Он бы им показал, что к чему, ибо отцы, ничуть не смущаясь, обзывают любовь своих деток распутством и низкой похотью.

Остановившись в деревне Запрудной, граф не мог не заметить поваленной загородки, палок, кувшинов, камней и комьев земли. Все это валялось у него под ногами. Приказал он Рейнеру спросить, что произошло.

Рейнер начал допытываться и вот что спросил у крестьян:

— Скажите мне, соседи, кто прошел по вашей деревне? Кого это колотили вы палками, в кого швыряли камнями? Не был ли то монах, который Христа ради просит подавания под окнами? Или то был золотых дел мастер, возвращавшийся с товаром?

— Нет, нет, сударь,— отвечал тот, кто слыл самым умным человеком в деревне,— это был не монах и не мастер в своем деле. Первому мы наполнили бы суму и кошелку. Другому я указал бы торную дорогу. Достал бы из колодца воды и пожелал счастливо вернуться домой. Не было тут никого, только две девки, а вам про них любопытствовать нужды нет.

— Да как же нет? — снова рек охристианившийся епископский слуга.

Что ж, оставалось только признаться во всем. Наемники слушали, а как вымолвлено было имя Александры, так они с места в карьер поворотили коней. Не ждали, пока мужик dokonчит речь или граф укажет дорогу. Припустились вскачь и вскоре настигли несчастных.

Маркете Лазаровой сделалось дурно, не может она идти дальше. А тут мчатся пятеро всадников. Останавливают коней, соскакивают на землю, и

граф Кристиан, отец убитого, стоит перед Александрой. Вы отказываетесь верить, что сердце амазонки стучит так громко, словно раздается тяжелый топот фехтовальщиков? Вы отказываетесь верить, что у разбойницы, на скаку останавливавшей жеребца, перехватило дыхание? У каждого в памяти гнездится страх, который приковывает нас к месту, стоит только нам увидеть того, кого мы предали либо несправедливо обидели. Вспомните, какой невысказанный стыд и неизъяснимый страх в таких случаях охватывал вас самих. И умножьте его, умножьте тысячекратно, ибо лицо Александры обогрено несмываемыми брызгами крови. Граф все спрашивает да спрашивает. Чужая речь обжигающе понятна, как плач и рыдание. Речь его сбивается, грохочет, лепечет, стихает, и теперь слышен только шепот. Наконец он отворачивается. С той минуты граф не проронил ни слова, он залился слезами. Сокрушенный Рейнер, посредник этого безутешного отца, дослушал остальное. Вместо Александры рассказывала Маркета. Час уже поздний; недовольные наемники, брюзжа, бродят вокруг этих скорбных изваяний, бряцают железом и сбруей, а кони их ржут тихонько.

Уже четвертый час. Граф прислонился к стволу дерева, и никто не знает и никому не разгадать, что он намерен сделать. Убить Александру? Пойти искать могилу сына? Возвратиться ли домой? Тут убивица поднимается с земли и говорит:

— Я содеяла преступленье, страшнее которого ничего нет. Скорбь не смывает вины, вяжите меня. Я заслуживаю кары, столь же страшной. Нашла я прибежище в одном-единственном помышлении, необоримом, в помышлении любовном. Я жажду смерти, пусть расстелет она предо мной свой плащ! Она—перевозчик, она скакун, который унесет меня на свидание с милым.

Сколько пыла! Какой ад чувств в этом сердце! Осознав, что Кристиан любил ее, поняв свою ужасную ошибку, Александра, захлестнутая нахлынувшим чувством, пала на колена. Она кричала, стоя пред его отцом и перед мужиками, чей слух груб, а взоры—бесстыжи. Она не сводила пристального взгляда с помертвелого чела графа Кристиана, проникая в его мозг, который уже не мог оценить этой верности. Она пробивалась к его омертвелому сердцу, желая, чтобы кровь ее по каплям стекала в его жилы.

Все это, однако, безумства, недоступные разумению стариков. Граф поднялся и, презрев страдания девушки, швырнул мешочек с деньгами слугам и приказал отвести Александру в лагерь.

Рейнер и Маркета Лазарова должны были сопровождать его к лесной могиле.

И вот перед вами две процессии. Александра, связанная, идет между двух коней, и не оборачивается, и не клонит гордой головы. Наверное, и посейчас у нее перед глазами стоит любимое лицо. Помешательство, помешательство страсти, что продлится до смертного ее мгновенья, наложило печать на ее уста. Пусть идет, пусть свидится со своим возлюбленным!

Дьявол куда более изобретателен в своих причудах, чем провидение. Это, конечно, он внушил графу потащить Маркету в лес, а леса она страшится. Это, конечно, дьявол нашептал Кристиану отправить в противоположную сторону ту, что мечтала увидеть хотя бы сосну над дорогой могилой. Маркета шла, являя образец обезоруживающей покорности. Она таила в себе ужас! Она боялась нечаянной встречи с Миколашем. Да неужто? Неужели она боялась возлюбленного? Не могла она иначе. Шерпинский лес—его владения, это разбойничий лес, и здесь—простор для своеволия.

Неужто Миколаш стал бы спрашивать—кого, мол, оплакиваете? Да разве он не увидел бы, что вы стоите бок о бок с солдатами? Занес бы он свой меч, не боясь греха, не испытывая угрызений совести, опустил бы его, как жнец опускает косу на стебли травы в пору сенокоса?

Ах, опасения эти, право, не так уж беспричинны, и новое кровопролитие, новый грех недалече.

Вот перед вами силуэт леса; смеркается; не доверяйте ночи, граф!

Но что отвратит отца, потерявшего сына, что отвратит его от мысли идти дальше и дальше, к могиле, которая виднеется в просветах между чернеющими стволами?

Они шли вперед, и Маркета молила бога, дабы отвел он стопы Миколаша от этих мест и помог ей вспомнить дорогу! Ей казалось, что она сбилась с пути и они заблудились.

Уже близилась полночь. Снова ухала сова, снова слышался шорох в кустах и отрывистый вой ветровых сук. Тьма сменяла темноту, кони

дрожили, и горящие глаза рыси сверкали меж ветвей. Маркета Лазарова останавливается и слезно просит воротиться назад. Оглядела она ночной небосвод через решетку древесных крон, и пропала в ней уверенность и сознание безопасности. Рассеялось заблуждение, будто над волчьими логовами простираются спокойствие и мир. Ах, месяц, светивший теми ночами, расколот и, словно угрюмый призрак, клонит посинелую голову, волоча за собою покрывало лунного света. Как могла Маркета пребывать в этом наводящем ужас порожденье леса, на этом призрачном корабле? Такова, однако, сила любви, что ей не было страшно. Она видела перед собой любезную сердцу дубраву, где дикие звери расхаживают по заповедным дорожкам, где стада отыскивают себе пастбища, где слышен голос красавца фазана и где обходит свои владенья строптивый хозяин леса. Все уклоняются от встречи с ним.

Проплутав часа два, Маркета распознала памятный чем-то разрыв в вершинах сосен. И тут же заметила белеющие камни. Они показались ей знакомы, она вспомнила, что где-то поблизости они переходили ручей, и пошла вперед, а потом повернулась и внезапно ощутила под ногами разрыхленную землю. Она стояла на могиле Кристиана. Цель ее была достигнута. Как же она поступит — подождет или выберется одна из леса? Граф на нее и не смотрит, упал на колени и крестится во имя отца, и сына, и святого духа. Она опускается рядом с ним, и они горячо молятся вместе. Убегает третий час, четвертый и пятый. Уже светает, и Маркета благодарит бога за то, что пережила эту ночь. Коснувшись плеча графа Кристиана, она говорит:

— Встаньте, граф, вернемся домой, пора. Пора, ведь излишняя скорбь причиняет мертвым только муки. Бедняжкам приходится смотреть на нас, пока мы плачем, и не могут они ни вознестись на небо, ни упасть.

Граф, однако, качает головой и начинает разгребать землю, он разбрасывает могильную землю во все стороны. Какую надежду лелеет он? Надежду неизбывную, надежду отца. Думает он, будто тот, кто лежит здесь, вовсе не его сын. Думает он, что эти проклятушие шлюхи всех юношей подряд зовут «любимый» и «Кристиан». Раскапывает он могилу и молчит. Непомощные руки старца ободраны в кровь, он отказывается от орудий, чтоб не поранить лица, которое, скорее всего, близехонько от поверхности. И велит Рейнеру отойти.

Ах, ночь, о рассвет! Каким обманом ответили вы на это усердие, какой усмешкой вы ему отвечаете! Усмешкой, когда в оскале зубов выступает и засыхает пена!

Маркета вскрикнула, увидев, какое чудовищное дело затевает старик, и, объятая страхом, пустилась бежать; она удаляется все дальше и дальше. Солдаты не препятствовали ей— пусть бежит. Рейнер махнул рукой ей вслед. Несчастливая неслась что есть духу, черные тени извивались у нее под ногами, словно змеи, ибо солнце уже поднялось над горизонтом. Весною и по утрам бывает иногда ослепительно солнечная погода. В тот раз стояла именно такая отрадная пора; над полями клубился легкий туман, и изморозь кое-где покрывала склоны. Маркета пошла медленнее. Ею овладела такая великая усталь, что она чуть не засыпала на ходу; великая усталь, подобная дреме, овладела ею. В ушах ее раздается звон, и по всем ее членам разливается сладостное тепло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Часа два спустя поехал мужик пахать дальнее поле. Поле было у леса и вечно в тени. Невезучее это полюшко. То на нем вывалиется пара кабанов, то олень потопчет; полюшко это — горе одно.

Сеет мужик на потребу лесной живности, делает все с покорностью судьбе, но притом, ей-ей, и не радуется. Нет у него радости, он даже не оглядывается по сторонам, спеша окончить свое дело. Он так сосредоточен, что провидению ничего не остается, как усыпать его дорожку чудесными знаками. Увидел мужичок зайца, удирающего на трех ногах, услышал громкоголосое пенье пташки, огляделся по сторонам и тут заметил Маркету Лазарову. Она спала. Он не знал, кто эта девушка, и никого она ему не напоминала. Досадовал он, что теряет время попусту, сердился на проделки нечистой силы, которая подбрасывает нам на поле побродяжек, но поскольку земля была холодная, а пахарю во время работы жарко, накинул он на бедняжку сермягу и прикрыл ее. Само собою, он не торопился отвести гостью в дом. Пахал и пахал, а как допахал, воротился за сермягой. Забрал свое добро и, тряся девушку за плечо, проговорил:

— Вставай, не то замерзнешь. Что тебе за нужда спать в поле?

Спросить-то он спросил, но, право, не ждал ответа. Не жаден он был до историй.

Маркета рассказала ему, что и как, мужик кивал головой, бог свидетель, что слушал он в пол-уха.

Скажите на милость, кому интересны истории барышень, что разорвали свои одежды? Да неужто лес может стонать? В лесу растут деревья, то бишь дрова, ох, и зарюсь я на них! А олень! Да ежели бы не грозила петля, я бы подстерег и сохатого, чтоб не портил мне посевы!

Добрались до деревни. Мужик отворил воротца в изгороди и подъехал к дому. Маркета поблагодарила его и хотела было идти дальше.

Да куда идти-то? Скоро снова ночь, день на исходе, и сейчас пора вечерней молитвы. Тут вышла хозяйка и выпытывает все, занимаясь одновременно разной вечерней работой. Дел у нее невпроворот, и она неприветлива. Наконец все переделано, и у мужа с женой выдалась свободная минутка — надо поговорить.

— Что за времена! — произносит хозяйка. — Нет никакой веры у людей, что уцелеет у них крыша над головой. Ведь мне же известно, что Оборжиште спалили.

Говоря так, зовет она Маркету в горницу и приглашает к столу. Раздувает огонь, угольки пламенеют, и вскоре пробивается веселое пламя. Слышен скрип колодезного ворота, и, припорошенная первой темнотой, на небе восходит вечерняя звезда. Смущен мужик, смущен, поскольку дела уже переделаны; вышел он на порожек и ждет, пока заснет барышня. Потом возвращается и укладывается на печке поближе к трубе, там, где теплее всего.

На следующий день Маркета поднялась с рассветом. На столе уже приготовлен для нее завтрак. Она выпила немножко молока, отломил кусочек хлеба от краюхи, претерпевая стыд, который охватывает нас, когда мы просим подаюню. Мужик уже отправился по хозяйству, и Маркета смогла поблагодарить только крестьянку. Как она разговаривает с ней? Словно дитя малое. А та, которую она благодарит, пречутивно отвечает ей, оказывая чуть ли не королевские почести. Кто же ее разберет? Наверное, она и насмешничает чуток.

Ночь и сон не освежили Маркету. Она шла пошатываясь. Она шла полями, не выходя на большак, который сворачивает к Оборжиште. Она возвращалась домой, как некогда возвращался блудный сын.

По столбовой дороге, которая в этих краях проходит неподалеку от леса, там, где стоял в засаде Лазар, впервые подкарауливая прохожего, в излучке, такой памятной ей, увидела Маркета всадников. Королевских солдат.

И вдруг напал на нее страх—за Миколаша. Вопросила она свое сердце, что будет делать оно, если схватят ее жениха; спросила свои уста, примут ли они пищу, свои ноги, будут ли тогда служить ей. Вопросила, зачем покинула милого и почему скрывается от людей. Волна скорби залила ее душу, и волна эта швыряла ее, как прибой швыряет поплавок.

Все стрелы, которые страх смачивает в своей отравленной смеси, вонзились в Маркетино сердце. Так велико было раздвоение ее мысли, что несчастная испытывала одновременно и страсть к Миколашу, и страх перед богом. Думы ее, как армии, стали одна супротив другой и повели войну. Власы души ее уже затлелись. Ах, Маркета, одна она падет жертвой этих сражений, одна она сгорит в них заживо. Маркета задрожала. Ей сделалось безразлично, что будет, когда она очутится пред отцом и пред военачальниками. Ей сделалось все равно, на какие муки ее осудят и каким проклятьям ее предадут. Она дрожала за Миколаша.

До сих пор пробиралась она по тропинкам, а теперь ступила на главную дорогу и быстро пошла вперед. Ее обогнали два чужака и нищенка, слишком хорошо известная в тех краях. Нищенка остановилась, узнавши Маркету. Маркета хотела миновать ее как можно скорее, да жаль, ноги не подчиняются ей, а стыд и усталость сковывают. Стоит она, и нищенка перед нею.

Конечно, обе добры, конечно, обе достойны сострадания, да язык—враг сердца. Как скверно разбираемся мы в своих чувствах! Словечки наши каркают, словно стаи птиц, в отдалении следующие за кораблем.

О, пути сердца! О, скованные уста! Все дожди, все ливни исхлестали спину нищенки, ее лицо покрыто язвами, и в животе киснут хлебные корки, которые она подобрала возле свинарника. Могла ли она не распрявиться пред этакой грешницей? Могла ли не грозить ей палкой и не поносить последними словами?

— Ты, девка,—сказала она, размахивая сумой,—ты полюбовница катова, ты полюбовница катовых подручных, иди, поспеши за благословением!

Принялась она вопить и вопила, как чертовка. Маркета закрыла лицо руками и, спотыкаясь на каждом шагу, поспешала в Оборжиште. Нищенка и ее брань преследовали Маркету по пятам.

Достопочтенные господа мои, вам не по душе эта сцена? Увы! Это был первый случай, когда несчастная побирушка повстречала барышню, которая оказалась в положении более унижительном и скверном, чем сама нищенка. Где-то в глубине нашего сознания дремлет колдовская жажда справедливости, и часто ведет она нас к суду неправому. Так пусть себе нищенка кричит, пусть выговорится! Оставьте без внимания маленькую несправедливость, указующую на великие беззакония!

Маркета идет и плачет. Оборжиште уж рядом, а побирушка все не отстает и не умолкает. Вот и родительский дом! Как же так, неужто это дом? Я вижу лишь пепелище. Я вижу дело рук душегуба Козлика, в ком вы, Маркета, не чаете души.

Случилось так, что в тот день все Лазаровы были дома. Стояла ранняя весна, пришла пора подумать о восстановлении родного гнезда. Выкуп королю был заплачен. Утвердился мир, вот Лазаровы работники и возили бревна из леса. Одни обтесывали камень, другие копали землю. Лазар стоит среди них. Если бы Маркета возвращалась одна, она бы дождалась сумерек и поздним вечером стала на порожке, поджидая, не заметит ли кто из братьев, но крик злолайной бабищи гонит ее, как собачий лай гонит лань.

Люди прекратили работу и смотрят, кто же это идет к ним? Ах, стариковские глаза зорки! Лазар увидел Маркету издали и узнал ее.

Сердит ли он? Примет ли дочь? Смирился ли?

Уже звучит имя Маркеты, люди побросали дела и помчались к воротам; из дому выскакивают служанки, а Лазар отворачивается. Не хочет он видеть свою дочь. Запирается в горнице, очаг которой наполовину разрушен, и велит всем молчать.

— Тихо! — говорит он челяди и своим сыновьям.— Тихо, ведь воротился не тот, перед кем двери запирают на засов, но и не тот, к кому я мог бы выслать людей навстречу. Тихо! Пусть эта женщина делает, что хочет.

Руки служанок опускаются, а кое-кто из них утирает слезы. Бросившиеся встретить Маркету не знают теперь, как быть.

Ах, возвращения блудных сыновей, ах, возвращения дочек! Маркета падает на колени. Видна ее рваная обувь и платье, покрытое грязью. Приклони слух, Лазар, к слезной мольбе своей дочери! О, если бы ты услышал ее! Если бы кивнул согласно головою! Но не случилось ничего подобного. Не вышел Лазар к дочери.

У Маркеты трое братьев, и у этих братьев есть жены и детки. Ну как, возродится ли их приязнь? Позволят ли они меньшим обнять свою приятельницу?

Отнюдь. Двор пуст, никто не замечает Маркету, никто к ней не подошел, и детишки стоят в нерешительности, видя лицо, совсем не похожее на счастливое лицо прежней тетушки. Если бы у несчастной жива была мать, та, конечно, поговорила бы с ней, и даже если бы были это слова, со слезами смешанные, Маркета слушала бы их с отрадою, ибо и укоризна бывает покрыта инеем нежности.

Первую ночь провела Маркета в каморке, там, где устраиваются на ночлег грязные побродяжки. Она не спала, молилась, но из венца, которым любовь увенчала ее главу, не выпал ни единый камешек. Маркета любила Миколаша, и любовь ее, несомненно, была угодна богу. Не дал он ослабеть этому чувству и укрепил его.

Под утро она задремала, и мнилось ей, будто опять она в лесу, у разбойников. Спит с Миколашем и чувствует его объятья, ах, его объятья, которые потрясают сознание и заставляют наши мысли опадать, как опадают плоды с деревьев.

Она была проклята!

Не вселился ли в нее дьявол? Ах нет, просто вы привыкли судить чересчур сурово и удваиваете строгость, коли речь заходит о девушке, вернувшейся в отчий дом. По мнению разумных людей, Маркета вправе думать о милом. Пусть себе думает или — еще того лучше — пусть возвращается к нему! Право, господа богу вовсе не нужны плаксы, что, укрывшись своими покрывалами, бормочут молитвы и неспособны произвести на свет ни единого живого существа. Вы говорите, что этот брак — насмешка над отцом, насмешка над людьми, насмешка над господом богом, ведь невеста сделала свой выбор много раньше, чем встретилась с Миколашем?

Я хотел бы возразить вам, что обеты по сравнению с фактами не столь уж существенная вещь. Маркета такова, какой она стала, примите ее, как она есть.

Да как же нам принять ее, если она сама себя осуждает, называя бесстыдницей и сукой?

Говорят, что жизнь враждебно относится к тем, кто отвергает ее. Маркета из числа этих обделенных, Маркета — самая обездоленная из них, потому что нет у нее сил принять эту жизнь и нет сил ей сопротивляться. Страх и любовь сражаются в ее душе. Любовь и ужас терзают ее, швыряют и бьют, как океан бьет в прибрежные скалы. Маркета умрет. Преисподняя спалила Маркету.

Минуло два дня гнева и небрежения, с которыми ничто не сравнится, и наконец одна из служанок принесла Маркете платье и позвала ее к Лазару. Бедняжка лелеет надежду и вдруг пугается снова — что же теперь услышит она? Может, Миколаш пришел за ней в Оборжиште? Может, с ним приключилась какая беда?

Она стоит ни жива ни мертва, и кровь прихлынула к ее вискам. Слышен Маркете шум гибельной быстрины.

— Маркета,— говорит Лазар,— я позвал тебя, чтобы спросить, какое ты примешь покаяние? Чего ты достойна, Маркета?

Дочка молчит, а после минутного молчания отвечает сдавленным голосом:

— Ты держишь ключ от всех наказаний. Прикажи, что сочтешь нужным.

— Шестикрылый серафим, у которого в каждой руке меч, имеет доступ к твоей душе, и он будет наносить ей удары, пока не добьет совсем. Ежели ты останешься в моем доме — дом сторит. Если вздумаешь ходить по полям — урожай сгниет на корню. Коли возьмешься пасти стадо — стельные коровы скинут и не прибудет у меня телят. Над тобой тяготее проклятье, ибо ты нарушила обет, который дал твой отец. Ты нарушила обет, данный богу. Богу, несчастная! У меня не хватает духу смотреть, как ты гибнешь, обращаясь в тлен и гной. Иди прочь с глаз моих! Я не допущу, чтоб ты была в моем доме даже служанкой, которая носит пойло свиньям. Забирай свое паскудное тело и уноси его из дому, как уносят мертвых. Чего же ты еще стоишь, чего не уходишь? Твое лицо — лицо мертвеца, и

раскаяние, которое ты на себя напускаешь, отягчает мой гнев и длань моего гнева. Убирайся, распутница! Повелеваю тебе добраться до монастыря, который ты опозорила. Упади на его решетки и кричи, рассказывай о своей измене и моли, чтобы ввергли тебя в темницу.

Маркета слушает, а в соседней горнице слушают ее друзья. Детишки малые просовывают головенки в покои упреков и отговорок, приподнимая полотно, что висит в проеме двери.

Да, все, что было сделано из дерева, все здесь сторело дотла. Все перебито, дождь хлещет прямо в дом, а мы должны укрывать полюбовницу поджигателя? Полюбовницу разбойника, превратившего Оборжиште в пустыню, отправившего на тот свет пятерых наших парней? Так ей и надо! Пусть уходит, пусть отправляется стоять под виселицей своих голубчиков!

Это ведь сестра ваших супругов, сударыни! Это Маркета, самая младшая из детей Лазара, та самая, которую вы звали, чтоб она читала вам и пела песни!

Вы, ворюги, вы, злодеи, честное слово, нечего вам задаваться перед этой грешницей. Вы, пересмешники, вы, благочестивые карманники, вы, нетель преступности, вы, плуты, вы, дурашливые комедианты, грозящие мечом и дрожащие удара, вы, цыплячи души, что набрасываетесь на бедного странника, а перед войском хнычете и распускаете нюни! И вы смеете судить разбойников и их возлюбленных? Не больше и не меньше? Уходи, Маркета! Выше голову, выше! Иди, как ходит та, что знает цену своему другу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ах господи боже, Иисус и Мария, Маркета Лазарова безутешна и плачет. Ничто не укрепит ее духа, ничто не ободрит ее, отступились от нее и добрые и злые силы. В одежде скотницы, неверным шагом удаляется она от дома. Вот места ее давних прогулок, волна перелесков и волна полей, холмистый край, знакомый до боли; в его неказистости бог заклил сладостную улыбку и очарование, которые всегда будут исторгать из нашей груди вздох счастья. Ваш край, край Маркеты! Смотрите — дорога несбывшихся грез, тропа позора, пристанище скачущего дерева, межа полевки, дубок с огнищем в дупле — все, все, что вы так любили! Все, что утрачено и обретено вновь. Радуйтесь же! Горе тем, кто не испытывает радости в краях своей юности! Горе Маркете, ибо бредет она, ничего не видя и не слыша, — ищет утерянное колечко среди корней несчастья. Не подымает она головы, и если бы даже повстречалась с ней закадычная подружка, то наверняка они не узнали бы друг друга.

В тот день весна приблизилась к тем краям вплотную. Пастухи и калики переходящие сказывали, что крепнет голос ее, ибо и впрямь заиграли ветровые трубы, в которые трубят солнечные ангелы. На лугах и пастбищах небесных облака разлеглись, как скотина на лугах земных. Веял ветерок; земля подсыхала, а в канавах и вдоль плетней пробивались первые цветочки. Думать о темнице в пору, когда все пробуждается? Прискорбно, право слово, грустное это занятие.

Часов шесть спустя Маркета подошла к тому месту, откуда дорога подымается на невысокий холм, откуда уже можно видеть гору, на которой возвышается обитель Успения пресвятой девы. Здесь жили монахини. О многих из этих сестер говорили, что живут они жизнью праведной, что соблюдают заповеди господни с великим тщанием. Маркета спустилась вниз и вот уже поднимается снова, потому что между первым холмом и святой горой лежала лощинка. Остановилась она перед калиткой, и взор ее затуманился нежностью, а слух пьянит тишина и упоительный колокольный перезвон.

Маркета упала ничком и молится — послушайте, о чем ее молитва.

— Боже, ты, что смилостивился над окаянными грешниками, смилуйся над Миколашем. Ниспошли ангела, пусть коснется его плеча и стукнет в шлем, под которым укрыта упрямая его голова. Сделай так, господи, чтоб утвердился он в своей любви, чтоб одолел львенка в своем сердце и позволил доброте направить себя. Мне же, господи, дай веру, что после всех наказаний за грехи мои узрю я порог рая, мотылька либо мушку, которые для услады души порхают над адовым бессмертником.

Маркета молится, не подымаясь с земли; мимо нее прошла ключница и, воротившись к остальным сестрам, сказала:

— Сестры, сестрички, перед калиткой, что у восточных ворот, лежит на земле девушка. Заметила я, что на ней мужицкая одежда, да не мужицкое у нее лицо. Наверное, это кающаяся грешница; видно, исповедник послал ее сюда, дабы поплакала она перед нашим храмом. Пойдемте, спросим мать настоятельницу, не позволит ли она ввести незнакомку во храм либо в келейку.

Две либо три монахини тотчас отделились от остальных сестер и отправились к настоятельнице святой обители и рассказали ей все, что поведала им ключница. Настоятельницу, о которой пойдет речь, звали Блажена. И было ей от роду не более двадцати шести лет. Кажется, она весьма знатна, и каждый год жизни ее в монастыре можно считать за два, если иметь в виду ее мудрость и силу духа. Регенбургский архиепископ, услышав как-то чудную ее речь, легко извинил ей юный возраст, и уже три года тому назад стала она настоятельницей монастыря. Это была неслыханная удача! Вот это мать настоятельница, говорю я вам! Вот такая мне по нраву!

Не дай бог, чтобы вы усомнились в ней, полагая, что прелесть хоть сколько-нибудь мешает ей быть строгой. Она открытыми глазами смотрит на мир. В ее обители царит бог и его пресладкий разум. Тут не происходит ничего непредвиденного и страшного. Растет потихоньку сад, царят здесь мир и спокойствие.

К этой-то настоятельнице Блажене и пришли в тот день монастырские сестры и сказали ей:

— Мать настоятельница, у врат обители лежит девушка, не решаясь войти. Что нам ей сказать? Она и к нам не идет, и от нас не уходит.

— Скажите, пусть войдет.

Услышав ответ настоятельницы, сестры пошли к Маркете, и подняли ее, и побуждали делать то, что принято считать разумным. Две монахини шли с ней рядом, но ни одна не признала Маркету Лазарову. Так она была непохожа сама на себя! И ничем не напоминала ту счастливую девушку, которая навещивалась к ним в обитель, где вскоре сама собиралась быть послушницей. Маркета очутилась в горнице, и все обступили ее и пристают с вопросами. Две либо три бабки с ханжескими рожами пытаются ее с особым пристрастием, словно писцы у господ бога. А остальные? Остальные приветливы, как бывают приветливы приятельницы. Маркете стыдно назвать свое имя. Да это и не нужно. Настоятельница просит сестер оставить их наедине, а оставшись с глазу на глаз с Маркетой, говорит:

— Я узнала тебя, Маркета Лазарова, в ту же секунду, когда твои губы сложились, чтобы произнести твое имя. Ты превозмогла стыд. И этого довольно господу, который подсказал мне, кто ты, а для меня этого довольно вдвойне. Ведь я его служанка. Не рассказывай о своем прегрешении. Мне оно известно. Монастырь Успения расположен в краю Оборжиште и Рогачека. И мы наслышаны о том, что произошло. К сожалению, я не исповедник и не дам тебе ни утешения, ни места в монастыре. Ступай к своему епископу либо к викариям и спроси, как тебе поступить.

— Матушка,— отвечала Маркета,— слышу я, голос твой источает милосердие, скажи еще что-нибудь, поговори со мной хоть немножко, ведь никто не ведет со мной речей, только погибель да греховная страсть.

— Несчастливая, в чем ты признаешься! Ты и теперь та же, что и была?

— Так уж случилось,— снова отвечает Маркета,— не искоренила я из своего сердца плотскую любовь.— Говоря это, разразилась несчастная

разбойничья возлюбленная горячими слезами и молила заключить ее в оковы и бросить в темницу.

Отступает от нее мать настоятельница, творя крестное знамение. Потом ищет мудрости в молитве. Вот поднимается она с молитвенной скамеечки и говорит:

— Чего ты хочешь, Маркета Лазарова? Ах, пропащая душа, ты призываешь возмездие? Хочешь быть снедаема муками, ты, кто поглощает горе, будто хлеб? Какую же крысу должна я впустить к тебе в темницу? Поди прочь от меня! Бог не дал тебе истинного раскаяния и внушает тебе сознание вины. Сознание, зубы которого острее зубов нечисти, что терзает узника. Слезы твои оскверняют тебя. Уповай на помощь всевышнего. Призывай имя господне. Пусть ниспошлет он тебе раскаяние, без которого нет прощения. Да ниспошлет он тебе свою милость, да одарит тебя раскаянием!

Изволите ли вы и далее слушать эту беседу? Нет? Смысл всей этой речи—бог! Но ни вы, ни я не верим в этого владыку вечности. В ночи непрерывной, в ночи без конца и края было создано это слово, и с тех пор оно правит душами, и они дрожат при его звуке, как дрожат голуби и домашняя живность, завидя приближающегося ястреба!

О малонер, и ты бледнеешь, и тебя бросает в дрожь? Не пугайся! Небо пусто. Бесконечность пуста. Бесконечность, этот сумасшедший дом богов, у торцов которого блуждает звездочка. Страданиями человеческими уязвлено наше сердце; днем и ночью размышляем мы о незыблемой опоре, столь же мощной, как безумный вопль поэтов. О безрассудные! Каким ужасом вы населили время, какой ужас взметнули в подсознание неразумных детишек! Какое беснование сомнений! Неужто вечно вы будете вопрошать, отчего у петуха глаз круглый? Отчего лохматый зверь, который трется у ваших ног, обладает повадками пса? Неужто вечно будете вы подвергать осмотру колыбель и могилу? И вечно твердить о тайне, пренебрегая житейскими делами?

Твердите что угодно. Небо пусто! Пусто и пусто!

Настоятельница Блажена вела с Маркетой беседу до поздней ночи. Когда же настало время отхода ко сну, взяла монахиня несчастную девушку за руку и отвела ее в келью, самую тесную из всех. Войдя, указала на ложе и сказала Маркете:

— Оставайся тут, покуда не позову.

Потом затворила дверь снаружи и ключи унесла с собой.

Маркета, презрев ложе, легла на пол, на голые камни, но бог, как утверждает наша повесть, сделал так, что она уснула.

Монахиням никто не говорил, кто пришел и кто спит в обители Успения, но как-то сами по себе пошли толки и сделалось известно, что убогая бродяжка и кающаяся грешница—дочь Лазара. Одни из сестер отзывались о ней дурно, а некоторые жалели. Бедные, что знают они о любви!

Какая удача, что история наша не кончается этим прискорбным происшествием и этим самопожертвованием. Какое счастье, что Маркета долго не выдержит этого оупения. Какое счастье, что Миколаш готовит новые набеги. Какое счастье и какая жалость, ибо то, на что он отважился,—это снова разбой.

Дни убегают за днями. Миколаш ночует в лесу и питается кониной. Ночью, пятой по счету, отправился он на то место, где лежит Козликов клад. Идет крадучись, осторожно пересекает топи, и вот он уже у цели. Отбрасывает камни, разгребает землю и вытаскивает из глубины тяжеленный сундук. Лицо разбойника озаряется блеском драгоценного металла и драгоценных камней. Огонек звезды поджег этот блеск. Звездное сияние и блеск драгоценностей! Разбойник погружает косматую лапу на самое дно сундука и наполняет свой кошель дукатами. Потом заталкивает все обратно и плотно прижимает крышку, ибо клад, ценность которого уменьшилась, прибавил в объеме. Дело сделано, и Миколаш возвращается, бдительно следя за тем, чтобы не осталось следа. Наконец он снова вскакивает на коня.

Эта ночь—последняя в Шерпинской чаще. Под утро выбрался Миколаш на торную дорогу, что ведет к северу. Подстерегал он возок горожанина, не подвернется ли какой в этих краях. Поджидал, не зацепится ли за его меч какой-нибудь брюхач мещанин, из тех, что натужно кашляют по утрам. Часов около семи подвернулся ему один недоросток, платье которого не длиннее рубашонки некрещеного дитяти, а шпаги нет и в помине. К тому же сморил путника сон. Миколаш пропустил недомерка. Но развеселился, однако, и, встретившись с приличным мужичком, шлепнул его коня по крупу так, что тот присел.

— Слезай, мой городской сосед! — обратился Миколаш к верзиле. — Надобен мне твой малахай, твои сапоги и твоя шляпа! Слезай, хочу я, чтобы ты передал мне узду своей кобылки. На тебе за это пару коней и три дуката в придачу. Ну-ка пошевеливайся, делай, что тебе говорят. Тут вот кусты, они тебя прикроют, чтоб тебе не стыдиться.

— А ты кто таков? — спросил седок, и по лицу его было видно, что он скорее рассержен, чем напуган.

Но Миколаш вытащил меч и повторил свое предложение с такою твердостью, что мещанин наш соскользнул с коня ласочкой. И хотя имел при себе тесак, хотя искусство боя, верно, не было незнакомо ему, но от противника повеяло дыханием сражений и беспощадностью человека, который не колеблясь уложит возле требуемой шляпы и бездыханный труп ее владельца... И отдал путник Миколашу все, что тот хотел получить. А был он купцом. Взял, значит, деньги и подумал: «Неплохая шуточка, ей-бо! Куплю теперь себе плащ до пят да жене золотую парчу. Почаще бы попадались такие молодцы. Платят золотом, а сами голые, что твой медяк. Платят золотом да дерутся. Ах ты полоумный! Коли и дальше будешь покупать не торгуясь, получишь на свои золотые разве что цыплака!»

Бормоча что-то подобное себе под нос, купец вел под уздцы Миколашевых лошадей, не имея желанья вспрыгнуть в седло.

А Миколаш поехал с богом дальше. Походил ли он теперь на купца? Ну, разве что самую малость, пожалуй; однако, что от разбойника за две мили разит лесом, об этом Миколаш не догадывался. Вихрем скакал он вперед, оставляя позади постоянные дворы, где перепрягают коней, хмурые лачуги на распустьях, избы, над которыми лес подает руку лесу. Искал он людей отчаянных, отпетых, всякий сброд, преследуемый законом.

В любые времена подобного народцу в этаких местах предостаточно. Играют они в кости либо, подперев подбородок руками, смотрят на пламя очага. Корчмарь сидит у ворот, а его жена ощипывает тощую курицу. Плутовка корчмарка, известно ли тебе, в каком гнезде вывелась эта курочка? Да не все ли равно, корчма мне по вкусу. Вижу я почернелый потолок, добротный устойчивый стол, просторный очаг, а возле очага — решето с гусятами, вылупляющимися из яиц. Миколаш остановился у ворот и спешивается. Корчмарь спешит ему навстречу и по привычке

своего сословья вопрошает свое сердце, кто бы это мог быть. Вопрошает он свое сердце и отвечает своему удивлению: это князь; и своей подозрительности: это искатель приключений.

Миколаш, однако, не обращает на трактирщика ни малейшего внимания и входит в горницу. Остановился перед бездельниками, которых здесь троица, и говорит:

— Что скрываетесь? Какая провинность вас тяготит?

Принялись они ему толковать, будто порядочные.

— Э,— обрывает он их, не слушая дальше,— что мне до ваших грехов! Вижу я, покрыты вы струпьями и голодной сыпью, вижу, что у вас челюсть дрожит — так вам жрать хочется. Вот вам горсть золотых! Забирайте! Да только я не раздаю дукаты даром. Хочу, чтобы через две недели вы выступили вместе со мной. Ударим по болеславской темнице!

Тут Миколаш назвал свое имя. Парни подивились, и объял их страх. Страх перед королем и страх перед разбойниками.

Да что поделаешь, разве голодный устоит перед едой, которую ему подносят? Руку протяни — и вот тебе золото, да неужто вы откажетесь от него? Никогда! Все трое обещали Миколашу повиновение и пошли за ним.

Низким способом вербовщиков набрал Миколаш двадцать три человека. Поглядеть на них — и то оторопь берет. У одного — лицо мертвеца, другой смахивает на ворона. Один — кожа да кости, другой — брюхастый и тучный. Миколаш хохотал, разглядывая этих воинов, избежавших виселицы, душегубов, готовых, ей-богу, на что угодно. Чего им терять? Ни у кого нет ничего, кроме шеи, а та уже давно не им принадлежит!

А душа?

Бросьте вы ваши прельстительные песни, говорят эти вахлаки, от пения ничего не прибудет. Душа — она невидима, а голод терзает кишки и завязывает их большими узлами. Что нам до белоснежной небесной голубки, у нее и крылья вроде не крылья и клювик не клювик. Мы в это не верим!

Не можем мы этим окаянным отказать в некотором чувстве собственного достоинства, так же как не можем не заметить их насекомых и нищеты; но опасаясь я, что даже этот признак свободного духа не прибавит им основательности. Разум покинул их, и поселилось в них безрассудство.

Миколаш повел вояк в Шерпинскую чащу и разбил лагерь на том месте, о котором условился с остальными братьями. Разбойник вел себя уже не по-разбойничьи. Вы думаете, он изменился к лучшему? Нисколько, просто надобно было избегать стычек и крика. Рассылал он своих вахлаков на отдаленные рынки, и они покупали там телок, да телят, да барашков. А какие из них вышли скотники, мясники и кухари!

Драгоценные господа мои, кожа и жилы — все исчезало за их тесаками. Согревались они у костра, а поскольку мужички не бирюки, то и образовалось из них содружество, как в любом войске. На всяком лице проявляется проблеск красоты; может, не так уж они бесстыжи, как мы полагали? Где тут разобрать?

Меж тем от веретена событий отделилась последняя нить.

Пани Катержина была узнана и схвачена. Произошло это неподалеку от деревни Песчаная Лыгота в Турновском крае. Вместе с Катержиной были взяты несколько маленьких девочек и сын Вацлав, самый младший из Козликовых сыновей.

Как это произошло? Пани бежала на север, памятуя сыновний наказ, а потом отклонилась в сторону, где много пещер и провалов. Никто ее в той стороне не знал, так что могли они передвигаться по дорогам и ночевать в домах сострадательных хозяев. На десятый день обнаружили они избу и мельницу, прилепившуюся на опушке леса. Изба была хорошая, и мельница в порядке, поскольку по желобку на вращающееся колесо неустанно стекала вода. Хозяин все свое время стоял перед домом. Был он беден, работал вместе с женой и одним батраком. Мельница его напоминала монастырь с двумя монахами. Поздоровался он с пани Катержиной, пани Катержина похвалила его избу и сказала:

— К тебе приходят помольщики и ночуют у тебя. Яви нам такую милость, положи нас в каморке, где спят они. Идем мы уже очень долго, а дети малые.

Вышла тут мельничиха, привела их в дом и сделала все, что сделали бы и мы с вами.

В те давние времена просить о ночлеге было делом обычным. Ведут разбойники себя как дома. Дети перекреститься не успели — и вот уж мелюзга прикорнула, спят, словно ангелочки, завершившие свои добрые дела.

Пани Катержина, безусловно, знает, что почем на этом свете, но дом так приветен! Слышен стук мельничного колеса, и все вокруг припорошено беловатой пылью. Кто бы тут побоялся остаться?

Пани Катержина снимает накидки — одну за другой, и вдруг становятся видны дорогие материи. Конечно, они порваны, но под слоем грязи сияют замечательные краски. Сняла пани Катержина верхнюю и нижнюю накидку, и тут выпала у нее драгоценная брошка. Ударилась оземь и зазвенела.

— Хозяйка, — проговорила Катержина, — подними эту брошку и возьми себе! Я хочу ее тебе подарить, потому что ты добра ко мне и детям!

Крестьянка поднимает драгоценность, вертит ее в руках, и поэтому речь ее сбивчива, а взгляд скользит по стенам и блуждает по полу. Наконец выходит она к своему супругу и принимается рассуждать:

— Не мужичка это, слышь ты, не идет она к своим родным, не простой это человек, как ты думаешь, а?

Посудили-порядили, как им быть, и под конец пришли к подлому решению. Злые они были люди или нет? Не знаю. Похоже, однако, что сами себя напугали до смерти.

Той же ночью сел мельник на коня, который, право, не привык носить седоков. А где взять седло? Ба, да мужичонка уже держится за недоуздок и сидит прямо на голой шерсти. Около десяти очутился он у Турновских ворот и зовет караульщика:

— Караульщик,пусти!

Разумеется, толку от его просьбы мало; не хватало еще всяких оборванцев впускать ночью в город. Пусть выложит у малого входа, зачем пришел, и убирается восвояси.

— Сегодня под вечер, — рассказывает мельник, — пришла ко мне на мельницу какая-то госпожа и назвалась крестьянкой. Да не простолюдинка она! Не сойти мне с этого места, вот те крест, коли вру. Не вдова это, не идет она к родственникам. Я ее сразу признал! Это безумная, что, позабыв про свой высокий род, бродит по лесам и таскает за собою детишек. А ежели не безумная, то, клянусь честью, это укрыватель, то бишь укрывательница, потому как гостья наша — женщина. Она вся увешана драгоценностями, а в волосах — грязь, и так чудно она выглядит, как если бы вдруг нацепил меч и щит из чистого золота.

Доложил мужичок и снова забрался на своего конягу, который помахивал хвостом, и поспешил домой вдвое быстрее, чем когда скакал к городу.

Караульный у городских ворот — важный господин по сравнению с мельниками, которые возят в город муку, но не столь уж он важен, чтобы забыть, про что болтают люди. На следующий день с утра отправился он к краевому писарю и рассказывает, что слышал ночью. Ах, турновский писарь, он будто вихрь. Маленький, взбалмошный, бегаёт из угла в угол. В руке — перо, за ухом — другое; стоит ему взять вещь в руки, как она тут же падает наземь. У пояса его — кошель и, разумеется, кинжал, но вы не верьте, что кинжал этот наострен, нет, это орудие закона и спокойствия. Писарь только чинит им перья, не больше.

Как только писарь услышал о происшествии, выскочил он из канцелярии и снова вернулся, открыл окно, крикнул вознице, что стоял на дворе краевого суда, чтоб пошевеливался и мигом запрягал.

— Когда же ты наконец запряжешь? — окликнул он его немного погодя, а потом забыл обо всем и принялся строчить дальше.

Ах, скверный писарь, скверная его взбалмошность! Много лет назад некая знатная дама невзначай оказалась в затруднительном положении, и он уступил ей свою лошадку. Господи боже, какой это был благородный поступок! Наряд, что сейчас на нем, он получил за сию услугу, за один и тот же свой поступок он дважды удостоился всяческих похвал, а сверх того получил денежное вознаграждение. Разумеется, писарь желал, чтобы пани Катержина оказалась, по крайней мере, этой бродячей княжной.

Ну, дай бог ему доброго здоровья! Он уже едет в солидной громахющей повозке в Песчаную Льготу.

Да что тут пространно расписывать — длинные истории ничего не стоят.

Писарь хотел заставить пани Катержину ехать с ним, но она отказалась столь решительно, что он удивился. Закралось в его сердце сомнение насчет знатности этой побродяжки, и он раскричался, как кричат только писаря. Ничего не попишешь, возвратился он в город один. И тут обуяла писаря злость, и направился он к турновскому бургомистру и рассказал подробно обо всем, но прежде изложил свои взгляды на это происшествие и свой новый замысел.

Так вот и случилось, что за пани Катержиной были посланы бирючи; схватили они ее на лесной дороге, ибо после ухода писаря пани тут же покинула предательскую мельницу. Вот и сидит она теперь в заточении, а городские богатеи и бедняки из уст в уста передают ее имя. Бедная пани, бедные детки!

Время бежит быстро, не успеешь оглянуться, а деревья уже в цвету, и птицы возвращаются домой. Минули три недели; приближается день, которого мы поджидаем. Козликовы сыновья сходятся, как уговорились. Идут с женами, с детьми, челядинами. С челядинами? Действовали они так же, как Миколаш, однако числом отребье, которое они набирали, право, невелико. Но несут с собой люди множество топориков и мечей. Топориков, ибо так приказал Миколаш. Ждут целый день. Миколаш осматривает, ладно ли подкованы кони, подтянуты ли подпруги, уздечки, снова и снова сам проверяет, хорошо ли наточены мечи. Каждый меч испытывает по отдельности, все берет в руки, и то, что негоже да изношено, летит к черту.

Ян—старший из братьев, но в деле войны и разбойных нападений лучше всех братьев разбирается Миколаш. Его предусмотрительность выше всяких похвал. Он храбрее всех, и ему назначено вести отряд.

— Я не последую совету Яна,—сказал он, когда все собрались,—на рассвете мы всей толпой войдем в город. Я и пятеро из моих людей станем перед воротами, а когда опустится мост, одолеем стражу. Потом путь к тюремной башне будет свободен.

Меж тем войско, а вернее, отребье, набранное разбойниками отовсюду, валялось в шалашах, глаза в отверстие, через которое ускользает дым; на вид вояки скорее скучны и весьма смахивают на хищных птиц, устроившихся ночевать на ветвях деревьев, как на насесте. Были они неподвижны, а кое-кто из этих оболтусов прощался с белым светом и жизнью, которая прекрасна, несмотря ни на что. Да, да, да, и страдаете вы, и гоняют-то вас с места на место, и судебных повесток прислали около сотни, все равно она прекрасна.

Что, на голову дождиком капнуло? Голодны вы и хочется вам к потаскушке? Дражайшие, да ведь все это поправимо! В один прекрасный день потеряет тюремщик ключик, святой ключник рая

хлопнет в ладоши, а только он хлопнет, как выкатится солнышко. Человеческая псарня вновь покажется прекрасной, и снова ты отыщешь свою ярочку. Перекусим где придется краюхой хлеба с тучных полей, заморим червячка румяным яблочком. Ты послушай, что они говорят! Снова, дескать, мы будем пасти барашков, что расхаживают по небу, бегать с водными ручьями наперегонки.

Чего же требовать от бродяг! Чего уж тут требовать и от божьего мира!

Ах, требовать нечего, нечего, живите себе на здоровье! Только вот удастся ли вам улизнуть от этого дикаря, чья воля подобна топору? Трудновато будет отказать ему в небольшой услуге и не позволить себя пропороть. Вчера один вахлак вздумал улизнуть, да вел себя неуклюже, и его изловили. А что с ним теперь? Вы только припомните, ведь Миколаш приказал отправить его на тот свет. И тут все мы пожалели, что соблазнились роскошной жратвой, и почувствовали себя гостями на благородной свадьбе. Кусок застревал у нас в глотке.

И впрямь поздно теперь сожалеть об этом. Пора уж седлать коней.

В селах в ту минуту звучит «Агнец божий», а над Шерпинской чащей летает ястреб-перепелятник, кружит, покачивается, словно язык колокола. Миколашево войско уже на опушке леса. Настает минута прощанья. С богом, с богом — и прости-прощай! Женщины остаются в лагере и будут ждать, когда ратники вернуться, а ежели вернуться им не судьба — тогда укроются в Саксонии. И вот уже конец прощанию, войско трогается. Едут, покидают леса, но Миколаш вдруг повернул обратно. Разыскивает кого-то из слуг, с кем был дружен, и наказывает ему:

— Еник, коли до завтрашнего вечера я не появлюсь, разыщи Маркету Лазарову и передай ей все, что расскажут братья, те, кто уцелеет.

Паренек дает обещание, и в скором времени Миколаш догоняет свою ораву.

Они идут. Вдоль травянистых склонов, по которым скачет всполошенный зайчонок, мимо тополя, где тенькает птица, по берегам вод, колеблющихся ситник. Идут они и скачут рысью, и вновь на скаку развеивается грива кобылы и раскачиваются мечи. Небо искрится звездами, и руно курчавых барашков быстро движется по небосводу, достигая в этот момент созвездия Ориона. Свет звезд накидывает на холмы рыжий плащ, плащ и юбчонку, окрашенную в цвета страха.

Страшно мне за этот поход. Под конскими копытами кишмя кишат тени, ведя меж собой войну. Фигуры наемников вытянуты и гнусны. Кто же так вытянул их? Смерть.

Вот они уже подошли к городу, утренний час близок. Вот отряд Яна и отряд младшего брата.

Вот они уже построились, вот Миколаш со своими всадниками отделяется от остальных, вот они подъезжают к воротам.

Вот он уже остановился, стоит. Ноги его будто из латуни или из железа, на руках вздуваются узлы мускулов. Его ноги и руки — словно живые львята и тверды, как у изваяния. Он медленно трогает коня и движется вперед; и взгляд его пронзительнее, чем у ястреба, и видит он зорче. Видит он стражника, который озирает окрестности. Разбойники и те, кто вместе с ними выжидают у изгиба крепостной стены, плотно вжавшись в нее, видят Миколаша, но не видят того, кто стоит перед ними на крепостной башне.

Вот разбойник подносит к губам рог, вот уже слышен голос трубы; голос этот грохочет, и не приемлет возражений, и не терпит отлагательств. Миколаш призывно трубит, и теперь видно, как караульный спускается вниз и его безмятежное лицо четырежды мелькает в окошках, всякий раз ярусом ниже.

Вот уже падает мосток, и ключ гремит в замке.

Миколаш медленно продвигался вперед, ни понуканием, ни хлыстиком не торопя коня. Проехал мимо привратника и его помощников; он не обронил ни слова, которое привело бы их в трепет. И тем не менее они — в ужасе! Обмирают, вперившись в это лицо, а оно не улыбочиво, но и не хмуро.

Словно пьяница, которому с самого начала вино не пришлось по вкусу, словно игрок, который бережет силы, принимая в расчет слишком длительную игру, словно бычок, который не желает идти и упирается, словно сарыч, который парит, не шелохнув железным крылом, словно уличный зевака, отталкивающий того, кто мешает смотреть, словно учитель, наказывающий ученика, — ничуть не страшнее, совсем легонько коснулся разбойник стражника своим мечом. И несчастный рухнул, откнувшись лицом в землю. Вскрик его всполошил голубей. Они взвились, трепеща крыльями, и кружат над сторожевой вышкой.

Лазурь тишины растерзана. Отовсюду летят крики. Изнутри башни выбегают солдаты, неожиданно подступает подмога.

Капитан оказался осмотрительнее разбойников! Капитан изучил ваши повадки, не забывает он и о том, что вы способны предпринять. Он знает вас и разбойников, вам подобных. Он спит, вы мало смущаете его дух, а вот его ребятки, заспанная безусая стража, протирающая глаза, трудится за него и умрет за него. Они уже почуяли неладное, копыя у них — словно уши у зайца, уж схватились они за мечи и прибавляют ходу.

Миколаш оглянулся на ворота: мост до сих пор спущен и сверкает, как река. Он пуст! А где же войско проходимцев? Бежит!

Тут раздается колокольный звон, и звенит он, и призывает. То не голос утра, то не праздничный перезвон.

Это благодатный звук, это благодатный звук, это колокольчик забвения, это колокольчик небытия, это смерть! А кто же трезвонит? Мальчонка. Приметил угрюмых коней и презрительный взгляд разбойника, способного убить, даже если не разъярен и не угрожает. Покровительница сторожевых вышек и башен, покровительница укрепленных городов вдохнула в него отвагу. Почувствовал он, что пришел черед подростков стать взрослыми. И хочет он предотвратить убиение невинных младенцев, и раскачивает колокол. Повис на веревках звонницы, раскачивается сам, а вместе с ним раскачивается язык колокола. Это забава. Какой прелестный наигрыш! Это фата, наброшенная на лик фурии, которая косит и косит головы.

Вот брызнула кровь! Взъерошенный ус и оскал убийцы! Смотрите — меч, согретый теплотою тел. У Миколаша нет ни минуты, он не успевает поворотить коня. Он отступает, защищаясь, конь его пятится назад, дробя конечности павших. Разбойники отступают, однако отверстие ворот тмится новой битвой, там темно от всадников, которых братья Миколаша, обнажив меч, загнали в эту теснину.

Конь разбойника вломился в эту людскую свалку. Миколаш уж не мог двинуться ни вперед, ни назад. В последний раз услышал он перезвон колоколов, увидел спасающегося бегством мужлана, которому отдал белого коня, самого любимого изо всех, а еще увидел, как батрак этот взбирается по травянистому склону, оставляя за спиной город, и еще увидел... или это только померещилось ему?..

Да, все это ему только померещилось, потому что в воротах началась свалка, а мост поднимался.

Ах, свалка, голова к голове, и во всех головах — воспаленный мозг, и во всякий мозг вонзился коготь смертельного ужаса.

Ян, который отстал от брата на три конских корпуса, убил заседавшего парня; и как убил он его, как рухнул конь, так освободилось местечко и еще кто-то из братьев вклинился со своим конем в толпу и пробился к Миколашу. Только тут зачинщик кровопролития смог отдышаться и перевести дух. И вскричал он, как кричат те, чью печень терзает клюв безумия, и меч его принялся разить с новой силой. Легкий ветерок разносит клич безумца, а сам он, один-одинешенек, пробивается вперед. Он бледен, его заливают кровь и обморочный пот. Он страшен!

И в это великое смятение, в эти взвизги и верещанье врывается всполошенный колокольный звон, к небу поднимаются стоны и вопли, словно бог прикрыл ладонью солнце. Ворота сотрясаются, город проснулся, слышны отчаянные крики: «Пожар! Пожар!»

Ах, глупые! Ряд стражников поворачивает обратно, алебардники отбрасывают свои алебарды, солдат убывает, путь теперь все свободнее и свободнее. Те из наемников Миколаша, кто не сбежал, жмутся по стенам, будто крысы, и дрожат от страха. Обливаются слезами, признаваясь в своем беспутстве, и умоляют горожанина, стоящего подле, засвидетельствовать, что вошли они не по своей воле.

— Было нас тридцать девять, да все разбежались; только вот нас, горстку несчастных, разбойники вогнали в ворота. А убитых — так их ведь убили не защитники города, а душегубы. Дьяволы это, сударь!

Горожанин, поглаживая бороду, кивает, но тут раздается оглушительный крик, и цирюльник поступит благоразумнее, если вовремя исчезнет.

Миколаш с братьями через весь город проскакал к башне, в которой помещалась темница. Повстречали они брюхачей, что придерживали на бегу шляпы и спадающие портки; повстречали парней, размахивающих палками и выкрикивающих какие-то призывы, до которых никому нет дела.

— Тупицы, последуйте моему совету, мы спасли бы ваш милый город! А так горите вы огнем! Я на вас осерчал! Я осерчал на вас и бегу

стеречь собственную крышу. Ей-ей! Только одна она из всей вашей навозной кучи этого и стоит!

Ах, наш добрейший каплунчик, сунет он в руки супруге ведро и вкупе с нею примется командовать двумя насмерть перепуганными горожанами, за которыми водится должок.

Стража, однажды уже потерпевшая крах и приведенная в смятение, преследовала разбойников только для виду. И стало так, что никто не сумел превозмочь исступленной ярости Миколаша и его братьев. Никто не смог их одолеть, одно лишь установление божье, что разверзается, как пропасть. И я уже вижу конец несчастного Миколаша. Вижу смерть его братьев.

Разбойники добрались до тюремной башни, а здесь хватает военного люда, чтобы помешать им отпереть запоры. Блестят окованные железом двери. Разбойники ударили по ним! Выставили всем напоказ свое безумие! Великолепное безумие бесцельной и ненужной битвы. Ощущали на затылках дыхание солдат и острия копий, чуть ли не вонзенных в их тела. Королевский капитан препоясывает себя мечом, выскакивает конный отряд, чтоб пригвоздить их к земле, а они помышляют о наступлении! Какое безумство! В последний раз украшает их панцирь. В последний раз заносят они меч. Еще один удар, последний удар.

Что остается мне рассказать вам? Солдаты набросились на них. Смотрите — волна, первая, вторая, третья. Меч за мечом. Взблески и звон мечей. Я вижу, как смерть взбирается на коня. Она подходит слева, и судьи придерживают ей стремя. Ваша смерть, братья-разбойники! Твоя смерть, Миколаш! Стоишь ты, опершись о притолоку узилища, и голова твоя клонится, и падает на плечо. Руки твои все тяжелее и тяжелее. Ты теряешь сознание, в глазах у тебя туман. Все становится тьмою, и вокруг воцаряется тьма. Тьма, центр зеницы ока божьего, тьма, беспредельная тьма, точка крохотнее, чем у астрономов. Я слышу горны времени, торопливого времени. Оно не отступит. Повсюду над городом развешаны краски, но ты их не видишь. Настает утро, пылает Рогачек, озаренный рассветным солнцем. Вот оно уже выпрыгнуло на небосклон, но ты — слеп. Ты умираешь? Нет! Нет, нет, тебе суждено принять более позорную смерть. Смотри — вот перекладина виселицы! Смотри на нее, прозри!

В эту минуту раздается звук трубы. Это подходят солдаты короля. И как вихрь разметает пыль, как волк рассекает стадо, как расступаются люди в храме, прижимаясь к стенам, чтобы дать дорогу епископу,—так расступилась свора наемников, добивавшая раненых. Труба трубача трубит заливисто и солнечно. На ней трепещет флажок, и на флажке, перемежаясь с пурпуром, красуется королевский герб. Их много, этих наемных солдат, но королевский герб словно удесятяряет их численность. Они идут не спеша. Они все ближе и ближе, а кто это перед ними? Кто стоит против них?

Я вижу окровавленные тела, валяющиеся возле едва поврежденных ворот, я вижу одного разбойника, пытающегося подняться, и вижу другого—он, пошатываясь, бредет вдоль стены. Я вижу рассеченные головы и кровь, по каплям вытекающую из ран. Я вижу гибель и смерть тех, кто занимался разбоем и вел мятежные битвы.

Меж тем Козлик в заточенье услышал звон колокола и рев. Он узнал своих сыночков! Сердце у него защемило надеждой, он смеялся, гремел запорами и колотил в двери крича:

— Я здесь! Я здесь, я жду вас!

Глубоко во тьме узилища прислушивалась к шуму и Александра.

Однако шум слабеет. Все стихает. Козлик приложил ухо к стене и прислушивается, не раздастся ли стук и поспешные шаги солдат. Нет, ничего. Уплывает мгновенье тишины, колдовской тишины, свистящей пронзительной тишины, как если бы тот, кто прислушивается, падал в пропасть.

Напрасно вы ждете, рыцарь, напрасно сердце ваше вздрагивает в упоительной надежде. Сыновья ваши побиты и валяются под ногами солдат. Шлемы их откатились к порогу и гремят под ударами трости щеголеватого мещанина. Они валяются в пыли, раскинув ноги, а городской сброд расшвыривает их тела в разные стороны. Теперь прислушивайтесь, вы, чародей сражений, вы, пиит диких сцен, вы, игрок, слишком простодушный, вы, спесивец, вы, головорез, вы, безрассудный безумец! Прислушивайтесь!—ухо у почернелой стены, палец закушен зубами, в голове шум, а в сердце наперсток крови, и она не обращается боле. Прислушивайтесь, не раздастся ли призывный звук боевого рожка. Вот—он звенит уже, звенит, захлебываясь звуками, и все всхлипывает, всхлипывает.

Близится конец нашего повествования, и сладостное утешение подсаживается к опустелой миске с историями, словно голубка, утешающая вдову.

Смерть! Ах, это безумное название тщеты земной страшит и пугает. Я ни полушки не дам за твое слово, велеречивый глупец, я боюсь смерти, страшусь ее и все, что у меня есть, обращаю в мольбу. «Отвяжитесь вы от меня со своим щебетанием! Жизнь и смерть. Это орел и решка монеты, которую я плачу. Дай бог здоровья вашим заказчикам, пусть они меня боятся, пока остаются живы!»

Всем нам однажды морозной ночью придется нести караул, все мы успокоимся под помертвелой луной, все будем насвистывать свою песенку через щербинку, разделяющую наши резцы; никому этого, как известно, не избежать. Драгоценные господа мои, посмотрите-ка все же, как сама эта кумушка убога, как измождена! Я вижу на ее лапе нарыв, который буйно рвется к жизни!

Неужто так-таки никто и не устоит перед ней? Слышали ли вы, чтобы она одолела любящих? Никогда! Вот, смотрите — ангел-провозвестник с багровым ликом! Роскошное тело, и смеется он во всю глотку. Он подглядывает за людьми из-за волн кустарника; выслеживает их в спальнях, у речек, в снегу, на песках, и задерживается всюду, где оттиски тел, и часто поднимает свою правую руку, а ладонь левой прижимает к сердцу. И произносит слово: жизнь. Любит он мужчин и женщин, а более всего противны ему безбрачие и одинокие самцы. Милостивые государи, история Маркеты Лазаровой еще не кончается! Не умрет она, а произведет на свет сына, которого нарекут Вацлавом. У этого Вацлава будет шестеро сыновей. Дети Буриана, дети Яна, дети остальных братьев и стаи байстрюков будут также благословлены детками. Но мне милее всего, что остался в живых дядюшка этих детей, самый младший сынок Козлика, и он тоже не будет бесплоден.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Похоже, все разбойники, ринувшиеся на приступ тюремных стен, пали в бою. Но, увы, это не так. Миколаш и двое его братьев оправились от страшных ран.

Они брошены в темницу. Страдая и мучаясь, проводят они свои дни. Раны их свербят и гноятся. Кровь их отравлена, дыханье отравлено. Несчастные лежат на тряпье, на тряпье поражения и позора. В изголовье у них паук-крестовик свил паутину и спускается по ней, и сучит, и перебирает лапами, и ткет свою гнусную пряжу. О, таинник отчаяния, о, гнусный ткач!

Отвернитесь лицом к стене, которая черна, словно фреска погибели. Воскресите былую жажду приключений, устремитесь вверх! Стена эта вся в плесени, и много на ней царапин страшной безнадежности — вот вам и пейзаж! Вот Рогачек, а вот, невдалеке, дубовая роща. Смотри-ка — всадник, и он размахивает над головою мечом. Воспылайте радостью! Воспылайте силой, которая некогда прилиwała к вашим членам.

Ах, сила, понадобилось пройти через последнее поражение, чтоб она растворилась, но дух не сокрушен, а радость — это сила духа.

Взбешенная конница демонов умчалась из вашего заточенья. Вы вели себя достойно и делом доказали, что не напрасно вручен вам меч. Я слышу стук, и подобный стук отвечает ему. Это язык темниц, это

голоса братьев. Бог дал вам услышать Козлика, и вы слушаете его и улыбаетесь.

В ту пору по деревням уже ходили толки, что все разбойники схвачены и перебиты. Настоятельница Блажене они стали известны на пятый день, и она пошла к Маркете и все рассказала ей.

— Возлюбленный, разжегший в тебе такую страсть, ранен, он умрет. Он был покорителем — о, если бы он добыл ныне небеса! Слышала я, однако, что он упрям и смеется над своими тюремщиками. Маркета, ему нужны сейчас не уверения в любви, не поцелуи, а напоминания о суде!

— Матушка, матушка! — воскликнула Маркета, и с ее уст и лица сбежали живые краски. — Матушка! У меня нет сил говорить ни о чем, кроме этой новости, она переполняет меня. Душа моя поросла порослью любви. Я не верю рассказам, не верю в гнусное поражение! Не поверю никогда! Нет и нет! Имя супруга означает лишь силу. Он добудет власть надо всеми! Я вижу его, он невредим! Он невредим!

— Безбожница, — сказала настоятельница. — Твое отступничество хуже смерти. Ты сделала меня свидетельницей своего падения, за это я сделаю тебя свидетельницей своей власти.

Говоря так, она вышла и приказала, чтобы сестры отвели Маркету в келью, где нет окна. Маркета заточена, как и ее возлюбленный.

Мать настоятельница прогуливалась по саду. Был теплый вечер. Словно миро, осыпалась пыльца первых сумерек. Была весна. Ну, это шаткий довод для снисходительного отношения к распутнице, которая не раскаивается ни в чем! Девка! Это ее всхлипы и вздохи слышны сейчас? Нет, ничего, право, ничего, тихо повсюду. Тишина и спокойствие.

О люди, в головокружительном могуществе своем вы хотели бы сделать все, что в ваших силах, но — увы! — не все в вашей власти! Не все, ибо распоряжаетесь вы лишь бранным телом. Вы распоряжаетесь, а бог повелевает. Водит он душу тайными путями и велит ей совершать деяния. зачастую неопишуемые и преужасные. Вы полагаете, что разгадали тайны мира? О гордыня, неужели не слышишь ты шипения змия, который уже близко?

Настоятельница молилась, чтоб господь послал ей смирение и мудрость. И стало так, что какая-то мысль — может, божья, а может, измышление нечистого — вынудила ее пойти и отворить Маркетину келью.

Она застала грешницу стоящей на коленях. Настоятельница взяла ее за руку и молвила:

— Откуда рождаются мысли, посещающие нас? Ни ты, ни я — ничего мы не знаем об этом. Словно стрелы, вонзаются они в наш мозг, но кто их выпускает, какой лучник? Голубушка моя, не смею я присваивать себе право быть строгой без кротости. Ежели бы пожелал господь, он отвел бы мысль, которою ты одержима, в сторону, и пришла бы она в голову барашку либо собаке. Не вправе я спрашивать, отчего он так поступает, не вправе я препятствовать делам, ежели бог пожелает, чтобы были они совершены. Чего же ты колеблешься? Встань и иди, куда влечет тебя сердце. Чувствую я, что настает миг, когда исполнится несчастье твое и несчастье Миколаша. Видно, призывает тебя господь покрыть вас пеленою покаяния, видно, установил он, дабы оба вы воззвали к нему единым гласом.

Говоря так, растворила настоятельница двери.

Маркета благодарит ее, и все, что она произносит, так трогательно, что мать настоятельница не смогла сдержать слез.

И плакали они, словно две сестрицы.

Потом собралась несчастная в путь-дорогу и пошла искрящейся звездами ночью прямо к воротам города. Подошла она к ним, когда светало. Пришлось ей ждать, пока выйдет караульщик и спросит, что принесла она на продажу или что ей надобно. Одета она была как крестьянка и плакала, так что красота ее померкла, и лоно ее отягощено было бременем. Мог ли караульщик впустить бедняжку без допроса?

Уже съезжаются подводы, и мужички — из близких мест и издалече — рассказывают о своих трудах и о безопасном пути, ибо король повымел дороги так чисто, что девчушка малая, и та без боязни пронесет горшочек с дукатами из одного города в другой.

Наконец ворота отворились. Вот следы битвы, вот брызги крови, изменившие цвет. Маркета стоит как зачарованная, и страшно ей слышать все, что говорят вокруг. Ах, тут-то ее и узнают, тут-то и узнают ее злые соседи и тащат к дому капитана. Проклятое мужичье, проклятое усердие! Вот она уже стоит перед писарями да судейскими и говорит:

— Что я вам сделала? Не нарушила я ваших законов!

— Да как же так?—возражают они.—Разве не воспротивилась ты отцу? Не осталась с душегубами, не держала их сторону?

Схватили Маркету и заперли в темнице на пять дней, давая ей лишь хлеб и воду.

На шестой же день прибыл в Болеславу королевский посланец с известием, каков вынесен преступникам приговор.

Конь у посланца белый, чепрак на нем—пурпурный, а все, что в обычной рыцарской упряжи бывает железное, сверкает золотом. Впереди всадника скакали еще и другие, держа в руках копыя с хоругвями на древке. Королевский посланец не вооружен и без шлема. Он не спешивается, и пока он говорит—сам капитан придерживает за узду его белого коня. Тут трубачи затрубили торжественно в трубы, а когда они отзвучали, привстал королевский посланник на стремянах и говорит:

— Король награждает верность и карает беззаконие. Повелевает он вам жить в мире и покое! Никто—ни дворянин, ни человек звания духовного, ни крестьянин—никто не имеет права оружием разрешать несогласия и споры! Никто не имеет права нападать, возжаждав поживиться товаром купцов либо урожаем, принадлежащим другому! Да найдут защиту и мужик, платящий десятину, и купец, что отдает торговую пошлину! Да будут защищены они от опасности! Дороги должны быть свободны, и король покарает смертью каждого, кто посмеет разбойничать на больших дорогах. Отныне вы будете помнить о королевском гневе, и золото, даже выставленное в лесу напоказ, останется в сохранности. Король гневается, поелику принудили его повторять сказанное прежде. В гневе своем повелевает он, дабы дворяне, попавшие в руки солдат, были повешены на площади. Предводителю же их отсечь голову секирою.

Тут перечислил блестящий посланец имена разбойников, а когда снова отзвучали трубы, продолжил:

— Наказание женщинам таково: да будут они приведены к плахе и к виселицам, да будут они свидетельницами всех казней. А затем изъять у них все их имущество, а самих отвести на землю, где бы жили они с детьми по-крестьянски. Рогачек не должен быть восстановлен, ров его да не наполнится водою, а дом останется в развалинах. Да порастет он травую и

лесом и не поселится там никто. И далее повелевает король: дочь разбойника, именуемую Александрой, казнить как убийцу, а иноземцу за несправедливости, ему причиненные, самому избрать способ казни и время ее свершения. Исполнение последнего приговора откладывается. Женщина на сносях и не может быть казнена, пока не разрешится от бремени. После чего дело пусть рассудит граф Саксонский Кристиан.

Сказав так, блестящий посланник тронул своего белого коня и удалился из города. Не принял он угощения, не согласился отдохнуть, и даже конь его, видно, не получил зерна. Передохнул посланец за крепостными валами, в шатре и в одиночестве — в знак того, что король городом недоволен. Прощайте вы, глаголящие металлом уста, ты, сокольничий гнева! О, если бы тебе поручено было привести в исполнение то, что ты передал! То-то бы у тебя, братец, затряслись ручки! Из приговоренных никто не мог слышать речь королевского посланника, кроме Козлика и Миколаша. Старцу связали руки и вывели из темницы на свет божий. Козлик был стар. Глаза его ослабели, и он щурится на свету. В тулупе его гнездится мрак, мрак свил гнездо в его волосах и кусточках усов, гнусный мрак, и Козлик стряхивает его. Он вздрагивает, словно неукротимый зверь, словно лев, на гриву которого положили руку. Вздрагивает он и отряхивает тьму, и старческую немощь, и устрашение. Вся его фигура выражает надменность. На лице — гримаса презрения. Он бледен. Какой страшный шрам! Эти губы, изогнутые голубиным крылом! Губы — единственный отпечаток красоты на этом хищном лице.

Подойдя, поклонился он посланцу короля и стал слушать, вникая в слова приговора. Услышал, что умрет. Какая подлая смерть! Какое зрелище для мещан, у которых мороз подирает по коже, которые сипят, втягивая воздух сквозь стиснутые челюсти, которые с трудом удерживают мочу и слезы!

О, если бы ты подавил вскрик, если бы сумел задержать вздох! Да поможет тебе твоя гордость! Козлик сложил руки на груди, поддерживая левой рукой локоть правой, а правую ладонь прижал к сердцу. Он не обронил ни слова, не вскрикнул, ничего не было слышно, кроме громаханья слишком свободных цепей. Тут зазвучали трубы, и толпа обмерла, и показывает пальцем на лицо осужденного и на руки, искалеченные ранами. Мещанки поплотнее закутываются в плащи и отступают. Толпа то

сдвигается, то раздается, возникает шум и ропот. Пойдите! Еще немного, еще совсем немного! Вновь отворяются двери темницы, три тюремщика выносят Миколаша. Ах, ужас слишком явный! О, театр, чересчур обнаженный! Куда обернуться! Где отыскать место? Ряды ошалевших ротозеев толкают вас прямо на это тело, а вы отказываетесь им повиноваться и, упираясь, расставляете ноги. Вы чувствуете голову портняжки и локоть цирюльницы у себя на плече. Процессия все дальше продвигается вперед, и вот она останавливается возле Козлика.

— Государь мой,—говорит Миколаш,—мы брали приступом темницу, но бог оставил нас своей милостью.

И тут Козлик опускается возле сына, и, склонившись над ним, отвечает:

— Неужто так и оставил нас бог своей милостью? Нет, бог пожелал, чтобы умерли мы вместе. Вы и я. А твоя мать и сестры останутся жить.

Оковы Козлика лежат на груди у Миколаша, и руки его, упавшие справа и слева, опираются оземь.

— Ты самый любимый сын у меня,—немного погодя проговорил Козлик.

Стражники видели эту сцену, и только сила приказа удержала их на месте. Это приказ из приказов, в сравнении с ним королевское слово значит меньше, чем слово холоуя. Злоба против разбойников клопочет в горле у многих зевак, однако никто из них не двинулся с места, лишь капитан Пиво снял свой плащ и прикрыл им Миколаша. Сделав это, поднялся он и сказал солдатам:

— Выведите Маркету Лазарову из темницы. Король дарует ей прощение.

Содейть это внушил капитану бог, и это было ответом на вопрос, который прошептали губы Миколаша. Он не досказал его, заслышав слова капитана, восторг и блаженство объяли его при этом подтверждении справедливости божьей. И вот ворота темницы распахнуты снова, и снова идет процессия. Выводят Маркету. Начальник тюрьмы берет ее за руку и говорит:

— Ты свободна, иди куда хочешь. Король либо забыл о тебе, либо простил молча.

Но Маркета Лазарова не уходит. Ей все равно, что станется с ней и кто ее слушает. Оглядевшись, произносит она ясным голосом:

— Ведите меня обратно. Не уйду я прежде своего супруга. Буду ждать, и даже если вы не впустите меня, я буду ждать у этого порога, как нищенка.

Облако тишины уносит эти слова. Прекрасны ли они? Нисколько. Или все-таки они трогают ваше сердце?

Ах нет, нет, нет, нас растрогала Маркета и ее любовь.

Всполошенные голубки и голуби с разноперыми крыльями взвились над площадью и, кружа, опустились на гребни крыш. День хорош, хорош, так чудесно сейчас на полях, в то мгновенье, когда вы вслушиваетесь в мелодию незримого инструмента, что наигрывает в светелке соседки. Миг сияния и славного полудня. Но тут раздается позвякивание колокольца. Встаньте, у вас на окне скачет озорной воробышек. Откуда тут взялась голубке! Посмотрите вокруг. Ведь это Болеслав, город, где разыгралась наша история. Здесь, на этом месте, отмеченном камнем, свиделась Маркета Лазарова со своим возлюбленным. Ах, время не стоит на месте, а место — осталось. Здесь слышали люди ее плач и страстные клятвы. На этой площади обручилась Маркета со своим Миколашем при стечении народа, который негодовал и утирал слезы.

Остается нам досказать еще о графе Кристиане, об Александре, о жене Козлика и об их детках.

Граф Кристиан? Плачет он, и винит бога, и мерзко богохульствует. Но велика сила сердец. Скорбь опускается на дно сознания. Вы творите омерзительные дела, а по вашим артериям вновь подымается вверх неиспорченная кровь. Теперь вам необходимо дать ответ епископу, хоть он и подлец, съездить домой и снова вернуться в Чехию. Да, да, поверьте, когда граф Кристиан встретился с Александрой, беременность ее была уже несомненна. И он должен был ее судить?! Да нет, он простил убивицу своего сына и мать его ребенка. Но увы! Королевское слово не сбросишь со счетов, что бы там ни стояло. Поехал граф с Рейнером к королю. Снова слушал барабанный бой, и трубы, и тишину, стелющуюся над королевскими дорогами. Короля, однако, лицедреть ему не довелось. И возвратился граф, и заплакал.

Меж тем Маркета Лазарова воротилась на Оборжиште и, вошедши в восстановленный дом, сказала своему отцу:

— Отец, бог поставил тебя моим другом и защитником, и вручил он тебе розги, дабы ты наказывал меня, коли сойду с пути истинного. И ты обо мне пекся, я же пренебрегла твоим домом, пренебрегла и обителью божьей. Как я грешна! Скажи мне хоть словечко, чтобы и я получила право говорить. В утробе моей шевелится сын. Как мне разговаривать с ним, ежели ты не снимешь с меня запрета? Наложил на меня епитимью, испытай мою верность, чтобы могла я жить и не умерла вместе с супругом. Испытай мою верность, ибо за душу мою спорит смерть, и шипит она: могила, могила, могила!

Лазар, чья борода бела, как дым, осенив себя крестным знамением, ответил:

— Ты была моей дочерью, ею и осталась. Лишь ненадолго отлучался куда-то, а завтра овдовеешь.

Взял он ее за руку и хотел ввести в горницу, где собралась вся чета. Но Маркета бросилась перед ним на колени и проговорила:

— Супруг мой завещал мне жить с его сестрами. Супруг мой вступает с вами проститься! Мой супруг!

Ах, сколь печально это прощание, сколь прискорбно противоборство отцовской воле! Тут вошли сыновья Лазара и молча, растрогавшись, взирают на кающуюся грешницу, эту служительницу любви.

Драгоценные государи мои! Все, кто слушает исповедь нашей страстной возлюбленной, некогда полагали, что мудрость обращается к ним как к брату и сестре. Их озарила любовь; она озарила их почти незримой пылинкой живого света, и пылинки той достаточно, чтобы поколебать незыблемые истины и сокрушить их твердость. Она швыряет родных на колени. Никто теперь не проклинает их, они повержены, бог подменил им сердце и дал почувствовать, что мудрость их — плевел.

Да способны ли эти кустари на что иное? Вчера они хихикали, радуясь, что их делишки прошмыгнули под королевской рукой, а нынче хотели вершить суд и расправу?! Ну, да зачтется им эта перемена к лучшему.

Старый Лазар вывел коняшку и в повозке, в которой когда-то ездил в церковь, отправился с Маркетой к городским воротам.

Наутро день казни. Пани Катержина, Александра, жена Кристиана, Вацлав и прочие Козликовы детки собраны в капитанском доме. Ночь они провели в людской.

Катержина хотела всю ночь бодрствовать возле темницы, но в этом ей было отказано. Ведьмы, фурии, пересмешники и разная сволочь, вылезшая из всех щелей, подходили к ней и в лицо бросали свои визги и вопли. Чувствовала она себя так же, как на дороге, когда их везли из Турнова. Шла ли она, стояла ли у храма позора,— он все был объят пламенем и обжигал, как огонь. Несчастная женщина, не запятнана она кровью, и скорбь ее почти не заметна. Не пугают ее и не касаются эти недостойные порождения злобного языка и насмешек.

Вы, ротозей и зеваки, подходите ближе, ближе! Схватите девушек за талию и скачите подле них, выступающих торжественной поступью. Порожните мозг свой в этих воплях о справедливости. Это одно наказаний, без которого мир немислим.

Насмешки падали, словно град и дождь на голову паломников. Когда они шли в город, толпа разрослась. Слышен был гогот и гиканье. Перед ними кувыркается какой-то паренек в красном колпаке, а другой кричит, что есть мочи, а кто-то третий, держась за носки башмаков, смеясь и кривляясь, говорит Александре:

— О панна, панна, по тебе сохнет сердце!

Нужна была невозмутимость статуи, сила льва, чтобы оставить все эти насмешки без внимания. Не обронив ни слова, женщины шли вперед. И молчание ограждало их, словно шатер. Наконец слуха капитана тоже достигли вопли толпы, и, увидев, что творится вокруг, вышел он при всех своих регалиях на площадь. Окунулся в толпу и кричал, как обычно кричит при отступлении: «Назад! Назад!» Толпа отступала неохотно, и не остывшие еще зеваки галдели в улочках, отстаивая свое право пригвоздить преступников к позорному столбу. Затем разбойниц отвели в дом капитана, у дверей поставили охрану.

Около полуночи Лазар со своей дочерью добрался до города, и они были впущены. Ах, какое это свидание! Кто передаст радость, полную смущенья, доверчивость, ликование, скорбь, горделивость и грусть? Слова не столь многозначны, и говорящий пользуется не только словами.

— Ты пришла, Маркета! Видишь — теряя так много, я обретаю дочь. Дитя мое, не тверди слишком часто: горе! горе! Не причитай над нами. Все, что ни делается, надобно уметь принимать. Это посылает нам господь бог. Сердце его ласково и неисповедимо. И ко всем его деяниям подмешана

любовь. Что с того, что мы плачем теперь? Так ли уж много значит гнев короля? Есть судия поважнее, он будет судить рыцаря по-рыцарски, мужика — по-мужицки. Супруг мой привил своим сыновьям добродетели, которые признавало его время. Увы, времена меняются! Супруг мой был определен как разбойник, сердце его, однако, никто не оценил.— Сказав так, Катержина умолкла, теребя ткань своей парчовой накидки.— А теперь — ни единой слезы, ни слезиночки! — вымолвила она напоследок.— И верность, верность прежним временам.

Ночь плелась и летела, трезвоня в колокол, что со звоном отбивает час за часом. Его надтреснутый голос напоминает звук цепей, которые тюремщик, спускаясь, волочит со ступеньки на ступеньку. Уже светает; летите в небо, вороны, взвивайся к небу, нечисть с растрепанными крыльями, взвивайся к небу, мразь с отдаленным хвостом, с кровавым клювом, смрадным дыханием, испуганным взглядом! Ах, только горлинка сидит себе на башенке и воркует призывно.

Какой день! Вот серп месяца, вот стрелы рассвета. Все вершится в безмолвии. Бдительная стража пересекает площадь, направляясь к темнице. А за стражей движется шествие женщин и детей. Это пани Катержина и все остальные. Я вижу Маркету Лазарову, Александру, а замыкает процессию Вацлав. Паренек грязен и всхлипывает, закрывая лицо ладонями. Вот они вошли. Караульщики убыстряют шаг, уж не пылают ли их сердца сочувствием? Отчего это они вдруг занялись счетом? Какие мысли гонят от себя прочь? Ах, поверьте, ожидание — страшная вещь. От ворот вдоль стены до угла крепости — пятнадцать камней, да только тринадцать насчитал я в обратную сторону. Вот, смотри-ка, волочится сука и побирушка, которая сегодня чуть ли не стройна. Площадь уже заполняется народом. Зеваки перебегают с места на место. Застывают, словно частый лес. Толпа добрячков, толпа стародавних приятелей, что задолжали разбойникам проклятия за ночные нападения. Этот, надутый, чванится, а этот хлопает себя по поясу и животу; третий насупился, а по ляжкам его ползет холодок. На висках у стариков вздуваются жилы; платье у них теплое, а затылки — холодные. О, эти очи, вперенные вдаль! О, этот отрешенный взгляд! Теперь вы слышите барабанный бой. Пять ударов в барабан и пять ударов в дверь темницы. Вдоль стены выстраиваются копьеносцы. Тень их переламывается и подымается вверх, облизывая

карнизы. Копьеносцы и снова барабанщик, возвещающий смерть. На его барабан наброшено покрывало, барабан гремит глухо, и звук его — будто тень звука. На небе теперь сияет солнце, и все это убожество сверкает великолепием, на миг все темнеет и снова озаряется блеском. Пышет зноем. Палач утирает пот, и толстяк в панцире вертится, словно школяр. Но вот выходит Козлик с пани Катержиной и исповедником. Коснулся он одеяний господина, который везде благодетен, и идет, словно виноградарь, у которого истек срок аренды. Оглядывает он сборище и, видя на лицах опустошенность и отчаяние, жалеет сам себя и произносит:

— Еще немного, и я избавлюсь от тяжести времени. Право, я уже стар.

Больше нечего ему добавить, но, видя страдальческие очи своей жены, он усмехается еле заметно, чтобы ободрить ее. За ним шагает Миколаш. Он слаб, у него подкашиваются ноги. Та женщина, что идет сбоку, та, что поддерживает его, — это Маркета. Его израненное лицо бледно, плечи лишь будят воспоминание о былой мощи, и правая рука лишь напоминает о прежней силе, он кладет правую руку жене на плечо, чтоб та теснее прижала его к себе. Он зачарован смертью, которая, как ни судите, есть покой. Он никого не видит — разве лишь тех, кто совершает тот же путь, не слышит гомона толпы и не чувствует страха. Душа его приникла к его сердцу, и звездная пыль, налипшая на ее крыла, попадает теперь в его кровь и разносится по всем жилам. Это смирение, без которого храбрость дика и необузданна, как буйство.

Лишь смирение? Маловато! Как, он не раскаивается? Не сожалеет о содеянном?

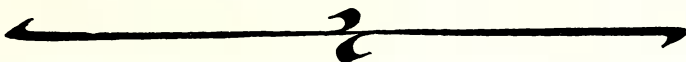
Нет. Он слишком уж разбойник и всегда был гордецом.

За Миколашем, поддерживая друг друга, шли по двое четыре его брата. Раны их ужасны, и женщины причитают, вглядываясь в их лица, а мужчины тяжело вздыхают, видя следы мечей. Куда подевались щebetалки, тараторки, вредные бабки и злые языки? Нет их. То было мимолетное кипение чувств, и маска слабости, и радость от зрелища бескровной драмы. Однако театр этот великолепен.

Козлик прощается. Голова его падает в корзину, и затылок обогреть кровью. Миколаш стоит под виселицей, вот он вздохнул в последний раз. За ним идут четыре брата, и палач, набрасывая на них петлю, переламывает им шеи.

Смотревшие казнь замерли. Позже было занесено в хронику, что жены разбойников стояли как изваяния, на которых горит одежда. Лишь Маркета Лазарова рухнула наземь, и плач ее звучал, словно ветер, от которого нам становится не по себе.

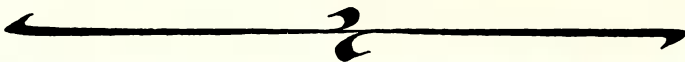
Маркета Лазарова! Но это имя — уж и не ее имя вовсе. Эта женщина повела сына, нареченного Вацлавом. В то же время родила и Александра. Разрешившись от бремени, собственной рукой лишила она себя жизни, и Маркета кормила обоих детей. Выросли из них крепкие мужчины, но, увы! — за души их спорят любовь и жестокость, вера и сомнения. О, кровь Кристиана и Маркеты!

* * *

Мой пиит, история эта составлена без ладу и складу. Да ведь тебе она и без того доподлинно известна! Рассказал я ее как бог на душу положит и вряд ли смогу снискать твою похвалу. Что поделаешь! Удилище рыбака все колеблется над глубинами вод. Не отыскал я источник, ты сам вырой яму поглубже на описанном месте и разыщи колодезь, из которого овцы утоляют жажду.

1931

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. Кузнецова. Баллада о любви и мужестве</i>	5
<i>Маркета Лазарова. Перевод В. Мартельяновой</i>	9

Ванчура Владислав

В17

Маркета Лазарова. Пер. с чеш. Ил. Владимира Бреговского. Предисл. Р. Кузнецовой. Пер. В. Мартемьяновой. М., «Худож. лит.», 1979. 150 с.

Роман «Маркета Лазарова» (1931) — один из лучших романов выдающегося чешского писателя, национального героя Чехословакии Владислава Ванчуры (1891—1942). Величественная история любви Маркеты Лазаровой, ставшей женой рыцаря-разбойника, а не монахиней, как желала сама Маркета и ее отец, дает возможность В. Ванчуре противопоставить скучной обыденности мещанского мира Чехословакии 30-х годов XX столетия сильные характеры, стойкость и мужество людей чешского средневековья.

В $\frac{70304-338}{028(01)-79}$ 161-78

И (Чехосл)

Владислав Ванчура

**МАРКЕТА
ЛАЗАРОВА**

Редактор

И. ИВАНОВА

Художественный редактор

Г. МАСЛЯНЕНКО

Технический редактор

Л. СИНИЦИНА

Корректор

Г. КИСЕЛЕВА

ИБ № 946

Сдано в набор 18.03.77. Подписано в печать 02.01.79. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная. 11,087 усл. печ. л. 8,296 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ 2843. Цена 1 р. 60 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, 107 882, Ново-Басманная, 19.

Фотонабор и диапозитивы текста изготовлены в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Отпечатано в Московской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

И (Чехосл)
В17

70304-338
В _____ 161-78
028(01)-79

1997-2001

Владислав ВАНЧУРА

МАРКЕТА ЛАЗАРОВА

